

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОИЗЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

«ФИЛЕН»
2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УНЦ РАН
НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПРИ МК РБ

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Издательство "Гилем"
УФА — 2001

УДК 902/904

ББК 63.4

П 78

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных исследований АН РБ*

Проблемы первобытной культуры: Сборник статей. Уфа: Гилем, 2001. 215 с.

ISBN 5-7501-0279-3

В сборнике представлены работы участников международной конференции «Пещерный палеолит Урала». Среди авторов известные отечественные и зарубежные специалисты, занимающиеся изучением древнейшего пласта материальной и духовной культуры. В центре внимания ученых проблемы изучения искусства, а также особенностей культурогенеза на Урале в эпоху древнекаменного века. Часть статей посвящена исследованию уникальной пещеры Шульган-Таш.

Предназначен для археологов, этнографов, историков и краеведов, а также для всех интересующихся историей и археологией.

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук В.Г.Котов
доктор исторических наук В.Е.Щелинский

Рецензенты:

доктор исторических наук М.Ф.Обыденнов
кандидат исторических наук Р.Б.Исмагилов

На обложке рисунок художника Р.Я.Миннебаева

ISBN 5-7501-0279-3

© Издательство «Гилем», 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Проблемы первобытной культуры» сформирован из работ участников международной конференции «Пещерный палеолит Урала», состоявшейся в г. Уфе в сентябре 1997 г. Широту проблематики определили интересы участников, среди которых ученые из уральского региона, Петербурга, Франции и Финляндии. По тематике его можно разделить на три больших раздела: во-первых, это проблемы первобытного искусства и древнейших верований; во-вторых, проблемы археологии палеолита в основном уральского региона и, в-третьих, задачи комплексных и естественно-научных исследований и музеефикации различных палеолитических памятников, и прежде всего пещеры Шульган-Таш (Каповой).

Сборник открывается статьей питерского исследователя А.К. Филиппова, посвященной проблемам становления древнейшего искусства. С этой же темой связана работа известного французского ученого – специалиста по искусству палеолита – профессора Ж.Клотта, в которой он анализирует уникальный изобразительный комплекс недавно открытой пещеры Шове. Изучение рисунков пещеры Шульган-Таш, и в частности анализ композиции с лошадьми в зале Хаоса – в центре внимания питерского ученого В.Е.Щелинского. Во многом дискуссионными являются статьи уфимского археолога В.Г.Котова, в которых он реконструирует мифологический контекст двух палеолитических святилищ в пещере Шульган-Таш и в пещере Заповедная. Оригинальные материалы о культовой практике уральского населения в палеолите содержатся в предварительном сообщении Ю.Б.Серикова об открытии нового пещерного святилища на р. Чусовой. Смирный ритм как этнокультурный индикатор финно-угорских народов предложен по данным финского, карельского и уральского наскального искусства финским профессором Э. Аутио. Описание новой находки произведения монументального искусства на Южном Урале дается в предварительном сообщении С.В.Богданова и В.Г.Котова.

В работах Г.П.Григорьева, Т.И.Щербаковой, Ю.Б.Серикова, С.А.Кулакова рассматриваются особенности отдельных палеолитических памятников на широком сравнительном фоне, что позволяет авторам выходить на уровень

культурно-исторических интерпретаций. В работе Г.А.Данукаловой и др. на основе результатов комплексных естественно-научных исследований уточняются геологические условия местонахождения Горнова на Южном Урале. В завершающей статье Ю.С.Ляхницкого, М.А.Чуйко на новый уровень поднимаются проблемы естественно-научного изучения и музеефикации уникального пещерного святилища Шульган-Таш.

Таким образом, в данном сборнике статей нашли отражение не только научные проблемы, связанные с изучением духовной и материальной культуры эпохи палеолита, но также и вопросы сохранения историко-культурных памятников, имеющих научно-практическое значение.

*А.К. Филиппов**

ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ СТИЛЕЙ В ИСКУССТВЕ ПАЛЕОЛИТА

Организация художником условного целого требует внимания к части, деталям, наглядным характеристикам в их формальной взаимосвязи. Встает вопрос о времени возникновения как этих традиционных характеристик, так и целостности изображений. В связи с этим попробуем привести в систему некоторые данные палеоискусства, имеющие определенное отношение к стилю и другим составляющим формы. По всей вероятности, о стиле можно говорить только тогда, когда проявляются тенденции к особой, выразительной организации форм изображений и – структурной ясности независимо от того, изображается ли форма в целом или ее часть. Стиль выступает как результат закрепления во времени и пространстве единых изобразительно-выразительных условностей.

В изобразительном искусстве верхнего палеолита, как казалось бы, могут быть выделены формальные стилистические признаки выразительности самого различного плана, например либо признаки схематизма и «незаконченности» изображений, либо их статичности или динамики. Как правило, в археолого-иконографических исследованиях этот комплекс признаков оказывается не только конгломератным, но и сильно усеченным. Стили искусства верхнего палеолита как бы лишены своей внутренней содержательной стороны. К сожалению, мы очень мало знаем о сущности изобразительных комплексов этой эпохи и часто рассматриваем их с позиций вышужденного формализма. Когда неизвестно глубинное содержание символа или знака, кажется, что для определения стиля достаточно выявить своеобразие технологии, в частности ее грубость и простоту, или – сложность. Иногда стиль определя-

* *Филиппов Анатолий Кузьмич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург.

© Филиппов А.К., 2001

ют как особый технический прием, позволяющий добиться яркой выразительности формы. Но чаще обращают внимание на особую манеру обобщений образов, с наличием или отсутствием деталей, на гипертрофию различных форм, на бросающийся в глаза характер поз, движения фигур и особенности перспективы. Наборы признаков стилей по эволюционным стадиям, как считается, относительно полно разработаны А.Леруа-Гураном.

Стиль I, охарактеризованный первыми фигуративными формами, не имеет устойчивого выражения. Редко изображается полный комплекс животных, чаще – только голова и грудь. Стиль I может быть проиллюстрирован блоками из убсжищ и гротов Белькэр, Ферраси, Селльс, Берну и Кастане. Изображения отличаются крайним схематизмом. С фигурами животных связаны особые знаки – реалистические (фигуративные) символы пола, в основном женские. Как некие вполне закономерные рецидивы подобные изображения проявляются и в более позднее время. Стиль I, по А.Леруа-Гурану, датируется промежутком времени от 32 до 25 тыс. лет от наших дней.

Стиль II показывает животных в элементарно-синтетической манере. Очень простая шееспинная линия, иногда дающая толчок к узлаванию вида животного, как правило, однообразна. К профильному корпусу как бы приставлены специфические детали: рога, нередко изображенные в фас («крученная» перспектива А. Брейля), уши, хвост и так далее; ноги обычно не закончены, часто в виде одной передней и одной задней; скульптурные фигуры животных и людей статичны и отвечают определенному канону, женские изображения делаются, как правило, с преувеличением бедер, живота, груди. Фигуративные знаки женского пола эволюционируют к абстрактности. Они имеют концентрическую или овальную форму. Техника носит жесткий несколько несумелый характер. Стиль II, как пишет А.Леруа-Гуран, хорошо прослеживается на каменных плитках и блоках из Истюриц, Лабаттю, а также по находкам в гротах Лоссель, Леспюг, Брассемпуи; по памятникам настенного искусства – в пещерах и гротах Гаргас, Пер-нон-Пер, Ля Грез, Улен, Юшар, Шабо. Стиль II существует после стиля I в рамках 25–20 тыс. лет.

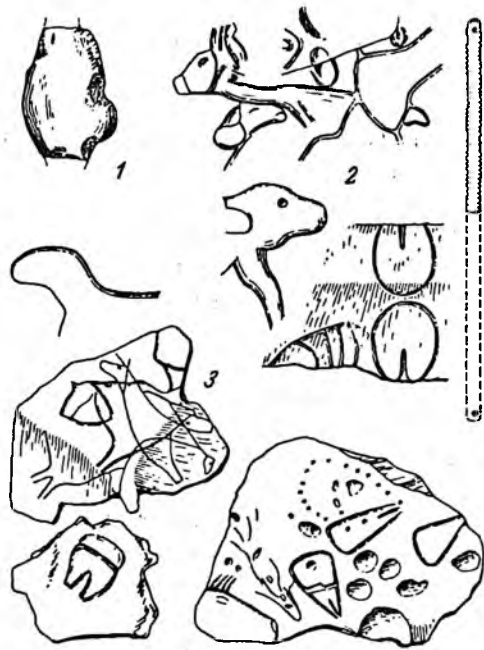
Стиль III продолжает эволюцию синтетической манеры изображений стиля II, но в совершенно развитом живом виде. В формах изображенных животных мы наблюдаем пока тот же довольно упрощенный извилистый изгиб шееспинной линии, силуэт животных таксообразный, перед корпуса объемистый, как бы надутый, короткие ноги часто выставлены вперед и назад, перспектива «полукрученная» – передний рог показан прямым, другой извилистым; техника изображения деталей и фигур в целом достигает совершенства; знаки окончательно превращаются в абстракцию. Этот стиль распространен во время солютре и далее вплоть до среднего мадлена, то есть примерно от 20 до 16 тыс. лет. А.Леруа-Гуран относит к этому стилю солютрейские рельефы на блоках из Рок де Сер и Бурдей, а также часть рисунков из Пеш-Мерль и Габийю, изображения Ля Мут, Гаргас, Куньяк, Портель. Весь ансамбль Ляско также относится к стилю III.

Стиль IV разделен на два этапа и связан с аналитической фигуративностью; он свидетельствует о полном расцвете палеоискусства в среднем и по-

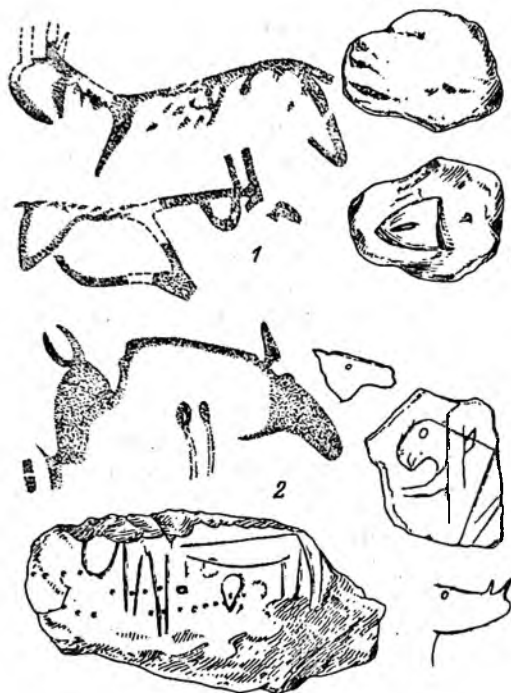
зднем мадлене. Стиль IV древний характеризуется легким папомипанием об элементах предшествующего стиля, которые выражаются в очень слабых диспропорциях; в целом изображения уже обладают высокой степенью «оптической» достоверности; позы животных экспрессивны, но ноги как бы висят в воздухе; появляются необычные детали вроде условных больших грив бизонов. Рога изображаются в нормальной линейной (ракурсной) перспективе. Штриховка или цветовые пятна – главные средства выразительности во всем франко-кантабрийском искусстве. Стиль IV поздний отражает полное развитие способностей палеолитических мастеров передавать пропорции фигур и выразительность движений. В начертании знаков намечается поворот к овальной и треугольной стилизации. Наиболее показательные памятники с изображением стиля IV – это Фон де Гом, Комбарелль, Руффиньяк, Нио, Труа Фрер и Фонтане, представившие гравюры и живопись; Кап Бланк и Англь-сюр-Англен с каменными фризами, Тюк д’Одубер и Монтеспан с крупной скульптурой из глины. Из стоянок с искусством малых форм можно назвать Аруди, Брюникель, Анлен, Гурдан Истюрнц, Ложери Ба и Ложери От, Лимейль, Ла Марш, Мас д’Азиль, Плакар, Сен Марсель, Сольотре, Ля Ваш. А.Леруа-Гуран расположил стиль IV в промежутке 16–11 тыс. лет.

Как показано, стили составляют определенные этапы эволюции изобразительных форм. Если стиль I А.Леруа-Гурана можно определить как бесстилевой, аморфный, то у стиля II существуют определенная целостность, элементарный анализ и синтез внешней формы. Стили III–IV содержат в себе достаточно детальный анализ и синтез.

Взгляды на постепенное зарождение изобразительной деятельности не были случайны, они как будто бы подтверждались выявленной в раскопках археологов стратиграфией последовательно расположенных культурных слоев. Так, в большом убежище Ля Ферраси разрез, полученный в процессе раскопок, показал культурные слои от мутье до граветта (перигора IV, V, VI) включительно. Данные приводятся по Д.Пейрони [Реугону, 1936: 1–92]. Ориньякские слои содержали предметы примитивного искусства (рис. 1,2). Среди них в слое F – ориньяк I (35–31 тыс. лет) были обнаружены «выпрямитель древков», клык пещерного медведя с искусственно сделанным пе-

Р и с. 1. Ля Ферраси: 1 – ориньяк I; 2 – ориньяк II; 3 – ориньяк III

Р и с. 2. Ля Феррасси: 1— ориньяк III;
2— ориньяк IV

рехватом для крепления в качестве подвески и схематическая «фигурка женщины» из рога северного оленя.

Слой Н — ориньяк II (31–30 тыс. лет; есть дата 27 тыс. лет) содержал фрагмент украшенной насечками диадемы из бивня мамонта, а также — блоки известняка, предположительно упавшие со стен. На одном из них были выгравированы голова бычьего или горного козла (?) и различные линии и знаки, в том числе — символы женского пола. Второй блок — с изображением большого женского знака, третий блок — с рельефным изображением головы неопределенного животного. На четвертом — грубые гравюры двух противопоставленных друг другу женских символов.

Из слоя Н¹ — ориньяк III (29–25 тыс. лет) были извлечены предметы искусства малых форм, представляющие собой очень схематичные изображения: головы и протомы лошадей (?), голова олени (?), параллельные борозды, а также — комплексы знаков в виде вульв, ямок, точечных полузамкнутых цепочек. Из этого же слоя происходит небольшой, около 20 см, бугорчатый блок известняка: на одной его стороне — голова неопределенного животного или человека (?), на другой — треугольный женский символ; еще один блок, в два раза больше предыдущего, несет на себе схематичное изображение антропоморфа без головы. Здесь же обнаружены очень неясные изображения горного козла и оленя, выполненные черной краской.

Слой Н² — ориньяк IV (26–22 тыс. лет) представлен гравюрами на «огруглых» блоках известняка с изобразительным полем 25–40 см по диаметру. На них изображены головы лошади, носорога, львицы (?) и — фигура неопределенного животного в ассоциации с рядами маленьких ямок и подтреугольным символом женского пола. В вышележащих граветтийских слоях с остриями Фон-Робер (24–22 тыс. лет; одна дата — 28 тыс. лет) были обнаружены аналогичные схематичные гравировки. Таким образом, в изобразительной деятельности ориньякского и граветтийского населения, посещавшего большой грот (Ля Феррасси), в течение 13 тысячелетий господствовал стиль I А. Леруа-Гурана.

Другие местонахождения французского ориньяка не противоречили этому выводу. Таково убежище Бланшар: на пяти блоках выгравированы про-

стые и сложные вульварные знаки. Один из таких знаков связан с рельефным фаллосом. Далее, на трех блоках выгравированы фрагментарные изображения животных: лоб и рога козла, голова хищника, голова с шеей лошади (?). Два блока имеют по четыре маленькие ямки вокруг большой. Четыре блока со следами живописи. На одном из них, видимо, упавшем со свода убежища, наблюдается сохранившаяся часть травоядного в виде живота и двух нарисованных ног с круглыми копытами (лошадиными?). Изображение выполнено черной линией по красному фону. Рисунок двух других ног животного обнаружен на отдельном фрагменте. Ориньякский возраст этой живописи иногда ставится под сомнение.

Убежище Лартэ имеет два слоя – шательперрон и ориньяк типичный. В ориньякском слое обнаружено два орнаментированных предмета, напоминающих «лунный календарь» из убежища Бланшар. По сторонам одного из наиболее сохранившихся наблюдаются пунктирные линии из 6–7 точек; на половине одной стороны шесть линий, на обратной – двенадцать.

В убежище Белькер (некоторые относят его к граветту) обнаружена единственная для этого памятника сравнительно тонкая пластина с изображением горного козла. Но изображение, как пинут, совершенно ориньякское, выбито ударами, а не гравировано и этим поставлено в особое положение, так как техника пикетажа дальше в верхнем палеолите почти не использовалась. Козел изображен в профиль; достаточно характерный корпус и шея, рога, видимо, не сохранились. Хвост короткий, ноги показаны суммарно; каждая пара в виде одной. Часть блока с головой животного сильно попорчена, тем не менее считается, что это одно из лучших ориньякских изображений.

Есть и еще один памятник в Дордони Франции с чрезвычайно интересным искусством раннеориньякского времени – убежище Селлье. Стратиграфически блоки с изображениями находятся в самом основании стерильной прослойки, разделяющей два ориньякских слоя. Если предположить, что блоки упали со свода убежища, после чего обитатели покинули его, то по их положению они могут быть отнесены, с большой долей вероятности, ко времени, когда формировался нижний слой с ориньяком I. Контактующая с блоками верхняя часть нижнего слоя может оказаться несколько более молодой.

Видимо сразу следует отметить в так называемых гравюрах из ориньяка I убежища Селлье следы технологии пикетажа, что можно соотносить с техническими приемами изображения горного козла из убежища Белькер. Изображения на блоках из Селлье образуют определенные комплексы. Так, голова лошади, вырезанная на одной из плит, находится в определенной связи с изображенными здесь же двумя овальными фигурами с ямками и параллельными штрихами. На двух других блоках представлены головы козлов. К одному из этих изображений может быть проявлен особый интерес. Оно часто интерпретируется как гравюра головы лошади. Она частично наложена на овальный символ, представляющий собой или вульварный знак, или схематическое изображение человека (без выделенной головы); компоновка фигур связана с неровными краями блока известняка.

Раннее фигуративное искусство ориньяка возникает и на других террито-

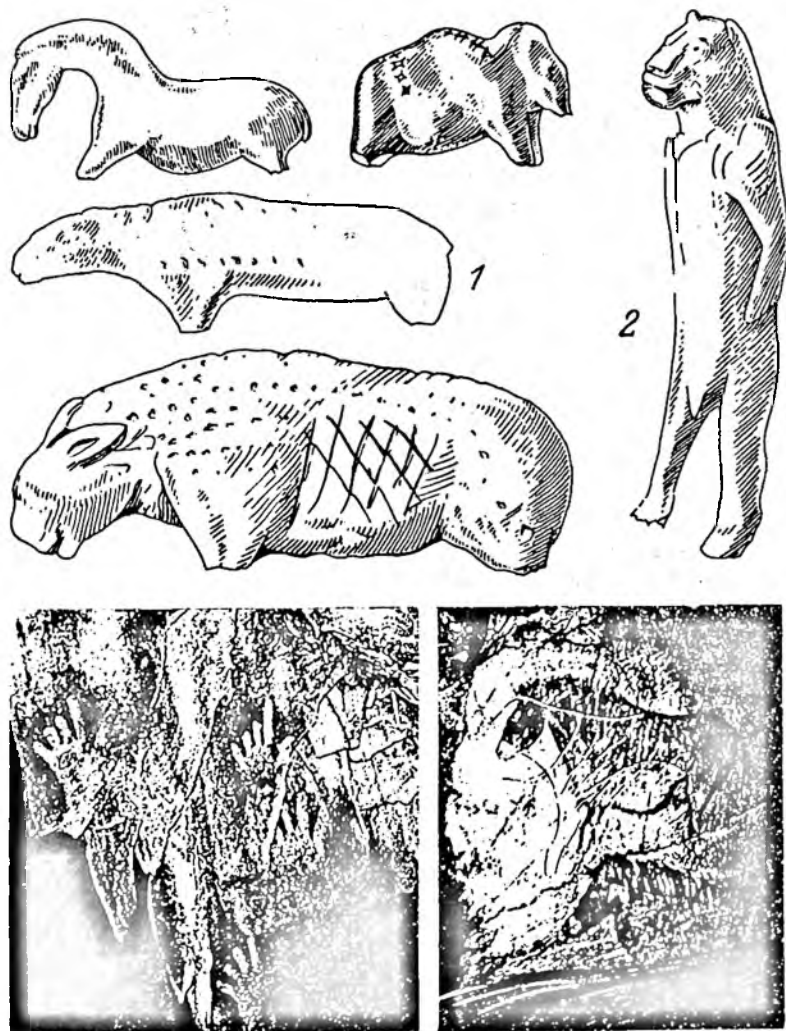
риях. Так, в Западной Германии в Холенштейне была обнаружена мужская фигурка, сделанная из бивня молодого мамонта. Она находилась в слое, который может быть надежно соотношен с ориньяком I–II Франции. Несмотря на то, что статуэтка сильно фрагментирована, ее удалось собрать. У статуэтки вместо головы человека была вырезана голова льва (или медведя?). А это говорит об очень развитом мировоззрении. В Юре на стоянке Фогельхерд в слоях, атрибутированных ориньяком, обнаружены круглые скульптуры из бивня мамонта. В слое 5 – лошадь, два носорога (или медведя?) и два мамонта; в более молодом слое – полурельефный мамонт, а также геометрический орнамент на ретушерах, антропоморф и другие не очень ясные изображения. Все эти ориньякские (!) фигурки принадлежат к стилю II. Из этого следует вывод: одновременные ориньякские памятники Фогельхерд и Ля Феррасси содержат искусство разного стиля.

Во Франции, совсем недавно, были сделаны новые чрезвычайно интересные открытия. В 1990 г. в Большом гроте Арси-сюр-Кюр в двух залах «Хароса» и «Морских волн» на стенах, протяженностью 200 м, были обнаружены изображения восьми мамонтов, одного носорога, двух оленей, бизона, горного козла и других животных стиля III, а также – семь кистей рук. Как пишет об этом З.А. Абрамова, изображения Большого грота, имеющие «определенные черты сходства» с наскальными росписями Каповой пещеры на Урале (≈ 14 тыс. лет), нарисованы «... преимущественно красной охрой в виде простого линейного контура, сопровождающегося иногда красочным пятном внутри» [Абрамова, 1997: 53]. Мы приведем только некоторые округленные даты. Они получены с живописи большого животного – 27–26 тыс. лет, и с негативного изображения кисти руки – 24,5 тыс. лет (рис. 3). Фигуративное искусство Большого грота Арси-сюр-Кюр принадлежит к стилю III и относится к началу граветтского времени. Отметим, что стиль III А. Леруа-Гурана сразу же удревнился на многие тысячи лет.

В 1991 г. в 12-ти км к юго-востоку от Марселя на побережье Средиземного моря профессиональный водолаз Анри Коскер открыл новую пещеру. Вход в наклонно поднимающийся коридор находится значительно ниже уровня моря. Коридор выходит в частично затопленные залы, где А. Коскер обнаружил настенные живопись и гравюры. Это были различные знаки и фигуры животных: мамонты, львы, носороги, лошади, северные олени, горные козлы, множество негативных рук, пальцевые линии на глине (рис. 3). Древнейшая дата одной из кистей рук в пещере Коскер – 27110 ± 350 и 27110 ± 390 (даты ориньяка или раннего граветта?). Большой бизон, кошачье и лошадь относятся к периоду 19–18 тыс. лет. Стиль может быть определен скорее как стиль IV.

И наконец, в 1994 г. в долине р. Роны была обнаружена еще одна пещера, названная по имени первооткрывателя Жана-Мари Шове. Изображения: львы, множество носорогов, мамонты, лошади, северные олени, горные козлы, бизоны, – все стиля IV (рис. 4). Два противопоставленных друг другу носорога оказались синхронными «примитивной» символике ориньякской технико-технологической формации. Радиоуглеродная дата этих изображений – около 31 тыс. лет. То же самое происходит с датированием нарисованного углем

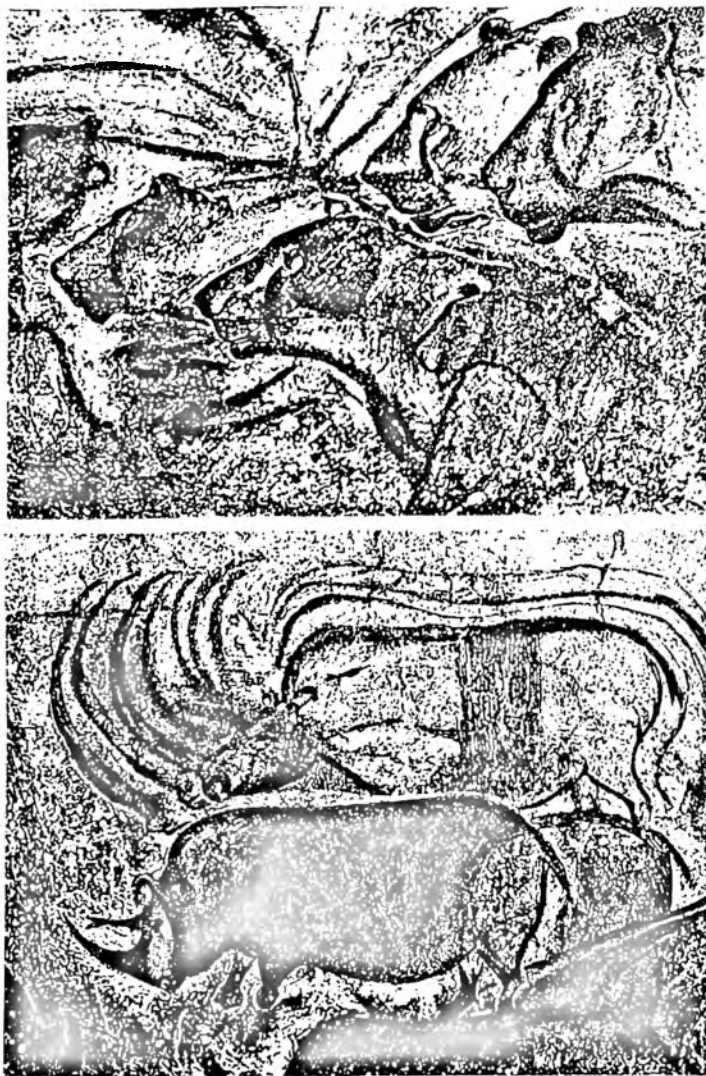
большого бизона стиля IV во втором зале. Его возраст оказался более 30 тыс. лет. Пятнадцать тысячелетий отделяет эту дату от нижней границы стиля IV А. Леруа-Гурана.

Р и с. 3. Скульптура малых форм:
1— Фогельхерд; 2— Холнштейн.
Наскальные изображения пещеры Коскер

Ориентируясь на приведенные выше данные, мы можем, на первый взгляд, только констатировать весьма странную ситуацию: искусство в начале верхнего палеолита Западной Европы существовало без каких-либо изменений изобразительных форм на протяжении огромного отрезка времени, то есть в

самом начале эпохи мы фиксируем, по существу, все стили А.Леруа-Гурана. И, естественно, сразу же возникает вопрос о качестве датирования по C^{14} .

Р и с. 4. Наскальная живопись черной краской из пещеры Шове: лвы, носороги и олени-носороги

Конечно, с технико-технологическими формациями (Ориньяком, граветом, ...) и предметами искусства малых форм, находящимися в погребенном непо потревоженном состоянии, дело обстоит несколько проще. Здесь стратиграфия культурных отложений с относительными датировками дает свою перио-

дизацию. Даты по C^{14} в данной ситуации предлагают определенные уточнения, правда, иногда существенные. В последнем случае нередко из-за отсутствия критериев ошибок метода неудобные датировки чаще отвергаются как противоречащие логике развития вещей. И только совершенствование метода и накопление серии дат должно помочь созданию более точной хронологии.

В настоящее время можно говорить, что нижний граветт Западной Европы спускается к 30 тыс. лет, хотя привычная для нас граница была когда-то намечена примерно на 3 тыс. лет позже. Значительно сложнее дело обстоит с датированием наскальных изображений. Так, на Большом плафоне Альтамыры два, как казалось бы, одновременно написанные бизона, были датированы непосредственно по живописи. Разрыв в работе мастеров оказался в 700 лет. Однотипные наскальные изображения лежащих бизонов в пещерах Альтамыра и Кастильо можно объяснить работой одного мастера – настолько близки сложные ракурсы фигур и общая манера изображения. Кроме того, на стенах и в мадленских слоях данных пещер обнаружены совершенно идентичные по стилю изображения лапней. Возраст же наскальных изобразительных комплексов, к которым относятся упомянутые бизоны, определен с разницей почти в 1,5 тыс. лет. Некоторые комплексы настенных изображений датируются по существующему в пещерах культурному слою, возраст которого определяется совершенно независимо от наскального искусства. В таком положении находится вся живопись Ляско. Более того, стиль Ляско А.Леруа-Гурана стал эталоном стиля III, который, с его точки зрения, существовал в пределах 20–16 тыс. лет, включая значительную часть солютре и весь древний мадлен. В некоторых публикациях стиль III господствует до 14-го тысячелетия. А ведь стиль Ляско, если будет осуществлена датировка непосредственно живописи, может также значительно удревниться. Это потянет за собой многие комплексы, датированные по аналогии. Несмотря на указанные сложности, во многих случаях существует компактность дат, позволяющая отнести к датированию по C^{14} с определенным доверием.

Таким образом, стиль I А.Леруа-Гурана спорадически наблюдается на протяжении всей эпохи верхнего палеолита и в чистом виде существует на отдельных памятниках. Как показано выше, примерно то же самое можно сказать и о стилях II, III и IV. Стиль II хорошо представлен в ориньяке на стоянке Фогельхерд. Отдельные изображения этого стиля зафиксированы также в солютрейской пещере Шабо и в мадленских памятниках, например в испанских пещерах Хорнос де ля Пена, Альтамыра и других. Стили III и IV, как мы уже говорили, выделены в пещерах Шове и Коскер во время существования очень ранних формаций ориньяка и граветта.

Если посмотреть на стили А.Леруа-Гурана с точки зрения эволюции, то можно сказать, что перед нами попытка определить, по сути дела, фазы становления стиля IV. В принципе все стили А.Леруа-Гурана связаны с переходом от предельного схематизма к оптически достоверной изобразительности, когда с первого взгляда узнается вид животного с характерными деталями, часто с поразительно точным движением и нормальной ракурсной перспективой.

Необходимо обратить внимание, что сейчас существует не принципиально

разные периодизации искусства палеолита, сделанные с учетом стилей А.Леруа-Гурана. Так, не совсем одинаково проводятся хронологические границы стилей, что зависит не только от «плавающих» датировок, полученных по C^{14} , но и от заранее заданной цели выявить прогрессивное развитие в последовательной смене стилей от простого к сложному. Трудно уйти от всеобщих законов эволюции, гипнотизирующих нас со времени Ч. Дарвина. Мы все нередко усматриваем эволюцию не только там, где она есть, но и там, где ее нет.

При выделении стилей большее значение должно придаваться технико-технологическому приему выявления символической формы. Отдельно взятая технология, прямо исходящая из обработки какого-либо материала, вроде бы не должна определять стилистическую окраску изобразительного языка, который связан, в первую очередь, с узнаванием образа или знака, орнаментального мотива зрителем. Стили, скорее всего, имеют отношение к разнообразию выразительных средств, в комплексе с которыми может сыграть свою эстетико-стилистическую роль и технология, ибо она изначально определяет избирательные возможности мастера. В этом комплексе технология выступает как совершенная технология обработки конкретного материала. Здесь мы находимся на очень шаткой почве домыслов: в какой степени считать тот или иной образ исполненным в относительно совершенной технике? Критерии технико-технологического совершенства у нас очень неопределенные. Нам приходится принимать простоту и лаконичность техники гравюры, рисунка, живописи в качестве стилистических признаков. Но наряду с этим следует отметить, что уже в начале верхнепалеолитической эпохи на самом раннем этапе зафиксирован прием аэрографического распыления красок при помощи выдувания их через трубку. Многие «негативы» кистей рук на стенах пещер сделаны таким образом. Сочетание разных технических приемов и совмещение «видов» искусства, например гравюры и живописи или барельефа и живописи, являются также своеобразным выражением технического совершенства. Открытие тоновой полихромии в живописи или техники «камео» — блестящее осуществление подобных новаций. И хотя эти технико-технологические завоевания древнейших мастеров принадлежали эпохе в целом, мы наблюдаем их в конкретном месте и времени. Эволюция изобразительного искусства в верхнем палеолите изначально идет по многим линиям и направлениям. И тем не менее трудно понять тех авторов, которые выстраивают свои периодизации палеолитического искусства в жестко однонаправленной эволюции от простого к более сложному [Филиппов, 1988: 39; 1987: 75; 1990: 130–131; 1997]. А.Леруа-Гуран, несмотря на многочисленные оговорки, придерживался концепции однолинейного развития.

Искусство же каменного века, как правило, всегда соотносилось с так называемым примитивным мышлением и неразвитой деятельностью раннего *Homo sapiens sapiens* (по современной терминологии). Его искусство так или иначе должно было иметь вначале стадию эмбрионального состояния. Удивительно, но все сторонники происхождения и эволюции палеолитического искусства от простого к сложному связывали все изменения, с одной стороны, с возможностями сверхпримитивной психологии человека, с другой — с появ-

лением в конечном итоге синтетических изобразительных форм благодаря возникновению и развитию навыков и мастерства в разных технологиях. В бывшем СССР эта система взглядов, с нашей точки зрения, явилась не столько наследницей гипотез XIX в., сколько побочной дочерью науки 40–50-х годов, когда новации, качественные переломы, революционные сдвиги в ней находились под своеобразным запретом. Эта концепция оказалась невольной заложницей элементарного механического эволюционизма. И вот здесь подзабытые идеи XIX в. и более поздние – нашего столетия, например идея изобразительного или натурального макета у А. Брейля или С. В. Иванова, оказались как нельзя кстати. А. Брейль, описывая монтеспанского глиняного медведя без головы, совершенно определенно говорит о грубо выполненном «макете», который дополнялся натуральным черепом медвежонка и покрывался медвежьей шкурой [Breuil, 1952: 238]. А. Д. Столяр отнес эту «скульптуру» к началу верхнего палеолита, отметив этим материально зафиксированный простейший этап в изобразительной деятельности человека.

Итак, до настоящего времени существует устойчивая традиция, с одной стороны, устанавливая археологические эпохи и фазы по материалу, а с другой – прослеживать естественный ход эволюции от простой формы к более сложной. Концепция происхождения ранних форм и видов искусства, назовем ее гипотезой Пьетта-Столяра [Филиппов, 1997: 23], связана именно с такой абсолютизацией. Между прочим в параллельном ряду с этими представлениями находится и ее близкая родственница, хорошо известная «гипотеза простого этапа» использования «игры природных форм» и их подправки человеком [Boucher de Perthes, 1847]; ее мы касаться не будем, отметим только, что Буше де Перт в 1847 г. назвал ее «натуральной первоскульптурой». Напомним, что и Э. Пьетт считал натуральные пространственно-объемные формы легче воспроизводимыми в подражательно-изобразительных подобиюх. Отсюда следовал вывод о скульптуре как наиболее простой и, следовательно, наидревнейшей форме изображений. Волею случая его раскопки как будто подтвердили это (?). Простая ясная логика такого вывода подкупает: прислоненная к стене скульптура превращалась в барельеф, а затем в течение столетий (или даже тысячелетий) эволюционировала в гравюру, рисунок и живопись. А. Дельпорт придерживался прямо противоположной точки зрения.

А. Д. Столяр предположил включить в символическую деятельность натурально-символическое творчество, то есть специальную демонстрацию убитых животных с целью поднятия духа и сплочения коллектива людей. Следующий во времени «натуральный макет» должен был имитировать зверя в магическом ритуале. Вспомним уже упомянутый нами «макет» монтеспанского медведя. И наконец, глиняная скульптура с начала верхнего палеолита свидетельствовала «об окончательном отвлечении от натуральной конкретности» [Столяр, 1985: 260].

В свое время А. Брейль также говорил о простейшем этапе изобразительного творчества, рассматривая проведенные пальцами по глине параллельные зигзаги, волнистые линии – так называемые макароны, как зачатки изобразительной деятельности.

Все вышесказанное не случайно послужило одним из важных оснований выделения своеобразной символической протоплазмы. Так был охарактеризован начальный простейший этап в эволюции палеонискусства: это «подражание природным формам», это «глиняный период», это «изобразительные пробы» в виде следов от пальцев и кистей рук, это фаза всеобщего стиля I, по А.Леруа-Гурану. И здесь следует добавить, что сама стилевая всеобщность, нерасчлененность, сразу же порождает сомнения, ибо начальная в эволюции искусства всеобщность стиля равна его отсутствию.

Хорошо известно, что в верхнем палеолите на территории Европы жили разные по своеобразию культур группы населения с разным по стилю изобразительным искусством. В пределах верхнепалеолитической эпохи искусство Европы различается по регионам. Во Франции выделяется «солютрейский» региональный стиль в бассейне р. Роны. Это хорошо известные грубые гравюры на стенах пещер Улен, Фигье, Юшар и Шабо. Лаконичный монументальный стиль этих изображений не определяет какую-либо стилевую стадию и не характерен для всего солютре в центре в целом. Не из какого стиля не вырастает стиль замечательных копьемедалок, в совершенстве вырезанных из рога северного оленя. Этот стиль органического единства утилитарного предмета с венчающим его изображением был широко представлен в мадлене IV. Не исключено, что связь формы и функции в данном примере обусловлена желанием овладеть объектом охоты, стремлением усилить быстрое действие или мощность оружия. На копьемедалках изображаются, в одном случае, птица или горный козел, лошадь, лань..., часто в момент прыжка, в другом – мощное животное типа вепря или носорога.

Нужно прямо сказать, что в материальной деятельности людей той или иной верхнепалеолитической культурной общности не существовало стилевого единства. Разные виды символической деятельности порождали разную стилевую организацию; в нее могла ненамеренно вплетаться индивидуализированная манера группы исполнителей или, даже, одного «мастера». Все искусство верхнего палеолита осуществляло единый способ репрезентации значений, смыслов, действий в рамках наивного символизма в реалистических формах. Так что в орншьяке I–II схематические изображения Ля Ферраси (стиль I А.Леруа-Гурана) и относительно совершенные по технологии резьбы по кости фигурки животных в Фогельхерд (стиль II) не представляли никакой первичной стадии. И с этой точки зрения вполне закономерно открытие изображений развитого искусства, например, в пещере Шове (стиль III–IV, по А.Леруа-Гурану) с датами более 30 тыс. лет. На первый взгляд эти даты кажутся невероятными. Возможно будет осуществлена их коррекция, но мы не думаем, что будущие уточнения оставят стилистическую периодизацию палеонискусства, предложенную в свое время А.Леруа-Гураном, без существенных изменений.

С одной стороны, можно было бы сказать, что в пределах эпохи никакой эволюции стилей не существовало, а с другой – пока нельзя отрицать, что в искусстве верхнего палеолита Западной Европы было определенное разнообразие выразительных условностей, на основании которых А.Леруа-Гуран

выделил как бы стилистический скелет или модель. Если говорить о смене подобных изобразительных форм, то это никоим образом не будет свидетельствовать о процессе или упадке. Развитое своеобразие форм искусства на том или ином хронологическом отрезке и в определенном регионе всегда сосуществует с иными формами выразительности и, вероятно, тесно связано с пространственностью населения определенной культуры и важными социальными потребностями в символических функциях изображений, в отборе и употреблении различных стилеобразующих выразительных средств. Можно предположить, что на основе возникновения многообразия обрядовых функций могли выделяться особые руководители – знатоки обычаев и мифов. Именно такие люди должны были стать первыми носителями профессионального мастерства в изобразительной деятельности.

Литература

Абрамова, 1997: Абрамова З.А. Пещера Шульган-Таш (Капова) – палеолитическое святилище мирового значения // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа.

Столяр, 1985: Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.

Филиппов, 1987: Филиппов А.К. Композиция плафона Альтамыры и религиозная концепция А.Леруа-Гурана // Религиозные представления в первобытном обществе. М.

Филиппов, 1988: Филиппов А.К. Методологические проблемы изучения закономерностей палеолитического искусства // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.

Филиппов, 1990: Филиппов А.К. Категория «стиля» в культуно-исторической характеристике палеоискусства // Археологические культуры и культурная трансформация. Л.

Филиппов, 1997: Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб.

Boucher de Perthes, 1847: Boucher de Perthes. Antiquites Celtiques et Antediluviennes. T. 1. (1849).

Breuil, 1952: Breuil H. Quatre cents siecles d'art parietal. Montignac, Dordogne.

Peyrony, 1936: Peyrony D. La Ferrassie // Prehistoire. T.III.

*Жан Клотт (Франция)**

ПОСЛЕДНИЕ ДАННЫЕ О ПЕЩЕРЕ ШОВЕ**

Открытие пещеры Шове относится к декабрю 1994 г., настоящее изучение которой еще не началось. Исследования займут годы, учитывая сложность этого археологического объекта и задачи, которые там возникают. Настоящее сообщение носит предварительный характер и очевидно является неполным, но дает представление о том, что мы знаем о памятнике на этой стадии изучения, и о некоторых проблемах, которые возникают.

Вопросы определения

Всякое открытие объекта доисторического, первобытного искусства, каким бы важным оно не было, должно быть идентифицировано. Ошибки в этой области редки, но они существуют и могут повторяться. Баскским специалистам И.Барануиарану, Х.Апеллонису и Х.Алтуне потребовалось провести длительное исследование, чтобы показать, что многочисленные изображения в пещере Субпалде, возле Витории, были подделками – настолько тщательно они были выполнены. В данном случае прибегали к естественным краскам (окись железа для красной краски, двуокись марганца для черного цвета), имелись изображения животных и линии, известные в других пещерах, замечательное использование естественных контуров для изображения многих животных. Но, с другой стороны, поскольку необоснованное сомнение пало на пещеру Коске, в Марселе [ср. по этому вопросу работу Clottes, Courtin, 1994], широкая общественность долго верила в то, что это мистификация, прежде чем исследования и анализы развеяли эти сомнения.

* Клотт Жан – профессор, президент Международного комитета первобытного искусства, Франция.

** Научный перевод к.филол.н. Ш.В. Нафикова.

© Клотт Ж., 2001

Поэтому отношение к вновь открытой пещере должно быть осторожным. После сообщения о находке очень быстро было организовано посещение пещеры с целью убедиться в ее подлинности. Обследование состоялось 29 декабря 1994 г. в сопровождении первооткрывателей. Я участвовал во всех работах по определению подлинности вместе с Ж. Дога, хранителем местного музея археологии, и его сотрудником Б. Жели, который уже много лет работает в пещерах Ардеш.

Когда с помощью лупы обследуют нарисованную линию, то замечают, что внешне непрерывная линия на самом деле содержит микротрещины, вызванные эрозией: на глаз они не регистрируются при общем обзоре. Линия, проведенная недавно, будет намного более заметной и сплошной. Что касается внутренней части рисунков, то в случае свежего нанесения она бывает четкая, чистая и белая, а по прошествии тысячелетий она бывает заполнена продуктами микрокристаллизации на пещерном налете. К этим наблюдениям в пещере Шове добавляются известковый налет или подтеки кальцита, которые то тут, то там покрывают рисунки, что является неопровержимым свидетельством того долгого времени, которое прошло со времени их нанесения.

Эти наблюдения оказались достаточными для установления древнего возраста изображений. Имелись также и другие. Например, в обширном зале свисающие камни были покрыты нанесенными изображениями, среди которых имелись изображения совы и великолепной лошади. Первоначально эти рисунки были сделаны взрослым человеком в стоячем положении. В настоящее время они находятся на высоте 5 м от поверхности земли, т.к. гигантский провал почвы образовал кратер диаметром 6 м и глубиной 3–4 метра. Если бы эти рисунки были выполнены недавно, то их можно было сделать только с помощью большой лестницы, которая бы оставила следы. Кроме того, через единственно известный вход ее невозможно внести в пещеру.

Изображение животных сами находят вне сомнения и по качеству выполнения, и по своей естественности. Если бы они были имитацией, то для этого надо обладать не только качествами большого художника-анималиста, но и отличными познаниями палеолитического искусства, а также и знаниями о животных той эпохи.

Наконец, сам вид почвы не допускает мысли о мистификации. Она пронизана костными остатками пещерного медведя. Различные черепа их насчитываются десятками. И ничто из этого не тронут. Можно даже различить следы, которые медведи оставляли во время своих передвижений в пещере, и следы их костей. Благодаря предосторожности открывателей пещеры все не тронут и легко было увидеть, что пещера в нетронutom состоянии и лишена следов обуви, которые непременно оказались бы на почве, если в пещере действовали мистификаторы, особенно у основания некоторых изображений – панно. Таким образом, несомненно, что искусство в пещере Шове – подлинное.

Впоследствии, 7 февраля 1995 г. несколько французских специалистов и один испанский специалист (Х. Фортеа) посетили пещеру в моем сопровождении и в присутствии Ж. Шове и смогли увидеть эти рисунки и изображения. Никто не выразил и тени сомнения в их подлинности.

Грунты пещеры

В не столь давнем прошлом всякие открытия сопровождались множеством разрушений археологических памятников. В 1970 г. первые исследователи сети пещер Кластр в местечке Ниа затонтали, не видя их, 16 из 17 отпечатков человеческих ног. Очень редко первооткрыватели немедленно сообщают о своей находке, чтобы она была надлежащим образом охраняема. Часто поспешные раскопки заканчивались уничтожением того, что оставалось. Так было в пещере Ласко, как и в других пещерах с росписью.

В наши дни признана важность археологических исследований для понимания деятельности человека в этих пещерах. Отпечатки ног позволяют узнать, сопровождали ли взрослых дети, как часто посещалась пещера. Иногда там оставляли предметы, в расселинах устанавливали кости, зажигались костры. Эти следы и остатки представляют объекты исследования и изучения. В пещере Шове к большому удовлетворению, все оставлено на своих местах, есть возможность проводить любые исследования, и все это благодаря сознательности и разуму открывателей этого памятника, которые ничего не потревожили и уверяют в сохранности всего объекта.

Напрашивается первая констатация факта: глубокие галереи пещеры, по-видимому, не были обитаемы. Палеолитическое жилище легко выделяется, ибо грунт вокруг очагов обычно насыщен костяными отбросами. Ничего подобного в пещере Шове нет. Можно, однако, задаться вопросом — не могли ли они быть засыпаны наносами глины и не надо ли проводить раскопки для обнаружения их. На первый взгляд это маловероятно, ибо очевидны следы и остатки иного рода.

Мало следов можно приписать древнему каменному веку. Некоторые углубления, порядка 50 см в диаметре, содержат на почерневшем дне своем угли. Возможно, что там разводили костры, но не видно никаких следов прокала. Если там и были костры, то это были костры для освещения, как это известно из других мест, например, в пещере Коске; и это не были костры, предназначенные для приготовления пищи. Было замечено с десяток расбросанных сколов. Анализы помогут определить происхождение материалов и природу следов обработки на этих пластинах и отщепках. Наконец, в нескольких кучах в коридоре, который связывает зал с рисунками лошадей с залом в глубине, обнаружены угли от сжигания древесины, определенные Стефанией Тибо (г. Монпелье) как сосна. Это очень хорошо сохранившиеся угли больших размеров. Априорно можно говорить, что это не угли, упавшие с горящих факелов или оставленные на месте костров. Факелы, несомненно, применялись посетителями каменного века или, по крайней мере, некоторыми из них. В нескольких местах пещеры натеки несут на себе характерные черты почернений. Само собой разумеется, что остается установить, к какому времени относятся эти следы от факелов. В одном случае, по крайней мере, на картине с изображением лошадей, следы копыти возникли после времени нанесения рисунков, так как они находятся на кальците, покрывающем лапы одного животного.

Другой след человеческой деятельности дал пищу для некоторых размышлений в момент объявления об открытии пещеры. Речь идет о находке черепа медведя на отдельно стоящем камне в зале, соседнем с изображением лошадей, который мы называем зал Черепа. Речь шла о «культе пещерного медведя», о расколотых и принесенных камнях. На деле же, глыба камня естественным образом сорвалась со свода и разбилась от удара о землю. Медвежий череп намеренно был помещен на этот камень, который не несет никаких следов человеческой деятельности. Два других черепа пещерного медведя находятся у подножия глыбы и по крайней мере десятка два виднеются в этой части пещеры на земле. Отсутствие других костных остатков может наводить на предположение, что они также могли быть принесены с неизвестной нам целью.

Пещерные медведи в Шове были вездесущими. Кости их часто раскиданы, иногда сложены в кучи, возможно, это было сделано людьми, либо они переносились самими медведями во время пребывания их в пещере, либо это делалось потоками воды. Эти моменты предстоит уточнить будущими исследователями. Некоторые скелеты сохранились относительно хорошо, например, палицо анатомическая целостность позвоночного столба. Всего было отмечено несколько десятков черепов. Медведи оставили после себя остатки добычи, частью несущие на себе следы их когтей или клочки шерсти. На мягкой поверхности пола пещеры видны настоящие следы, с весьма четкими отпечатками. Стены пещеры испещрены следами медвежьих когтей, а поверх них нанесены рисунки и картины доисторического человека.

Итак, ясно, что медведи предшествовали появлению человека в этой пещере. Отсюда возникает ряд вопросов. Обитал ли человек в пещере на несколько тысячелетий позже медведей или же первобытные люди навдывались в пещеру сразу же после того как ее покинули медведи? В зависимости от ответа, характер посещений пещеры радикальным образом меняется в дальнем зале, на одном из рисунков изображающем трех львов, представляется, что следы медвежьих когтей идут по спине животных. Это нужно будет уточнить, когда станет возможным более подробное изучение рисунков. Если это подтвердится, то, стало быть, медведи возвратились в пещеру после ухода людей. Это возвращение могло бы объяснить очевидное отсутствие человеческих следов, тогда как таковые медведей хорошо сохранились. Одним из предположений могло бы быть то, что следы художников были стерты подъемами или вторжениями воды, до того как медведи посетили пещеру еще раз. Исследование грунта пещеры будет способствовать прояснению вопроса об отношениях между людьми и пещерными медведями.

Тематика изображений

Как и во всех пещерах с палеолитической росписью тематика изображений сводится в основном к геометрическим фигурам и изображениям животных.

Геометрические изображения

Данные изображения в пещере Шове не столь многочисленны, если их сравнивать с таковыми в пещерах Пиренеев или Кантабрии, но они намного многочисленнее, чем в других пещерах из местности Ардеш. Это же замечание касается и изображений животных. Весьма характерным для области Ардеш является отсутствие геометрических знаков, непосредственно нанесенных на фигурки животных. Едва ли стоит говорить в настоящее время о длинной черточке, нанесенной на изображение лошадей, и о пяти коротких красных штрихах на рисунке прекрасного льва с изогнутой шеей и с красным пятном на морде, как и о двух точках и о короткой черточке красного цвета на морде одной лошади. Сразу же после изображения первого северного оленя рядом с картиной лошадей широкая вертикальная красная черта частично продублирована гораздо более тонкой чертой. Несколько черных черточек, разбросанных то тут, то там, например на одном из носорогов, могут быть, а могут и не быть истинными геометрическими изображениями. Будущее исследование, возможно, определит это и, несомненно, позволит распознать геометрические изображения, затерянные среди рисунков. Было бы удивительно, если бы не существовало неясностей. Например, как раз под мордой носорога, изображенного справа от большой картины в глубине зала, с полдюжины красных черточек можно интерпретировать как сложный знак или как дыхание животного, или же еще как кровь, падающую с кончика морды. Наконец, на голове крупного бизона, нарисованного как раз справа от ниши с большой картиной, нанесено с десяток параллельных наклонных линий, как будто бы его хотели стереть.

С левой стороны этой большой картины, между группой носорогов и группой зверей из семейства кошачьих, различается с десяток крупных красных пятен, расположенных дугой, так же как и с десяток мелких красных точек, расположенных линейно, и еще две красные точки. Эти точки кажутся связанными тоже с красными контурами животных, мало заметных перед черными рисунками. Это ставит проблему (к которой мы еще вернемся) хронологической связи между красными и черными контурами.

Крупные красные пятна стоят особняком. Другие очерчивают края некоторых красных рисунков, скажем, пантеры. Большой черный рисунок в глубине несет на себе красное пятно, под головой находящегося внизу носорога. Вместе с тем красные геометрические фигуры гораздо многочисленнее и разнообразнее в залах у входа. Наиболее частыми и характерными из них являются скопления точек, расположенных в круговую, большого диаметра (от 6 до 8 см). Конфигурация их весьма разнообразна: от маленьких групп точек, расположенных вертикально или квадратами по пять или по шесть, до сплошных участков, которые могут варьироваться от 10 до 100 единиц или более, с тремя большими кругами. Один из них вызывает в памяти контур животного, возможно, бизона или мамонта. Другой занимает почти полностью свисающий камень. Третий, на стене слева в 20 м от входа, простирается на несколько метров и заканчивается справа двумя крестами, которые охватывают мало

заметный знак с многими боковыми деталями. Эти изображения из больших красных точек напоминают таковые из пещеры Пеш-Мерль в Лоте.

Другие знаки красного цвета в этих залах порой известны и из других мест: такие как полосы, короткие или длинные, расположенные по две или по три, или полукруг из мелких точек на изображении, отмеченные в других пещерах из местности Ардеш. Иногда они являются оригинальными. Самые необычные из них находятся в той же самой зоне, и не беремся сказать, идет ли речь о знаках или о стилизованных изображениях животных. Два из них занимают нижнюю часть свисающего камня; они напоминают бабочек или птиц без головы с очень широкими крыльями; два знака, идентичные им, видны на передней стене, около странного изображения, с массивным вытянутым телом прямоугольной формы, продолженного двумя вертикальными антеннами и все это прерывается шестью более или менее волнистыми линиями, которые пересекают изображение по горизонтали: это насекомое или знак?

Фигуры животных

Увиденные нами изображения животных, на которых основываются наши наблюдения, весьма многочисленны — 263 и нанесенные всевозможной техникой. Но пещера еще не изучена в археологическом отношении и еще далеко не полностью исследована по причине мягкого почвенного покрова, который нужно сохранить. Это затрудняет полное обследование закоулков, стен и отдаленных сводов. Общее количество нарисованных животных, вероятно, будет порядка 300–400. Тем не менее количество в 263 рисунка, полученное при первичном подсчете, дает достаточную статистическую базу, которая позволяет сделать предварительные замечания.

Намного преобладают изображения носорогов, их 53, то есть пятая часть (20%) от всех рисунков животных. Рисунки черного цвета (39) встречаются намного чаще, чем красные (8), либо нацарапанные (6, из них одно обведенное черным). Они представляют некоторую общность в манере изображения: уши животных имеют характерную форму двойной арки, в виде крылышек, с двух боков от средней линии головы; лапы закругленной формы; широкая черная срединная полоса разделяет корпус животного по середине; для некоторых из них (двух изображений красного цвета, нескольких черного, среди них те, которые находятся на большой картине в глубине пещеры) рог животного несоразмерно широк.

На втором месте стоят мамонты и львы: 37 мамонтов (14%), из них 12 черного цвета, 3 красного и 22 нацарапаны и 36 львов (13,7%), из них 28 черного цвета, 7 красного и 1 нацарапанный рисунок. Какой бы не была техника нанесения рисунков, в большинстве своем они характеризуются прорисовкой живота и внутренней части лап единой подковообразной линией. Представляется, что мамонт на правом краю в центре большой картины является, вероятно, молодой особью, с огромными лапами круглой формы. На большой картине, где особенно многочисленны львы, нарисованы лишь головы и передняя часть туловища. Клыки ни разу не показаны, тогда как маленькая кисточка

на конце хвоста неизменно изображена у всех животных. Ни на одном рисунке не изображена грива, которую обыкновенно связывают с самцами львов, судя по львам из Африки; несомненно, как и у других животных семейства кошачьих, у пещерных львов ее не было. Ни один из пещерных львов, изображенных в палеолитическом искусстве, не обладает гривой, несмотря на явные признаки мужского пола на некоторых рисунках: к примеру, в пещере Шове у трех очень крупных львов, изображенных в дальнем зале, обозначена мошонка. Лошадей насчитывается 35 (13,3%). Изображения красного цвета редки (4), преобладают рисунки черного цвета (21), как и в большинстве изображений животных, некоторые из них процарапаны (8) и даже две совсем маленькие головы лошадей нарисованы желтым; во всей пещере это единственное изображение желтого цвета. Какой бы не была техника изображения лошадей, все животные обладают широкими и густыми гривами.

Бизоны (20, или 7,6%) нарисованы черным, за исключением одного выбитого изображения; другое было выбито, затем обведено черным. Изображенные на двух главных картинах и в одном среднем проходе они во многом схожи. Рисунки представляют собой очень густой и раскидистый пучок, а голова одного бизона изображена в $3/4$ или в фас, с выпученными глазами, с рогами вперед. В скалистом углублении большой картины отдельно изображены 4 головы во фронтальной перспективе.

Медведи (15, или 5,7%), в противоположность другим животным, чаще всего нарисованы красным (9), чем черным (5); есть одно выбитое изображение. Скорее речь идет о пещерных медведях, чем о бурых, судя по характерным для первых очертаниям морды животного.

Северные олени (12, или 4,5%), среди них преобладают черные рисунки (10), есть одно красное изображение и одно выбито на камне. За исключением одного (олень на большой картине) они сгруппированы в двух местах: возле изображения лошадей где, что довольно любопытно, несколько из них отчасти стертые, и на свисающем камне в соседнем зале.

Другие животные малочисленны: 9 черных зубров, на картине с изображением лошадей либо в непосредственной близости от нее; 3 гигантских оленя черного цвета, изображенные в одном и том же проходе, узнаваемые даже не по гигантским рогам самцов; 1 олень красного цвета; 1 пантера красного цвета — это животное в первый раз встречается в палеолитическом искусстве, как и выбитое на камне изображение совы; некое животное красного цвета, над рисунком пантеры. У него та же голова, что и у медведя; но оно выше в лапах, а передняя часть тела в пятнах, что позволяет признать в нем гиену; наконец, пятнадцать животных остаются еще не идентифицированными.

Среди наиболее многочисленных животных, изображения которых редки в других местах (носороги, львы, мамонты, медведи), представляются разбросанными по всей пещере и представлены средствами различной техники изображения. Лошади нарисованы главным образом черным цветом, а медведи — в основном красным цветом, но с примечательными исключениями. Зато бизон, зубры, северные олени и гигантские олени изображены только черным и нигде, кроме как в дальних залах и галереях в глубине, их нет.

На больших картинах можно наблюдать группы животных, сделанных нарочитым образом: животные одного вида друг против друга (два носорога); идут гуськом (четыре красных носорога); изображенные с частичным наложением и повернуты в одну сторону (четыре прекрасные лошади, зубры с той же картины, два раза – три льва в зале в глубине); изображенные в шестом круге, в той же вытянутой позе львы (справа на большой картине, направляющиеся к группе бизонов, львы на левой стороне той же картины), либо производящие впечатление некоей массы (носороги на другой стороне большого панно). Можно даже задаться вопросом – не идет ли тут речь о настоящих жанровых сценах. Фактически, животные часто изображены в движении, что не так часто встречается в первобытном искусстве. У одного бизона видим восемь лап, несомненно, для того, чтобы выразить идею движения; недалеко от него у зубра лапы выброшены вперед и это напоминает некоторые изображения коров из пещеры Ласко; у львов вид охотящихся или настороженных зверей, северные олени показаны в беге, с высоко поднятой головой.

Изображение человеческих существ

Все знают, что в палеолитическом искусстве изображения людей встречаются чрезвычайно редко. Пещера Шове не составляет в этом смысле исключения, ибо там еще не найдено ни одного изображения человека. В ней лишь находим несколько элементов человеческого тела и изображение существа из нескольких частей.

В залах у входа изображение в красных тонах содержит картину трех кистей человека и пяти кистей в зеркальном отображении. Последние весьма редки в первобытном искусстве: например, одно из них известно в пещере Коске. На другой картине, недалеко от предыдущей, негативный рисунок четырех кистей рук связан с красными точками и составляет одно целое с изображением лошади черного цвета. На всех рисунках у этих кистей недостает пальцев. В галерее, которая ведет от картины с лошадьми к залу в глубине пещеры, галерее гигантских оленей, выбиты на стене пещеры два больших треугольника – символа женского пола с обозначением вульвы.

Наконец, в нескольких метрах от большой картины в глубине и лицом к ней, свисающий камень несет, с одной стороны изображение двух животных из семейства кошачьих и рисунок лошади черного цвета, и с другой – изображение существа, тоже черного цвета, которое стоит, слегка наклонясь вперед, причем в верхней части тела – это бизон, а в нижней – тело человека с парой хорошо обозначенных ног. Это существо занимает все имеющееся пространство и расположено лицом к большой картине – панно. Именно его видишь в первую очередь, когдаходишь в зал. Спереди этого получеловека, полубизона нарисовано нечто вроде треугольника, обращенного острием вниз, с сильно выгнутым основанием, проведенным одной линией. Этот антропоморф невольно вызывает в памяти «колдунов» из пещеры Трех Братьев в Арьеже и в пещере Габийу в Дордони, и составное изображение существа в пещере Холенштейн-Штадел в Германии [Hahn, 1986].

Техника нанесения рисунков

Манера, в которой выполнены рисунки, имеет свои различия. Ранее мы отмечали, что большая часть изображений красного цвета находится в залах ближе ко входу в пещеру. То же касается большинства животных, изображенных красным цветом. В свою очередь, выбитые на камне рисунки животных (среди них 3 обведены черным) и большинство рисунков животных, сделанных черным, находятся в наиболее отдаленных залах, причем лишь одно животное нарисовано там красным цветом. Таким образом, пещеру более охотно использовали в ее более отдаленных участках, чтобы нанести там либо гравированные, либо сделанные черным изображения, тогда как красный цвет предпочитали ближе у входа. Это, разумеется, ставит вопрос о хронологической или культовой значимости манеры нанесения рисунков. Мы еще к этому моменту вернемся.

Все наблюдатели отметили естественность изображений и правдоподобие поз. По большей части животных легко можно узнать. Это не стереотипные изображения, которые выполнены для передачи понятия «лев» или «носорог», но это живые создания, воспроизведенные с большой точностью. Это получилось благодаря различным приемам изображения, которыми замечательно владели и которые систематически практиковали авторы рисунков.

Наиболее очевидным является передача перспективы. Во многих случаях головы либо туловища животных более или менее отделены друг от друга, несомненно, чтобы передать идею множественности; по крайней мере тут речь не идет о передаче идеи движения. Этот поиск перспективы встречается 6 раз на примере черных рисунков и по крайней мере 1 раз относительно гравированных изображений (два наложенных изображения мамонтов), но ни разу в виденных нами красных рисунках. Эти тонкости можно различать: например, на картине с лошадьми контуры льва с вытянутой головой шесть раз прерываются при соприкосновении с тремя изображениями лошадей — так что представляется, что животное частично заслонено их телами.

Имеются также особенности на рисунках лошадей, гигантских оленей у входа в коридор, ведущий в зал в глубине пещеры. Использовалась техника предварительной расчистки поля рисунков: в зале для достижения лучшей выразительности, контуры некоторых животных выполнены в этой манере, этим самым выделяется изображение (група носорогов).

Другим весьма часто применяемым в пещере Шове приемом, очень редким или не известным в других местах, является использование эстампа. Эстамп наносился по контуру рисунка, и этим достигалась рельефность изображения. Ярким примером тому является наложенные друг на друга четыре головы лошадей, но есть и другие примеры. Этот прием применялся и в рисунках красного цвета — на изображениях носорогов и медведей (зал Медведей).

Каков возраст рисунков в пещере Шове?

При обнаружении произведений доисторического искусства вторым по значимости после вопроса о подлинности, очевидно, является вопрос о датировке рисунков. Надо обратиться к анализу с помощью радиоактивного углерода в той мере, в какой это возможно по отношению к изображениям, и в надежде на получение точного ответа нужно изучить детали и наслоения.

Почти несомненно, что все произведения не были выполнены одним и тем же лицом в один прием. Грубо и небрежно сделанные рисунки, скажем, с правой стороны от изображения лошадей, — эскиз лошади и бизон с ногами в виде буквы Y, сосуществуют с изображениями, свидетельствующими об уверенной и искусной руке мастера: эти рисунки не сделаны одним и тем же художником. Можно рассуждать и далее, когда вырисовываются последовательные фазы нанесения рисунков: слева от большого панно с изображениями животных едва различаются слабые изображения красного цвета. По большей части они были стерты и поверх их нанесены крупные головы львов. Наконец, после нанесения изображений черного цвета более-менее продолжительное время пещера посещалась людьми, ибо следы от факелов, не покрытые известковым налетом, расположены поверх известкового слоя, покрывающего некоторые изображения. Анализ углей на грунте пещеры даст датировку, но не представит доказательств, т.к. наверняка эти угли могли быть оставлены во время нанесения тех или иных рисунков, но столь же вероятно и то, что они на несколько тысячелетий старше, либо моложе тех изображений.

На первый взгляд, рисунки красного цвета, кажется, отличаются от черных и допустимо рассматривать их как более древние, основываясь на стертых следах большой картины в глубине пещеры и на менее законченных рисунках животных красного цвета. Тем не менее более внимательное наблюдение дает нам картину поразительных совпадений между рисунками красного и черного цвета. Во-первых, это видно в выборе тем. В доисторическом искусстве редкими являются изображения носорогов, животных из породы кошачьих, медведей. В нашем же случае они столь же часто представлены, как и изображения, выполненные в иной технике. Если же рисунки черного и красного цвета разделяют тысячелетия, то из этого следовало бы заключить, что художники, жившие последними во времени, могли в глубоко расположенных залах копировать первоначальные сюжеты своих предшественников, оставляя у входа в пещеру всего лишь несколько черных рисунков. Тогда как первые по времени художники могли бы поступать наоборот — они могли бы собираться в передней части пещеры, а очень редкие изображения наносить в глубине пещеры. Доводы другого порядка свидетельствуют о времени изготовления красок. На композиции, расположенной в глубине пещеры, где видны три крупных одинаковых изображения зверей из породы кошачьих, наложенных друг на друга в одной и той же напряженной позе, изображение, расположенное в середине, красного цвета, тогда как два других — черного. В этом случае установлено, что красный рисунок выполнен одновременно с черным одним и тем же художником. С другой стороны, в той же части пещеры

на рисунок носорога черного цвета нанесены под его мордой красные линии и к нему пририсованы рога красным. Мы также видели, что сходным образом на рисунки лошади и животного из кошачьих черного цвета нанесены красные точки и черточки, а маленький красный носорог нарисован как раз позади носорога, данного крупным планом.

Наконец, в двух случаях использована сходная техника и приемы рисования, они демонстрируют тесную связь понятий, их общность. К примеру, одной из оригинальных сторон многочисленных рисунков носорогов черного цвета является манера изображения ушей животных – в виде двойных полу-кругов; красный носорог, изображенный во главе цепочки животных, имеет одинаковые уши – те же, что и у носорога, выбитого на рисунке лошади, который был предварительно стерт до нанесения увиденного нами изображения. С другой стороны, на некоторых рисунках у носорогов красного и черного цвета рог нарочито загнут назад. Другой пример: шаблон, столь часто и реалистично примененный при изображении животных черного цвета, равным образом использовали при выполнении рисунков медведей и носорогов красного цвета.

Все эти общие черты наводят на следующую мысль. Даже если бы не одни и те же лица пользовались красными и черными красками и даже если бы эти цвета могли иметь разное значение, в любом случае люди, использующие эти цвета не относились к цивилизациям, намного разделенным во времени. При отсутствии точных датировок, на этом предварительном этапе исследования единственными данными, которыми мы располагаем для оценки их культурной и хронологической принадлежности являются сравнения с тем, что нам уже известно. Очевидно, этот прием не избавлен от риска совершить ошибку, когда дело касается столь своеобразной пещеры.

На первый взгляд, изображения облаков, состоящие из крупных красных точек, вызывают образ пещеры Пеш-Мерль в департаменте Лот. Уже давно проводили сближение изображений в департаменте Ардеш с таковыми в Лот, особенно между Пеш-Мерль и Коньяк. В пещере Шове в том же духе можно провести и другие наблюдения – и в Пеш-Мерль есть негативные изображения рук в сочетании с красными точками. И в Пеш-Мерль, как в пещере Коньяк, фигурирует изображение гигантского оленя. Наличие рисунка этого редкого вида животных равным образом позволяет делать сравнение со вторым циклом рисунков в пещере Коске, что в 150 км от Шове, датированным временем 18 500 – 19 200 тыс. лет тому назад. Как и в Коске, бизоны в пещере из Ардеш изображались с головами, обращенными в фас или в три четверти, с выпученными глазами. Ноги животных иногда изображены схематично, в виде буквы Y, с характерным ракурсом, что также видим в пещере Эббу.

Прочие детали фактически также напоминают старые пещеры из Ардеш. Там тоже встречаемся с изображениями рогов зубров на рисунках лошадей, в форме буквы S, очень напоминающие рога зубров, выбитых в пещере Эббу. Еще более характерными являются морда в форме утиного клюва у лошади, нарисованной с двойным контуром плеч, и живот в форме лошадиной подковы у мамонтов, что очень часто видим в пещерах из Ардеш (Шабо, Дез-Увер-

тюр), где они рассматриваются ученым Ж. Комбье как типичное явление для изображений эпох солютре, тогда как в других местах (Жовель в Дордони) этот мотив еще древнее.

Таким образом априори искусство в пещере Шове можно рассматривать как предшествующее искусству в пещере Ласко. Непосредственный анализ рисунков выявил гораздо более ранние даты, чем те, которые ожидались. В действительности три образца, взятые с рисунков двух носорогов и силуэта бизона, нанесенного углем, дали датировку в пределах 30 340 и 32 410 лет до н.э. С учетом статистической погрешности это означает, что рисунки выполнены в очень древнюю эпоху, где-то за 31 000 лет до н.э., с разбросом во времени 1300 лет. Датировка (26 120+400) копоти от факела, оставшейся на известковом натексе, покрывающем один из рисунков, доказывает, что по крайней мере некоторые из изображений наверняка выполнены в очень древнюю эпоху и что надо отбросить гипотезу как неправдоподобную о посещении пещеры людьми эпохи солютре или мадленской, которые якобы подобрали с земли угли ориньякской эпохи и использовали их для нанесения рисунков тысячи лет спустя после ухода первых обитателей пещеры [Clottes et al., 1995].

Эти даты, древнейшие в мире по части рисунков, переворачивают наши представления о происхождении и развитии искусства каменного века. Известно было, что люди ориньякской эпохи в Южной Германии между 35 и 30 000 годами до н.э. создали сложные образцы искусства – статуэтки из бивня мамонта одновременно натуралистические и стилизованные. Это показало, что теории о последовательном развитии искусства, имевшем робкое и несовершенное начало в ориньякскую эпоху и получившее развитие в ходе тысячелетий, были необоснованными [Clottes, 1993: 176].

Искусство в пещере Шове, на удивление оригинальное и «развитое», которое является ровесником этих статуэток, доказывает, что художественные открытия людей ориньякской эпохи можно с тем же успехом приписать ряду пещер, и по рисункам, и по выбитым изображениям. Это же касается и искусства малых форм – статуэток и пр.

Теперь встает проблема взаимоотношений художников из Ардеш и художников из Юра Суаб. Статуэтки из Южной Германии, из Фогельхерд и Гиссенклатерля, несмотря на свою немногочисленность, представляют сюжеты, идентичные таковым из пещеры Шове: мамонты, звери из породы кошачьих, бизон, медведи, лошадь, носорог. Даже имеется некое существо – человек с головой зверя из породы кошачьих, обнаруженный в пещере Холенштейн-Штадел. Говорят ли эти сходства о непосредственных связях между Южной Германией и районом Ардеш, через долину Рейн и долину Роны? Мифические сюжеты в эту эпоху, очевидно, отличались от тех, которые появились впоследствии, поскольку преобладание изображений носорога и зверей из породы кошачьих сменяется рисунками лошади и бизона [Clottes, 1995].

Это обязывает нас пересмотреть свой взгляд на то, что пещеры относятся к той или иной культуре в силу сугубо статистических критериев, т.е. без непосредственной датировки. Как мы видели, у некоторых из зубров в пещере Шове рога нарисованы в виде характерной буквы S, что совпадает с манерой

изображения животных того же вида в Эббу, что также расположена в районе Ардеш. У нескольких мамонтов живот нарисован в форме подковы, эта манера изображения весьма часто встречается в пещерах департамента Ардеш (в Шабо, Дез-Увертюр), где она считается типичной для местных изображений солиютрейской эпохи [Combiere, 1993]. Следует ли полагать, что эти элементы изобразительной техники сохранялись в течение десяти тысячелетий или что некоторые рисунки из этих пещер древнее, чем они считались? Это ставит вопрос о значении и длительности сохранения стилистических приемов, что уже некоторое время назад рассматривалось в литературе [Bahn et Lorblanchet, 1993].

Наконец, представленные сюжеты и весьма древняя датировка некоторых из рисунков в пещере Шове входят в противоречие с идеями А.Леруа-Гурана, который оказал глубокое влияние на изучение доисторического искусства после появления своего основного труда [Leroi-Gourhan, 1965], переизданного в 1995 г. с некоторыми дополнениями. Стилль I, в его терминологии, при сравнении с ориньякской эпохой впрямь можно отнести лишь к архаичным объектам, в большинстве своем расположенным в Дордони. Новое открытие вносит полностью другие поправки. Что касается строения пещеры, в частности расположения картин, когда животные из семейства кошачьих и носороги в большинстве своем расположены в центре, то это идет вразрез с давно установившимися идеями Леруа-Гурана, согласно которым, скажем, звери из кошачьих должны были располагаться по краям: у входа или в глубине пещер.

Своеобразие пещеры Шове

Открытие пещеры вызвало нечто вроде потрясения, настолько она оказалась значительной и своеобразной, даже для неспециалистов. Это ощущение имеет несколько причин. Первая – фигурирующий там зверинец с носорогами, львами и медведями. Вообще, животные, представленные в палеолитических пещерах – это объекты охоты, даже если размеры их совсем не совпадают с картинами охоты, в том виде, какими мы знаем их в природной обстановке. Здесь те опасные животные, которые не были объектами охоты людей каменного века, занимают преобладающее место (около 60% определенных по видам животных, если к нему добавить и мамонта). Привлекают внимание виды, которые фигурируют впервые – сова, пантера и, возможно, гиена. Но все это скорее в курьезном плане, ибо в каждой пещере, имеющей важное значение, присутствует оригинальная тематика (заяц из Габилу, ласка из Резо Кластр, пингвины в Коске).

Техника выполнения рисунков, то есть то, как животные представлены – также вызывает удивление. В особенности это касается постоянного применения эстампа и исканий в области перспективы. Это выражается в том, что животные изображены техникой наложения одного изображения на другое, скажем рисунок бизона, где голова изображена во фронтальной перспективе с наложением на морду другого животного, а туловище его расположено перпендикулярно к другому, нарисованному в фас. Эти новшества отличаются

от привычных нам рисунков.

Качество изображений в передаче как отдельных рисунков, так и в изображении сцен в форме полных жизни и силы животных также свидетельствует о чувстве оригинальности. Мы видели, что не все было нарисовано в одно время и что рисунки были нанесены руками нескольких художников. Тем не менее большое число рисунков черным настолько сходны друг с другом, что наверняка они принадлежат руке одного и того же великого художника-анималиста, мастера своего дела; по крайней мере его не сопровождали некие лица (помощники, последователи), которые разделяли с ним его приемы и стиль.

Расположение пещеры Шове в департаменте Ардеш меняет наши взгляды на пещеры с росписью. До сих пор полагали, что существовали главные центры пещерной живописи – Перигор-Керси, Пиренеи, Кантабрийское побережье, и что остальное представляли второстепенные группы, вроде Ардеш, Ла Месета и юга Испании, Италии и еще несколько разбросанных то тут, то там пещер. Открытие в Ардеш, которое следует за открытием пещеры Коске, показывает степень нашего незнания, ибо своеобразные пещеры первостепенного значения могут еще обнаружиться и в стороне от главных центров палеолитической живописи. С пещерой Шове местность Ардеш заняла место среди «классиков» искусства пещерной живописи.

Изучение пещеры Шове только еще началось. В течение будущего времени значительная масса информации добавится к этим первым наблюдениям и вероятны другие неожиданности. Тем не менее значение и своеобразие этой пещеры в Ардеш таковы, что даже на этом предварительном этапе можно быть уверенным в том, (как это и было после открытий в Альтамире и в Ласко), что наши познания о первых шагах в художественной истории человечества откроют тут новые и решающие перспективы.

Литература

P.-G. Bahn, M. Lorblanchet (dir.), 1993. The Post-Stylistic Era or Where do we go from here? Second AURA Congress, Cairns, Australie. P. 19-25.

Chauvet J.-M., Brunel-Deschamps E., Hillaire C., 1995. La Grotte Chauvet à Vallon-Pont-d'Arc. Paris, Le Seuil. 120 p., 94 figs. Postface de J. Clottes.

Clottes J., 1993. La naissance du sens artistique // Revue des Scinces morales et politiques. P. 173-184.

Clottes J., 1995. Changements thématiques dans l'art du Paléolithique supérieur // Bulletin de la Société Préhistorique Ariège-Pyrénées, L. P. 13-34.

Clottes J., 1996. L'originalité de la Grotte Chauvet-Pont-d'Arc, à Vallon-Pont-d'Arc (Ardèche) // Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. P. 561-566.

Clottes J., Chauvet J.-M., Brunel-Deschamps E., Hillaire Ch., Daugas J.-P., Arnold M., Cachier H., Evin J., Fortin Ph., Oberlin Ch., Tisnerat N., Valladas H., 1995. Les peintures paléolithiques de la Grotte Chauvet-Pont-d'Arc, à Vallon-

Pont-d'Arc (Ardèche, France): datations directes et indirectes par la méthode du radiocarbone. C.R. // Acad Sci. Paris. T. 320. Série Ila. P. 1133-1140.

Clottes J. et Courtin J., 1994. La Crotte Cosquer. Peintures et gravures de la caverne engloutie. Paris, Le Seuil. 199 p., 191 figs.

Combiel J., 1993. Faits nouveaux sur l'art pariétal de l'Ardèche (Résumé) // La Protección y Conservación del Arte rupestre paleolítico, Servicio de Publicaciones del Principado de Asturias.

Hahn J., 1986. Kraft und Aggression. Die Botschaft der Eiszeitkunst im Aurignacien Süddeutschlands? Tübingen, Institut für Urgeschichte der Universität Tübingen, Verlag Archaeologica Venatoria. 254 p., 66 fig., 24 pl., 6 tabl.

Leroi-Gourhan A., 1965. Préhistoire de l'art occidental. Paris, Ed. Mazenod. 482 p., 804 fig.

*В.Е. Щелинский**

НАСТЕННОЕ ИСКУССТВО ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО
СВЯТИЛИЩА В ПЕЩЕРЕ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВОЙ) НА ЮЖНОМ
УРАЛЕ: КОМПОЗИЦИЯ «ЛОШАДИ И ЗНАКИ» В ЗАЛЕ ХАОСА

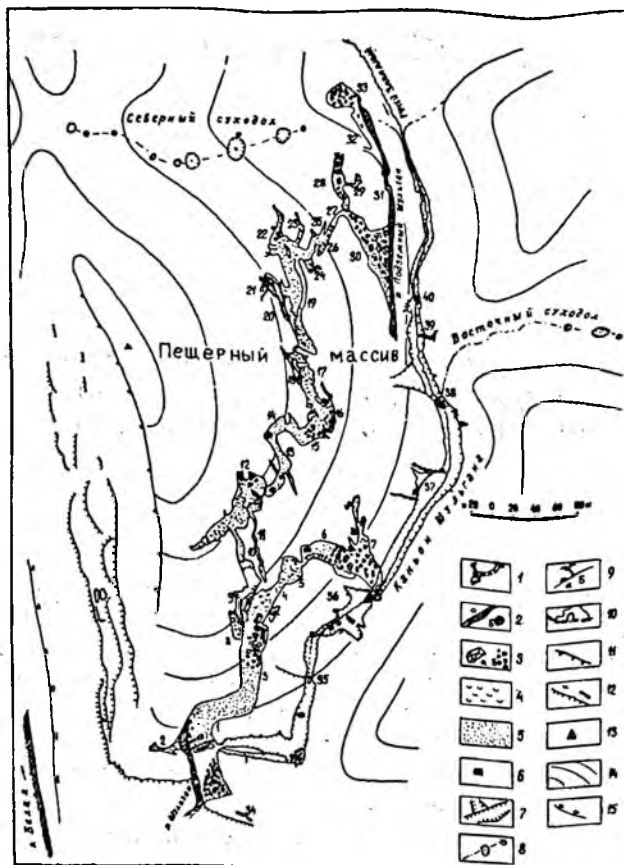
Верхнепалеолитическое святилище с настенным искусством в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале является одним из наиболее крупных среди ныне известных памятников такого рода. Велика прежде всего сама пещера, вмещающая святилище. Ее большие размеры, в сочетании с сложной внутренней топографией и особенностями микроклимата, несомненно, оказывали сильное эмоциональное воздействие на первобытных людей. Может быть, поэтому она и стала объектом мифологического творчества и местом для обрядовых действий палеолитических охотников с использованием изобразительного искусства [Щелинский, 1997:29].

Чтобы лучше представить себе расположение в пещере настенных рисунков, коротко остановимся сначала на описании самой пещеры. При этом будут использованы некоторые данные изучения ее Г.В. Вахрушевым [Вахрушев, 1960], экспедицией БГУ под руководством И.К. Кудряшова [Богданович, Кудряшов, 1966; Кудряшов, 1969] и результаты наших исследований совместно с геологом и спелеологом Ю.С. Ляхницким [Ляхницкий, Щелинский, 1987].

Надо сказать, что при посещении пещеры Шульган-Таш впечатляет прежде всего ее громадный арочный вход. Высота этого входа, обращенного на юго-восток и часто освещенного солнцем, составляет 20 м, ширина – 40 м. Для горной местности он располагается гипсометрически совсем низко – на уровне первой надпойманной террасы (6–7 м) и всего в 150 м от русла р. Белой. Однако с реки пещеру не видно, так как она скрыта в глубине узкого ущелья правобережного лога. При входе в пещеру слева из-под известняковой скалы выбивает мощный источник воды, образующий здесь небольшое, но глубокое озеро (Голубое озеро). Вытекающая из него вода питает нижнюю

* Щелинский Вячеслав Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург.

© Щелинский В.Е., 2001

Р и с. 1. План пещеры Шульган-Таш (Каповой) и ее ближайших окрестностей:

1— входной грот; 2— Голубиный грот; 3— Главная галерея; 4— ход «Горло»; 5— зал Купольный; 6— зал Знаков; 7— зал Хаоса; 8— Каскадная наклонная галерея; 9— Большой Ближний колодец; 10— Первая галерея; 11— ход Ткачева; 12— зал Рисунков; 13— Вторая галерея; 14— зал Акустический; 15— зал Овальный и Храм; 16— зал Верхний; 17— зал Бриллиантовый; 18— ход Озерный; 19— зал Радужный; 20— ход Кальцитовый; 21— район Штурмовой; 22— ход Восходящий; 23— ход Труба; 24— Сталактитовый тупик; 25— зал Сталактитовый; 26— зал Серп с Белым тупиком; 27— Дальний Большой колодец; 28— район Горного Короля; 29— камера Разочарования; 30— зал Бездны; 31— галерея Насонова; 32— зал Засифонный; 33— зал Дальний. Мелкие карстовые полости и другие элементы рельефа района пещеры Шульган-Таш: 34— колодец Ближний; 35— Большая вертикаль каньона древнего Шульгана; 36— лог Клин; 37— грот Громовой; 38— водопад Филина; 39— пещера Галерейная; 40— Верхняя вертикаль каньона древнего Шульгана.

Условные обозначения: 1— полости пещеры Шульган-Таш; 2— водотоки (а) и мелкие озера (б); 3— крупные глыбы (а) и мелкоглыбовые навалы (б); 4— отложения кальцитового туфа; 5— глинистые отложения; 6— культурный слой верхнего палеолита; 7— каньон древнего Шульгана; 8— суходолы с карстовыми воронками; 9— мелкие гроты (а) и пещеры (б); 10— вход в пещеру Ташкелят; 11— верхняя кромка обрывов западного склона Пещерного массива; 12— вертикальные скальные стенки; 13— вершина Пещерного массива; 14— схематическое отображение рельефа; 15— верхняя бровка надпойменной террасы р.Белой. [По Ю.С.Ляхницкому и В.Е.Щелинскому, 1987]

часть речки Шульган, которая неподалеку впадает в р. Белую. Пещера обязана своим происхождением именно этой пиказистой, на первый взгляд, речке, которая миллионы лет размывала проходы в известняковом массиве. Совершенно ясно, что на протяжении геологической истории ее русло неоднократно изменялось, что и привело к образованию сложной карстовой системы под названием «пещера Шульган-Таш (Капова)». Пещера состоит из множества залов и галерей и отчетливо разделяется на три яруса, имеющих разный геологический возраст. Соединяются они между собой колодцами (рис. 1).

Самый молодой ярус пещеры – нижний. Формирование его как геологического образования еще не закончено. Он лежит глубоко под основными пластами пещеры и в значительной своей части заполнен водой подземной речки Шульган. Это пока наименее изученная и загадочная часть пещеры. Непонятно, например, почему речка Шульган, протекая в горном массиве местами гипсометрически ниже широкого русла р. Белой, в которую она в конечном итоге впадает, неожиданно выходит на поверхность в виде напорного колодца именно на современном входе в пещеру Шульган-Таш.

На средний ярус пещеры можно зайти без особого труда. Он начинается от входа в пещеру и, немного поднимаясь невысокими уступами, протягивается на север и северо-восток в глубину горного массива примерно на 350 м. Высота его даже у самого дальнего конца достигает всего 20–25 м над площадкой у входа в пещеру. Входной грот, от которого начинается средний ярус пещеры, довольно резко снижаясь в направлении от капельной линии, ведет сначала в длинную (около 150 м) Главную галерею. Она широкая, и, если бы не болотистый пол в привходовой части и огромные обвальные глыбы несколько дальше, в нее можно было бы заезжать на машине. Конец Главной галереи (из-за больших размеров эту часть галереи иногда называют Сталактитовым залом) служит своеобразной развилкой, от которой идут ходы в разных направлениях. Продолжением среднего яруса пещеры является едва заметный низкий (высота 1 м, ширина около 7 м) проход («горло») в основании северо-восточной стены, связывающий Главную галерею с дальними залами. Залы эти высокие и просторные. Границы между ними довольно условные. Первый зал – Купольный. Высота его около 15 м. За ним, отделяясь высокой красивой аркой, следует зал Знаков (высота около 12 м, длина 18 м). Пол в этих двух залах ровный; кое-где на нем у стен имеются навалы известняковых глыб. Он лишь на 8 м выше площадки перед входом в пещеру. Через залы, извиваясь, протекает ручей (Лукьянчик), особенно оживающий в осенне-весеннее время. В нижней части стен залов сохранились характерные следы от застойной воды, указывающие на то, что в недавнем прошлом (в максимуме голоцена?) здесь было подземное озеро. Зал Знаков переходит в зал Хаоса, и этим залом заканчивается средний ярус пещеры. Это место подлинного хаоса. Зал этот состоит как бы из двух частей – западной (передней) и восточной (дальней). Передняя часть сравнительно низкая (высота 13 м, ширина 24 м) и почти полностью занята обширным каменистым уступом из беспорядочно лежащих крупных блоков и глыб известняка, опирающимся на ровный глинистый пол зала Знаков. Максимальная высота этого уступа над полом зала Знаков 7–8 м. Дальняя часть зала Хаоса

побольше (высота 16 м, длина 46 м, ширина 20 м). Пола как такового в ней нет, ибо всюду простирается беспорядочное нагромождение гигантских блоков известняка. При этом примерно посередине этой части зала имеется обширная провальная воронка, заваленная крупными известняковыми глыбами, упавшими с потолка. Грандиозный обвал в зале произошёл, видимо, давно. Под глыбами слышен гул подземного Шульгана.

Логика подсказывает, что от зала Хаоса должно было быть продолжение среднего яруса пещеры в глубину скального массива, которое соединяло бы его с подземным руслом р. Шульган. В древности такое продолжение, по всей вероятности, существовало, но впоследствии вход в него был закрыт обвалом или кальцитовыми натсками. Мы пытаемся его найти. Кто знает, не сохранилось ли в нём нечто необычное?!

Три названных зала среднего яруса, в отличие от его Главной галереи, имеют постоянный микроклимат. Температура в них круглый год остается около +7°C. Однако здесь очень сыро. Всюду капает и струится вода. Только зимой, когда вне пещеры стоят трескучие морозы и скальный массив замерзает, стены залов становятся суше, но температура в залах остается прежней, плюсовой.

Верхний ярус пещеры вдвое длиннее и разветвленнее, по сравнению с ее средним ярусом. Он несомненно очень древний. Достаточно сказать, что на нем в результате биоспелеологических исследований обнаружены реликтовые низшие насекомые – ногохвостки (*Plutomurus baschkiricus* Skorikow), исчезнувшие с поверхности земли еще в плиоцене. Интересно, что на среднем ярусе пещеры этих насекомых нет [Смирнов, Кнесс, 1986: 98]. На верхний ярус ведут несколько крутовосходящих и связанных между собой ходов. Нижний из них начинается небольшим отверстием в западной стене в конце Главной галереи пещеры. Завершается подъем почти вертикальным 14-метровым колодцем (Ближний Большой колодец). Сейчас во всех этих переходах стоят металлические лестницы. Но раньше здесь не было никаких лестниц, и это не мешало людям подниматься в отдаленные части пещеры. Правда, по мнению местных старожилов, в былые времена у пещеры Шульган-Таш, помимо основного входа, имелся также лаз сверху горного массива, через который можно было попасть в пещеру. К сожалению, никто из них не может сказать точно, где конкретно мог находиться этот лаз, глубина которого, как показывают современные геодезические измерения, должна была быть порядка 50–100 м [Багданович, Кудряшов, 1966:154]. Вполне вероятно, что его могло и не быть вовсе, и подъем по отвесному колодцу был единственной возможностью проникнуть на верхний ярус пещеры.

От верха этого колодца пещера круто поворачивает на северо-запад (Первая галерея) и, слабо поднимаясь и извиваясь, тянется на расстоянии почти 700 м. Однако неподалеку от дальнего конца она снова круто опускается вниз и сразу выходит на уровень нижнего яруса пещеры, смыкаясь здесь с подземным руслом речки Шульган. Поблизости находится подземное озеро. Пол верхнего яруса пещеры по большей части неровный и редко глинистый. Во многих местах он загроможден крупными известняковыми глыбами. На

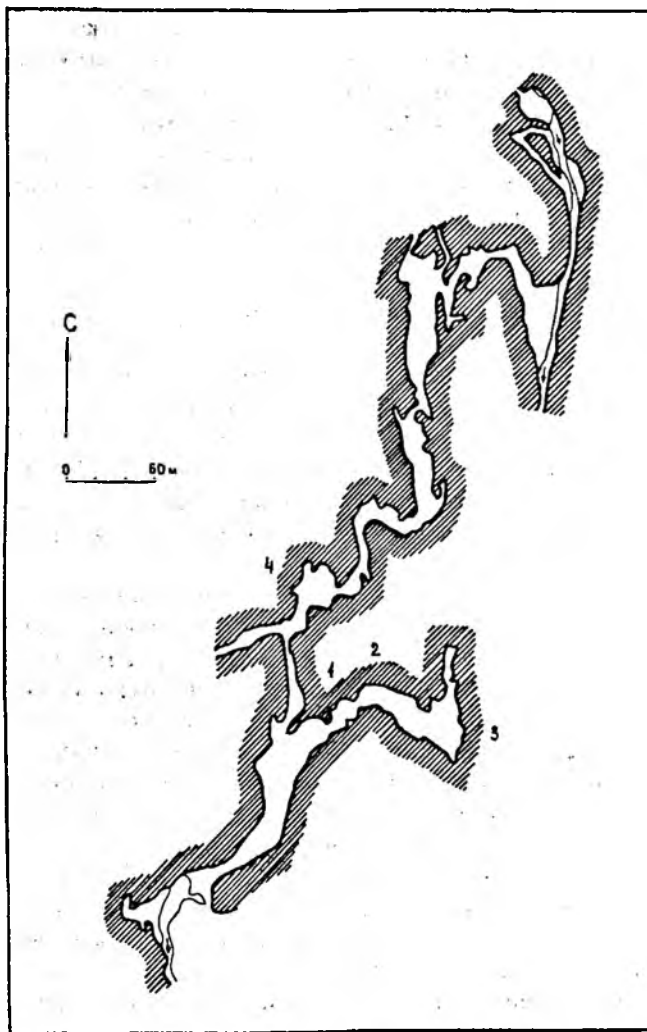
этом ярусе также сыро, как и на среднем ярусе пещеры. Сказывается общая трещиноватость горного массива. Кроме того, выше пещеры в толще известняка, наверняка, имеются скрытые полости, заполненные льдом, который медленно тает в течение всего лета. Температура на верхнем ярусе почти повсеместно постоянная и лишь немного колеблется в пределах около + 7°C. Верхний ярус пещеры примечателен не только большой протяженностью. Здесь имеется целая серия громадных залов, связанных между собой просторными галереями или, напротив, низкими труднопреодолимыми проходами. Самый ближний из залов – зал Рисунков. За ним, отделяясь галереями и проходами, следуют залы Акустический, Овальный, Верхний, Храм, Бриллиантовый, Радужный, Бездны и другие.

В настоящее время в пещере выявлено более 50 разнотипных красочных рисунков. Среди них изображения зверей, особенно часто мамонтов, реже лошадей (рисунки других животных единичные), условные геометрические знаки и расплывшиеся красные пятна. Последние, зачастую, являются остатками некогда четких изображений, погибших от воздействия избыточной сырости и колебаний температуры. Показательно, что эти пятна располагаются в залах ближе к выходу из пещеры.

Рисунки размещаются на среднем и на верхнем ярусах пещеры на расстоянии от 150 до 320 м от входа в нее. На среднем ярусе они сосредоточены за Главной галереей во всех трех протягивающихся один за другим залах (залы Купольный, Знаков и Хаоса). На верхнем ярусе пещеры рисунки зафиксированы пока лишь в одном и самом близком от входа зале – в зале Рисунков (рис. 2). Как видим, настенные рисунки распространены далеко не по всей пещере, а в ее ближней части, хотя и довольно далеко от входа в нее и в труднодоступных местах. В обширном по площади и протяженности дальнем отделе пещеры рисунки пока не установлены.

Рисунки обоих ярусов пещеры имеют ряд общих стилистических черт, и гомогенность их сейчас, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнений [Бадер, 1977 : 133; 1981 : 45; 1986 : 174; Щелинский, 1996 : 9-11; Филиппов, 1997 : 69; 1997а : 55]. Все рисунки в пещере, судя по всему, в целом одновременны или весьма близки по времени. Большинство из них нарисовано довольно низко над полом, и только некоторые из них размещены на значительной высоте. Они приурочены и к относительно вертикальным, и к наклонным, нависающим стенам. Отдельные красочные пятна и знаки связаны с потолком небольших гротов, имеющих в нижней части стен.

Все изображения в пещере выполнены в технике живописи на плотных известняках. Может быть, из-за плотности известняковых стен в пещере до сих пор не найдены гравированные рисунки, нередкие в палеолитическом настенном искусстве западноевропейских пещер. Краска рисунков в основном является охрой. Для подавляющего большинства изображений использована красная охра. Несколько рисунков сделано другой более темной красно-коричневой и фиолетово-коричневой охрой. Особенно важно подчеркнуть, что имеются отдельные рисунки, выполненные красной охрой с подводкой черной краской и одной только черной краской (навер-

Р и с. 2. Залы среднего (1-3) и верхнего (4) ярусов пещеры Шульган-Таш с настенными красочными рисунками:
1— зал Купольный; 2— зал Знаков; 3— зал Хаоса; 4— зал Рисунков

ное, углем). В связи с этим надо отметить, что О.Н. Бадером живопись Шульган-Таш воспринималась первоначально как монохромная (красная) и преимущественно контурная и с учетом этого относилась к III или IV древнему стилю А. Леруа-Гурана, что соответствовало времени от конца солутрейской до середины мадленской эпохи верхнего палеолита [Бадер, 1965 : 20]. И лишь совсем незадолго до окончания своих работ в пещере им были расчищены два рисунка, выполненные не только красной охрой, но и углем [Бадер, 1979 : 157].

Изображения зверей в пещере в целом отличаются реалистическим характером, хотя они и не лишены примитивизма и схематизма. Это их органическая черта. Тем не менее звери легко узнаются; они показаны достаточно живо, в движении, надо думать, такими, какими действительно видел их палеолитический художник. Большая динамичность изображений, в частности мамонтов, является, по мнению В.П.Любина, главной локальной особенностью этих изображений в пещере [Любин, 1991 : 37]. Пожалуй, лишь один рисунок в пещере не совсем понятен; он совмещает в себе некоторые черты и животного, и человека (антропоморфное существо).

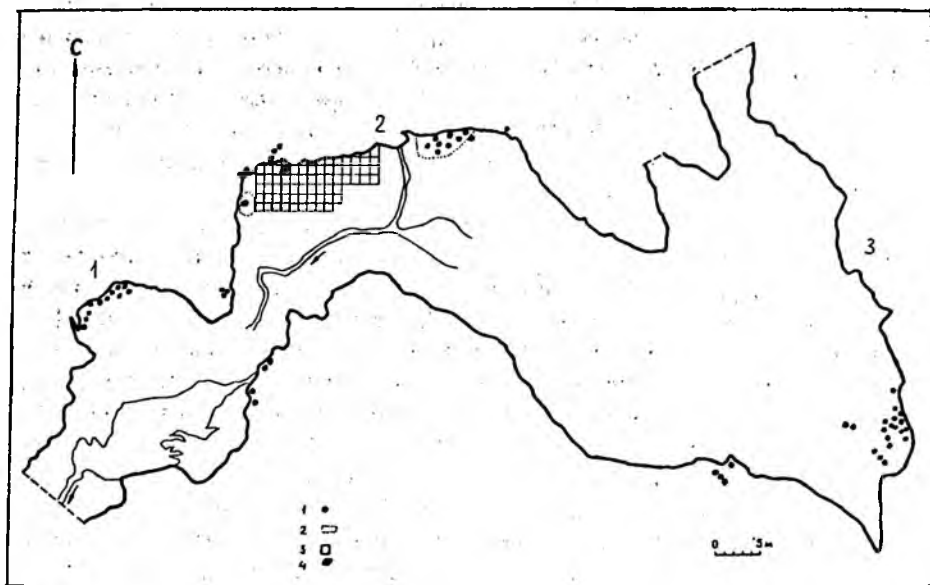
Обращают на себя внимание разные манеры исполнения рисунков животных. Одни из них контурные, другие с легкой закраской (тонированием) внутри контура и заливкой отдельных частей фигуры животного (головы, ног, хвоста) и целиком силуэтные. Может быть, надо выделить и специфический тип рисунка животного – контурный с поперечно (конвергентно) расчерченным туловищем. Он проявляется в единственном в пещере рисунке носорога. Следует указать и на другие стилистические особенности изображений зверей в пещере. Все они парисованы в профильной плоскости. На рисунках мамонтов фактически не показана шерсть. Кроме того, звери представлены в полный рост, с четырьмя ногами. В западноевропейском палеолитическом искусстве это встречается не столь часто. Проявляются стилистические особенности и в фигурах лошадей. У всех лошадей пещеры имеется такая отличительная черта, как очень маленькая, узкая, в некоторых случаях немного загнутая кверху и как бы дельфинья морда. Неестественно маленькие головы особенно контрастируют с пышными гривами и нависающими челками этих животных. Трудно отрешиться от мысли, что перед нами не только точно переданные древним художником характерные видовые особенности лошадей, но и некоторое намеренное искажение (канон) в изображениях отдельных признаков этих персонажей.

Важнейшим и численно преобладающим компонентом живописи пещеры являются условные знаки часто геометрического облика. К сожалению, не все они пока распознаны должным образом. Примечательно, что техника знаков ничем не отличается от техники изображения животных. Знаки разной формы. При этом количественное соотношение разнотипных знаков различно. Наиболее характерным для пещеры являются геометрические фигуры, чаще особой трапециевидной формы с «ушками», отходящими от верхних углов фигур, и по-разному расчерченным внутренним пространством. Эти знаки очень своеобразны и не имеют прямых аналогий среди геометрических форм изображений в палеолитическом настенном искусстве Западной Европы [Щелинский, 1993 : 32]. Интересно, что знаки встречаются в пещере как поодиночке, так и в совокупностях с изображениями животных. Причем в этих последних случаях размеры тех и других изображений примерно пропорциональны. Поэтому можно думать, что в таких сочетаниях рисунков условные знаки едва ли были знаками пола или тамгами. Они несли какое-то особое содержание, которое нельзя было выразить реалистическим изображением животного. Очевидно, они выполняли роль пояснительных знаков в контексте общего образного повество-

вания. По мнению О.Н. Бадера, они могли изображать ловушки или загоны [Бадер, 1986 : 174]. В.Г. Котов интерпретирует их как символический образ человека и его социального статуса [Котов, 1997 : 75].

Реалистические и геометрические рисунки расположены в пещере отнюдь не хаотично. Можно видеть, по крайней мере, три варианта их распределения: крупными комплексами по 4 и больше изображений в каждом, малыми группами по 3 изображения и обособленными изображениями. Обращает на себя внимание отсутствие налегающих друг на друга рисунков (полимпсестов), что является весьма важным отличительным признаком живописи Шульган-Таш. Можно предположить, что это в какой-то мере связано с относительной непродолжительностью функционирования святилища. Размещение и состав тех или иных совокупностей рисунков несомненно зависели от ряда факторов, в том числе и от степени доступности этих рисунков в пещере.

Довольно легко можно подойти к рисункам среднего яруса. Для этого надо пройти Главную галерею и проникнуть через узкий и низкий проход («горло»), находящийся в конце ее, в первый крупный зал этого яруса – в Купольный зал. Первые рисунки сохранились именно в этом зале, в его дальней части, в нише западной (северо-западной) стены и на восточной (юго-восточной) стене под аркой, по сути, в узком проходе, ведущем в соседний зал Знаков (рис. 3). Большинство из них является неясными расплывшимися пятнами красной охры, остальные – условными знаками. Похоже, эти изоб-

Р и с. 3. Распределение настенных рисунков в залах среднего яруса пещеры Шульган-Таш: 1 – зал Купольный; 2 – зал Знаков; 3 – зал Хаоса.

Условные обозначения: 1 – настенные рисунки; 2 – места раскопок О.Н. Бадера; 3 – раскопки 1982–1991 гг.; 4 – место находки в культурном слое верхнего палеолита глыбы известняка с фрагментом красочного рисунка мамонта

ражения нанесены в основном без взаимосвязи. Лишь в проходе в зал Знаков условные знаки, по-видимому образуют смысловую группу.

В следующем зале Знаков рисунков значительно больше, и они рассредоточены на двух его стенах – западной и северной. Все изображения выполнены красной (с оттенками) охрой, и те из них, которые сохранились достаточно хорошо, можно с уверенностью отнести к условным рисункам геометрической формы. Некоторые знаки составляют маленькие группы из трех изображений. Именно в этом просторном зале нами был открыт и исследован хорошо сохранившийся и весьма информативный культурный слой верхнего палеолита, позволивший сделать стратиграфическую привязку настенной живописи пещеры [Щелинский, 1984; 1985; 1987; 1997; Shchelinsky, 1989 a,b].

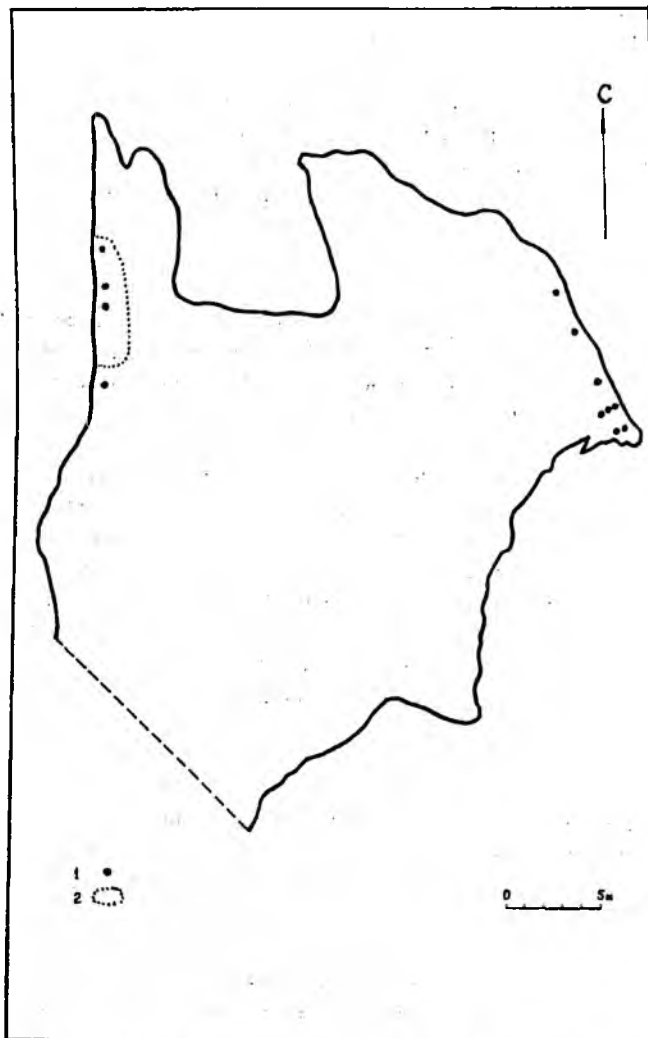
Еще более многочисленные рисунки размещены в зале Хаоса. Причем сосредоточены они преимущественно в глубине его. Ближе от скопления их в отдаленной части имеется только один, но исключительно интересный комплекс изображений, расположенный у южной стены как бы на границе переднего и дальнего отдела зала. Это – комплекс «Лошади и Знаки», изучение которого во многом изменило представление о живописи пещеры. Ниже мы подробно опишем этот комплекс изображений.

Не менее интересны рисунки в дальней части зала. Они располагаются здесь на восточной стене. Стена эта сильно наклонена от вертикали в сторону зала. В верхней части, ближе к своду, нависание ее не столь сильное. И в этом месте, несколько выше от резкого перегиба стены к ее нижнему участку с более сильным наклоном, на высоте около 3,5 м от завала камней, образующих пол, сделаны два первых сближенных красочных рисунка, выполненных красной охрой. Это самые высоконарисованные рисунки в пещере. Они, при должном освещении, видны издали и, по всей вероятности, имели какое-то особое значение. Один из них является рисунком антропоморфного существа высотой 35 см довольно неплохой сохранности. Над ним располагаются остатки рисунка какого-то крупного животного. Размеры его примерно вдвое больше размеров «антропоморфа». Этот рисунок, к сожалению, испорчен немелкими реставраторами, расчищавшими его в 70-х годах, и вследствие этого нарисованное животное практически неизвестно.

Несколько ниже отмеченных рисунков нависание стены резко увеличивается приблизительно до 60–70°. При этом пол под нижней частью этой стены образуют плоские глыбы известняка, наклоненные в сторону стены под углом 30–40°. Поэтому пространство между стеной и полом представляет собой нечто вроде глубокой щелеобразной ниши, резко сужающейся вниз. На верхней поверхности этой ниши, сближенной с полом, нанесена основная масса красочных изображений, часть из которых можно рассматривать только сидя или лежа на спине. Однако в данный момент расчищены от кальцитового натека лишь немногие изображения. У большинства же их видны только отдельные фрагменты красочных линий, по которым не всегда можно судить о первоначальной форме рисунков. Тем не менее похоже, что все изображения на этом участке стены являются разнотипными условными знаками, не во всех случаях похожими на знаки, представленные в других местах пещеры.

Рисунки верхнего яруса пещеры более труднодоступные. Чтобы добраться к ним, надо от конца Главной галереи подниматься вверх и преодолеть серию восходящих проходов, в том числе почти отвесный 14-метровый Ближний Колодец. Затем необходимо еще пройти почти 100-метровую Первую галерею, и лишь после этого попадаешь в зал Рисунков.

В этом весьма обширном зале (максимальная ширина 40 м, высота около 25 м) имеются два отчетливо выделяющихся крупных комплекса рисунков, связанных с его восточной и западной стенами (рис. 4). Расстояние между ними 30–35 м. Наиболее крупным является восточный комплекс, распола-

Р и с. 4. Распределение настенных рисунков в зале Рисунков на верхнем ярусе пещеры Шульган-Таш: 1 – настенные рисунки; 2 – место раскопок О.Н.Бадера

гающийся в отдаленной части зала почти напротив арочного входа в него. Этот комплекс включает в себя 8 рисунков: 4 изображают мамонтов, 2 – лошадей, 1 – носорога и 1 – большую трапецию с «ушками». На самом деле рисунков здесь было больше. Можно заметить едва различимые следы, по крайней мере, еще трех изображений, понять которые, к сожалению, не удастся. Все рисунки выполнены одинаковой красной охрой. Рисунки нанесены на относительно ровном слабо изъеденном процессами растворения участке стены, имеющей небольшой отрицательный уклон. Расположение рисунков на стене частично линейное, частично диагональное (одно над другим).

Западный комплекс рисунков значительно меньше. Он состоит из 4 изображений, выполненных красной охрой. Сохранность их хорошая. Рисунки выразительные, хотя нанесены на крайне неровную стену. Последняя сплошь покрыта пологими раковистыми углублениями, ребра между которыми сглажены. Совокупность этих углублений и ребер между ними очень напоминает сеть с ячейками примерно одинакового сечения. Древний мастер иногда использовал эти неровности стены для придания красочным рисункам животных большего динамизма. Может быть, не случаен и сам выбор «сетчатой» стены для нанесения рисунков. Стена немного наклонена в сторону зала. Построение рисунков в этом комплексе более просторное, по сравнению с комплексом рисунков на восточной стене – линейное, хотя площадь и характер стены, безусловно, позволяли разместить рисунки и по какой-либо другой схеме. В комплексе 3 мамонта и 1 животное, похожее на быка или бизона. Животные нарисованы идущими один за другим на некотором расстоянии. Рисунки находятся на уровне человеческого роста и снижаются от горизонтали по мере снижения пола пещеры.

Таковы в общих чертах расположение и группировки рисунков в пещере. Несомненно, каждый из этих рисунков и их комплексы должны быть тщательно описаны и проанализированы. Это мы намереваемся сделать в готовящейся публикации всех материалов пещеры.

Сейчас мы по возможности подробно остановимся на одном упоминавшемся выше интереснейшем комплексе рисунков, названном нами композицией «Лошади и Знаки», расположенном у южной стены в ближней части зала Хаоса на среднем ярусе пещеры. Первоначально эти рисунки были полностью закрыты толстым слоем кальцитового патека и были расчищены реставраторами буквально за год до смерти О.Н. Бадера. Тем не менее О.Н. Бадер успел кое-что написать о них и методике их расчистки в своем полевом отчете и нескольких статьях [Бадер, 1979; 1981; 1986]. Приведем некоторые части из последнего его отчета, касающиеся рисунков, внося в текст лишь незначительные стилистические изменения.

Из отчета О.Н. Бадера о работах в пещере в 1978 г.

После работ 1976 г., когда в 5-м зале нижнего этажа пещеры Шульган-Таш (речь идет о зале Хаоса среднего яруса пещеры, ВЩ) была начата расчистка новой группы рисунков [Бадер, 1977: 130–131], мы ожидали проведения в пещеру электрического освещения, запланированного башкирскими организациями, и так как в 1977 г. это не

было сделано, отложили продолжение работ на год, чтобы не мучиться снова с фонарями, в ожидании обещанных удобств в 1978 г. Однако свет не был проведен в пещеру и весной 1978 г. Не считая больше возможным откладывать продолжение работ на неопределенное время, мы организовали экспедиционную группу в составе реставраторов Межобластной Специальной Научно-Реставрационной мастерской (Москва) Л. А. Кологривовой и И. В. Аверинной и старых «каповцев» археологов В. В. Зыбковца, А. В. Трусова и др. Материальную помощь экспедиции оказали Башкирское отделение ВООПИК и БФАН СССР.

Целью работ была расчистка из-под кальцитовых натсков изображений на стене 5-го зала нижнего этажа, обнаруженных и частично расчищенных экспедицией в 1976 г. Тогда были расчищены две крупные геометрические фигуры и следы силуэтных фигур между ними. В отчетном году были расчищены площадь между геометрическими фигурами 1976 г. и площади под и над более крупной из них, всего до 3 кв. м.

Методика расчистки изображений была сложна и выработывалась в процессе работы. Перед началом ее красные изображения не проглядывали почти нигде, они были полностью закрыты известняковыми натсками. В 1976 г. нащупали их.

По каменной стене с рисунками постоянно стекает вода. Именно поэтому вся поверхность стены, в особенности в ее нижней части, где преимущественно располагается древняя живопись, была покрыта вертикальными неровными полосами натсков кальцита бежевого цвета толщиной до 8–10 см. Расчистка рисунков велась исключительно механическим путем. При этом соблюдалась следующая последовательность.

1. Удаление вертикальных утолщений – натсков кальцита производилось при помощи стамески с широким полотном и молотка. Натски скалывались довольно легко. Эти вертикальные валики кальцита лежали обычно на довольно ровной матовой поверхности нижнего слоя натсков, через который красочный слой еще не был виден.

2. Утоньшение нижнего матового слоя натска производилось при помощи стамески с узким полотном и молотка. Работа велась очень осторожно, не торопясь, небольшими участками. Поверхность расчищенного натска постоянно протиралась влажным ватным тампоном. Утоньшение велось очень постепенно, пока не начинала просвечивать краска живописи. Здесь нужны были особая осторожность и внимание, так как на живописной поверхности под натском кальцита могли быть неровности, которые можно неосторожно срубить стамеской, и тогда обнажится красочный слой, лежащий на неровностях ближе к поверхности натска, чем основная живописная поверхность. Расчистка кальцитовых натсков прекращалась тогда, когда сквозь них начинала просвечивать краска рисунков.

3. Утоньшение кальцитового натска на красочном слое, когда он уже начинал просвечивать, производилось при помощи скальпелей. При этом расчищенная поверхность натска постоянно протиралась влажным тампоном. Утоньшение натска производилось до тех пор, пока рисунок не становился виден достаточно ясно. На красочном слое рисунков оставался тонкий прозрачный слой кальцита, предохраняющий краску от размывания водой и механических повреждений. В неровностях и многочисленных углублениях скальной стены с этой же целью оставлен более толстый слой кальцита, образующий на рисунках матовые пятна. Невозможность в условиях постоянной влажности укрепить красочный слой рисунков заставила нас на верхней фигуре зверя оставить значительный фрагмент натска толщиной около 1 см, не утоньшая его более, так как он имеет вид пористой и хрупкой корки, осыпающейся по краям, где сочится находящаяся под ним красная охра.

В местах утрат защитного слоя рисунки не защищены ни от потоков воды, стекающих по стене и размывающих красочный слой там, где краска выходит на поверхность, ни от посетителей пещеры, могущих уничтожить или повредить их. Но утрат

этих очень мало. Они имеются в единичных пунктах верхней силуэтной фигуры и геометрических фигур. На нижнем рисунке зверя их нет совсем.

В результате расчистки были открыты изображения двух зверей, выполненные красной охрой. Одно из них находится в средней части стены, над крупной геометрической фигурой, на уровне верхней левой геометрической фигуры. Другое – под нижней геометрической фигурой. Кроме того, в двух маленьких расчистках над верхней реалистической фигурой выявлены узкий схематический знак, более крупные знаки рисунков влево от верхней реалистической фигуры и нижней геометрической и следы неясных рисунков вправо от верхней геометрической фигуры. Нижний реалистический рисунок отличается четким контуром и хорошей сохранностью. Верхний рисунок – худшей сохранности; одна из передних ног фигуры и часть туловища скрыты под налетом кальцита, который сейчас невозможно удалить: он порист, хрупок, по краям осыпается, и здесь открывается живая красная охра, которую вымывает стекающая по стене вода. В настоящее время, в условиях постоянной влажности, укрепить патек кальцита и красочный слой рисунка нет возможности.

Зверь в верхней части стены. Животное идет влево. Вокруг рисунка заметен слабый желто-розовый фон, который мог произойти от естественного размывания краски рисунка. Но, может быть, имеет место и его искусственное происхождение. Контур рисунка четкие, читаются хорошо. Рисунок выполнен в силуэтной манере. Ширина контура до 2 см. На голове и гриве красный контур в свою очередь оконтурен тонкой черной, углистой линией. На ногах и хвосте контур не виден. Здесь цвет всей живописной поверхности очень интенсивный. Окраска силуэта внутри контура выполнена той же краской, но не столь густо и поэтому отличается несколько более светлым тоном. Особенностью экстерьера фигуры зверя надо считать чрезвычайную массивность туловища, отвислый живот, короткие ноги, очень длинный хвост и отросток, похожий на рог или бороду, отходящий вниз и вперед от нижнего конца морды. Эта последняя деталь фигуры не понятна. Можно полагать, что изображен бизон, бык с бородой или наклоненной головой и торчащим рогом. Но общий экстерьер фигуры и длинный хвост говорят, скорее, что первобытный художник рисовал не бизона, а лошадь, хотя сделал это не вполне удачно.

Над спиной зверя изображена красная фигура в виде неполной лестницы, без второй параллельной линии и с неодинаковыми перекладинами. Рисунок располагается на очень неровной поверхности стены. Защитный слой кальцита здесь имеет неодинаковую толщину. Во впадинах он толще, отчего на всей поверхности заметны светлые пятна.

Зверь в нижней части стены. Фигура зверя изображена шагающей. Рисунок, как и первый, силуэтный, но заключен в густой красный контур, особенно заметный в задней части фигуры и в нижней части передней. Ширина контурной линии от 2,5 до 3,5 см. Рисунок окружает слабый желто-розовый фон. Это изображение, как и верхнее, имеет вполне аналогичную деталь в виде бороды или рога в нижней части морды. Она выполнена густой краской и никак не похожа на подтек. Это снова заставляет задуматься над видовым определением фигуры. Не является ли эта деталь изображением бороды бизона? Но общая конфигурация туловища, шея, относительно длинные ноги, изображение копыт, крупа и ложбинки на спине, скорее, напоминает не бизона, а лошадь. Может быть, это довольно плохой рисунок, и он является синтетическим, изображая бизона-лошадь? Живот зверя отвисший, фигура очень массивная, укороченных пропорций. Хвост короткий, немного отставленный.

Большая геометрическая фигура между рисунками зверей. Верхняя перекрывающая линия на правом конце выходит за пределы боковой фигуры и имеет обращенную вниз под прямым углом короткую головку (подобная деталь уже не раз встречена в

нашей пещере). На левом конце той же перекрывающей линии также имеется выходящий за пределы фигуры изогнутый конец, направленный вертикально вдоль тела фигуры. Обе эти детали вместе напоминают стилизованные голову и хвост животного.

Данная геометрическая фигура аналогична соседней слева на той же стене, и обе они аналогичны давно опубликованной крышеобразной фигуре в том же зале [Бадер, 1965, табл. X], с той только разницей, что последняя фигура изображена перевернутой.

Общая оценка расчищенных рисунков

1. Для них характерна необычная четкость контуров. На верхнем этаже (верхнем ярусе, ВШ) контуры всегда более или менее расплывчаты. Все дело в том, что рисунки быстро были закрыты натеком, что защитило их от размывания.

2. Все три рисунка в 5-м зале выполнены менее профессионально, чем на верхнем этаже; они грубы, очень массивны и имеют меньшее сходство с натурой. Массивность и укороченность корпуса придают этим рисункам особый облик, и представляется вероятным, что все они выполнены рукой одного первобытного художника.

Значение большого геометрического рисунка остается неясным. Он занимает по отношению к верхней фигуре зверя такое же положение, как крупный схематический рисунок под фигурой носорога на верхнем этаже пещеры.

Рисунки на последней расчищенной стене 5-го зала демонстрируют неразрывную связь реалистических и схематических изображений, нанесенных вперемежку одной и той же краской. Рисунки этой стены образуют интереснейшее сочетание, сложный семантический узел, который выглядит как свособразный первобытный алтарь [Бадер, 1978].

Понятно, что О.Н. Бадер смог высказать лишь первые впечатления о найденных им новых рисунках. Наблюдения его очень важные. Однако перед осмыслением этих рисунков, очевидно, необходимо прежде всего подробное описание их, к чему мы и приступим.

Место, где находятся интересующие нас рисунки, представляют собой небольшую треугольную нишу, образованную краем разделяющей зал Хаоса высокой арки, протянувшейся с севера на юг, и участком южной стены зала (рис. 5 и 6). Если подниматься в зал вдоль южной стены его, то рисунки сразу же обращают на себя внимание. Они располагаются в нижней части края арки, как бы на выступе, рядом с южной стеной зала и, таким образом, обращены на запад (северо-запад), в сторону зала Знаков. Слева от выступа с рисунками начинается переход в дальний отдел зала Хаоса.

Стена с рисунками имеет небольшой отрицательный уклон и образует фактически единую плоскость с незначительными в основном сглаженными углублениями. Поверхность, оптимально пригодная для нанесения рисунков, начинается около перехода в глубину зала Хаоса и заканчивается непосредственно у южной стены. Нижний край этой плоскости сравнительно ровный, расположен от находящихся внизу камней максимально на расстоянии 1,2 м.

В левой ее части, почти у края выступа, расчищены две ярко-красные линии, которые явно имеют продолжение под слоем кальцита. Представить сейчас, частями каких изображений они являются, сложно. Возможно, это контурный прямоугольник или трапеция.

Р и с. 5. Расположение композиции «Лошади и Знаки» в зале Хаоса среднего яруса пещеры Шульган-Таш. Вид с запада

Правее, практически по центру стены, почти полностью расчищена только трапециевидная фигура (рис. 6). Ширина ее 33 см, высота 30 см. Цвет фигуры фиолетово-коричневый. Создается впечатление неоднородности краски — в том смысле, что фиолетово-коричневый тон был получен не в результате смешения красок, а в результате наложения на красный тон более темной краски (обновление рисунка?). Красная охра местами выступает из-под более темной краски. Изображение представляет собой контурную равнобедренную, но слегка асимметричную трапецию с меньшим основанием внизу и расчерченным внутренним пространством. Центральная ось ее ориентирована практически вертикально. Некоторую асимметрию трапеции придает несодинаковая прямизна ее боковых линий. Правая из них заметно изогнута внутрь фигуры. Кроме того, место соединения нижнего основания и левой стороны фигуры не образует выраженного угла. Ширина красочных линий как снаружи, так и внутри изображения довольно постоянная и колеблется в пределах 1,7–2 см. Линия верх-

него, более длинного основания имеет с обеих сторон продолжение за пределы основной части рисунка. Однако о точной форме и размерах этих выступов («ушек») мы не можем судить, так как сохранились (или видны) только горизонтальные их участки (правый длиной около 1 см, левый – 1,4 см). Расчлененность пространства внутри фигуры создают четыре линии, соединяющие ее верхнее и нижнее основания. Расстояние между линиями колеблется от 2,5 до 3,5 см. Тем не менее они располагаются довольно симметрично, составляя две пары. Линии каждой из пар заметно изогнуты в направлении к центральной оси рисунка. Две средних линии, ближних к центру, сходятся на расстоянии 13 см от нижнего основания и продолжают до него, имея общую ширину около 3 см. Таким образом, в центре рисунка образуется еще одна геометрическая фигура, близкая по форме к длинному равнобедренному треугольнику с вершиной, ориентированной вниз.

Р и с. 6. Композиция «Лошади и Знаки»
в зале Хаоса среднего яруса пещеры Шульган-Таш

Правее, на расстоянии около 45 см от описанной трапеции с «ушками», хорошо видны четыре рисунка, расположенных один над другим и предельно близко друг к другу (рис. 6). Среди них (снизу вверх): лошадь с коротким хвостом, трапециевидная фигура с «ушками», лошадь с длинным хвостом и фрагмент неясной пока геометрической фигуры. Рисунки фактически примыкают к правому краю относительно гладкой поверхности стены, пригодной для нанесения рисунков. Причем край этот неровный и отклоняется от вертикали влево на 40–45°. Возможно, по этой причине два нижних рисунка не-

сколько смещены влево по отношению к верхним рисункам.

Описание рисунков начнем с лошади с коротким хвостом, размещенной наиболее низко. Она нарисована на самом краю ровной поверхности стены. Дальше вправо начинается пологое неровное углубление в скале. Задняя нога животного расположена всего в 17 см от нижнего края стены и уступа. Для рисунка использованы два цвета. Основной силуэт его выполнен красной охрой. Грива же обведена черной краской, скорее всего, углем. Животное передано в движении, полностью в одной профильной плоскости; голова его направлена налево в сторону прохода в глубину зала. Ось рисунка отклонена от вертикали влево на 20° , и вследствие этого лошадь кажется движущейся несколько вверх. Животное нарисовано в сложной манере. Рисунок его в основном контурный и выполнен четкой красочной линией шириной около 3 см. Однако голова, ноги и хвост животного полностью покрыты краской. При этом тщательно нарисованы копыта. Кроме того, внутренняя поверхность рисунка намеренно тонирована; она равномерно залита красной краской, несколько менее интенсивной, чем контурная линия. Верхняя линия гривы до перегиба к спине обведена и усилена тонкой черной линией шириной около 1 см. Две линии черной краски (ширина их колеблется от 1,4 до 0,5 см), несколько скошенные от вертикали, имеются также на боку между спиной и брюхом животного (условные признаки стрел?). Своеобразно переданы некоторые части тела животного. Голова его маленькая, морда узкая и немного загнута вверх, при этом особенно крупной кажется челка. Живот сильно вытянут вниз. Хвост короткий и несколько приподнятый. В целом складывается впечатление, что лошадь изображена бегущей иноходью. Размеры рисунка: длина от морды до хвоста – 60 см, высота в холке – 45 см, расстояние между мордой и передней ногой – 16 см, между передними ногами – 10,8 см. Между задними ногами – 9,8 см, от спины до самой нижней точки живота – 34 см, длина хвоста – 15,5 см.

Выше лошади находится контурный рисунок условной геометрической формы, основной силуэт которого близок равнобедренной трапеции с меньшим основанием внизу. Внутреннее пространство изображения расчерчено линиями. Красочные линии, образующие фигуру, удивительно четкие; ширина их в основном одинаковая и колеблется от 1 до 1,5 см. Несомненно, эта фигура в некотором отношении сходна с уже описанной выше трапециевидной фигурой, расположенной в 45 см левее. Но у нее имеются свои особенности. Помимо нахождения в непосредственной близости от реалистических рисунков лошадей, она крупнее и расчерчена по-другому. Цвет ее ярко-красный; каких-либо следов полихрома на ней нет. Трапеция нарисована сразу же над лошастью так, что ее нижнее основание размещается напротив спины животного. При этом ось фигуры отклонена от вертикали влево на 17° , то есть несколько меньше, чем отклонена ось рисунка лошади. Поэтому, если левый нижний угол трапеции почти вплотную подходит к концу гривы животного и находится на уровне ее, то правый край трапеции оказывается выше, в 7 см над верхом хвоста лошади. Размеры трапеции: ширина – около 69 см, высота – 40 см. Линия верхнего, более широкого

основания фигуры выходит с обеих сторон за пределы ее основного силуэта на 7 см, разворачивается вертикально вниз и продолжается примерно на 10 см. Образуются боковые выступы или «ушки». Непосредственно с левым «ушком» проходит еще одна линия шириной 2,3 см. Она начинается примерно на 5 см выше верхнего основания, описывает плавную кривую, отходящую от боковой стороны фигуры максимально на 9 см, и далее идет вниз практически прямо под углом 25° к вертикали, приближаясь к боковой стороне на 3,5 см. На расстоянии 8 см от нижнего основания она разворачивается практически на 90° влево, продолжается от места разворота на 4 см и резко заканчивается. Верхняя часть этой линии и часть поверхности стены слева от нее расчищены недостаточно, и поэтому сложно определить, примыкала ли она непосредственно к продолжению верхнего основания фигуры или же это часть другого изображения.

Линии на внутренней поверхности фигуры соединяют верхнее и нижнее основания. Они размещены симметрично тремя группами. Рядом с каждой из боковых сторон находятся по две линии. Интервалы между ними около нижнего основания колеблется от 0,7–0,9 см, около верхнего основания они достигают 1,6–2 см. В центральной части фигуры расположена еще одна группа из трех линий. От левой и правой боковых сторон она отделена расстояниями внизу соответственно 5,3 см и 4,3 см, а наверху – 9,8 см и 8,8 см. Средняя линия практически перпендикулярна основаниям фигуры, две другие находятся с обеих сторон от нее на расстоянии: левая внизу – 1,3 см, наверху – 4 см, правая, соответственно, 1,4 см и 3,8 см. При этом эти линии отклоняются от центральной линии неравномерно. На расстоянии около 20 см от нижнего основания угол их отклонения увеличивается примерно на 5° .

Чуть-чуть выше трапеции, отделяясь от нее всего 2,5–3-сантиметровым промежутком, нарисована вторая лошадь. Рисунок ее сохранился хуже и хуже расчищен, хотя читается вполне отчетливо. Изображение находится в полном единстве с другими рисунками в этой группе и выполнено с тем же стилистическим подходом, что и изображение первой лошади под трапецией. Вместе с тем, несмотря на обобщенно-типизированное изображение, в самой фигуре второй лошади также хорошо выражены и индивидуальные отличительные особенности.

Лошадь передана в движении в профильной плоскости. Голова ее направлена налево, в глубину зала Хаоса. Как и у изображений ниже, ось рисунка отклонена от вертикали влево на $17\text{--}20^\circ$ и поэтому кажется, что животное движется немного вверх. Рисунок двухцветный, в основном контурный. Он сделан густой красной линией шириной около 3 см. Полностью покрыты такой же плотной красной краской голова, ноги и хвост животного. При этом поверхность внутри контура намеренно тонирована гораздо менее интенсивной красной краской. Грива лошади усилена черным цветом. Размеры рисунка: длина от морды до хвоста – 75 см, высота в холке – 53 см, расстояние между передними ногами – около 4 см, между задними ногами – 13,4 см, от спины до самой нижней точки живота – 42 см, длина хвоста – 36 см.

Как видим, вторая лошадь крупнее первой. Пропорции ее более тяжелые. Хвост значительно длиннее и заканчивается примерно выше уровня копыт. Морда и грива в целом такие же, как у первой лошади, но черного цвета на гриве значительно больше. Если у нижней лошади черный цвет идет в виде обводки сравнительно тонкой и ровной линией по всей длине гривы, то у этой лошади узкая черная линия имеется только на участке непосредственно рядом с мордой длиной примерно 26 см. Далее черная линия довольно резко расширяется приблизительно до 3,5–4 см и в таком виде продолжается по верху гривы до начала линии спины. Внешний край ее отличается значительно большими неровностями по сравнению с краями тонкой линии. Шаг лошади также передан иначе. Такое впечатление, что эта лошадь идет обычным шагом. На это указывает не только размещение ног, но и наклон головы; запечатлен шаг достаточно быстрый, но не переходящий в бег.

Прямо над спиной второй лошади берет начало еще одна фигура, выполненная красной краской. Она почти совсем не расчищена от кальцитового патека. От нее сейчас просматривается только небольшой фрагмент. Он представляет собой прямую линию длиной около 25 см и шириной 2–2,5 см, расположенную под углом 40° к вертикали, пятью линиями такой же ширины и длиной около 10 см и меньше, отходящими от нее в разных местах влево почти под прямым углом. Несомненно, это какой-то новый условный знак геометрической формы, внутреннее пространство которого расчерчено особым образом.

Описанная нами группа рисунков, к сожалению, до конца не расчищена. И мы до сих пор не знаем и, наверно, еще долго не узнаем всего состава изображений, образующих данную композицию. Однако и то, что мы видим в ней, позволяет говорить о сюжетной связи между рисунками. Их объединение служит для выражения какой-то весьма определенной идеи и притом так, что изображения лошадей несут на себе основную смысловую нагрузку, а знаки трапецевидной формы среди них более полно раскрывают и поясняют смысл и цель всей этой композиции рисунков. Общее же содержание рисунков данной композиции, равно как и других настенных красочных изображений в пещере, на наш взгляд, могло быть преимущественно одним – это иллюстрации мифов, мифологических представлений палеолитических охотников. По-видимому, каждый рисунок и сочетания их несли какую-то определенную информацию. При этом весьма важен был также контекст рисунков с некоторыми особыми формами рельефа пещерного пространства, которым, в силу их воображаемого сходства с кем-либо или чем-либо, придавалось то или иное значение. Поэтому отдельные места и разные залы с рисунками в пещере, будучи составными частями святилища, судя по всему, выполняли свои, в чем-то специфические сакральные функции [Щелинский, 1996: 11, 12]. Учитывая это, можно предположить, что содержание композиции “Лошади и Знаки” в немалой степени было связано с расположением ее в особом месте непосредственно у перехода в отдельную часть зала Хаоса, где имеется единственное в пещере изображение антропоморфного существа.

Литература

Бадер, 1965: Бадер О.Н. Капова пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука.

Бадер, 1977: Бадер О.Н. Северная палеолитическая и Окская экспедиции // Археологические открытия 1976 года.

Бадер, 1978: Бадер О.Н. Отчет о работах Уральского отряда Северной палеолитической экспедиции в 1978 г. Архив ИА РАН, р-1, № 7022.

Бадер, 1979: Бадер О.Н. Новые работы в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 1978 года.

Бадер, 1981: Бадер О.Н. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. 15. Свердловск: Наука.

Бадер, 1986: Бадер О.Н. Тайны седого Урала // Сквозь века. К истокам культуры народов СССР. 1, М.: Знание.

Богданович, Кудряшов, 1966: Богданович Е.Д., Кудряшов И.К. Об этажности строения Каповой пещеры // Советская археология. № 4.

Вахрушев, 1960: Вахрушев Г.В. Загадки Каповой пещеры (Шульган). Уфа.

Котов, 1997: Котов В.Г. Пещерное святилище Шульган-Таш и мифология Южного Урала // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции 9–15 сентября 1997 г. Уфа.

Кудряшов, 1969: Кудряшов И.К. Путеводитель по Каповой пещере. Уфа.

Любин, 1991: Любин В.П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // Советская археология. № 1.

Ляхницкий, Щелинский, 1987: Ляхницкий Ю.С., Щелинский В.Е. Исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) // Известия ВГО. 119. 6.

Смирнов, Книсс, 1986: Смирнов А.И., Книсс В.А. Биоспелеологический метод определения возраста карстовых пещер (на примере пещер Южного Урала) // Геоморфология. № 1.

Филиппов, 1997: Филиппов А.К. Мифологические фрагменты искусства палеолита // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции 9–15 сентября 1997 г. Уфа.

Филиппов, 1997а: Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб.: Наука.

Щелинский, 1984: Щелинский В.Е. Возобновление исследований палеолита Южного Урала // Археологические открытия 1982 года.

Щелинский, 1985: Щелинский В.Е. Исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) // Археологические открытия 1983 года.

Щелинский, 1987: Щелинский В.Е. Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.

Щелинский, 1993: Щелинский В.Е. Капова пещера на Южном Урале – уникальный памятник европейского верхнего палеолита // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы конференции. Ч. 2. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.

Щелинский, 1996: Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой): Уфа.

Щелинский, 1997: Щелинский В.Е. Палеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции 9–15 сентября 1997 г. Уфа.

Shchelinsky, 1989 a: Shchelinsky V.E. Nouvelles découvertes dans la grotte Kapovaïa // L'Anthropologie. 93.

Shchelinsky, 1989 b: Shchelinsky V.E. Some Results of New Investigations at the Kapova Cave in the Southern Urals // Proceedings of the Prehistoric Society. 55.

В.Г. Котов*

СВЯТИЛИЩЕ В ПЕЩЕРЕ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВОЙ)
И МИФОЛОГИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Проблема мифологического содержания палеолитических изображений в пещерах Западной Европы в последние десятилетия все чаще стала обсуждаться на страницах научных публикаций, что связано со сменой магической парадигмы в изучении палеолитического искусства на мифологическую после появления работ Ляминг-Эмпирер и Леруа-Гурана [Фролов, 1978]. Французские ученые обосновывали это существованием определенного порядка символов внутри пещер, который сохранялся тысячелетия [Леруа-Гуран, 1971: 89–90]. Действительно, постоянство сюжетных композиций на всей территории Франко-Кантабрийского региона в течение 20 тыс. лет возможно только при наличии развитого устного творчества или, другими словами, мифологии – считает Б.А.Фролов [Фролов, 1978: 109]. Анализируя предметы мобильного искусства, он пришел к выводу о существовании в Евразии двух мифологических традиций в палеолите: одна основывалась на вертикальной модели космоса и, соответственно, трюичном ритме, а другая – на горизонтальной модели космоса и четверичном ритме [Фролов, 1978: 113]. Семантический анализ конкретных изобразительных комплексов в пещерах Западной Европы и Шульган-Таш был предпринят в работах А.К.Филиппова [Филиппов, 1997; 1997а]. О том, что рисунки пещеры Шульган-Таш объединены в композиции, которые отражают какую-то мифологию, писал В.Е.Щелинский [Щелинский, 1996: 11–12; 1997: 29]. Возникает вопрос: что собой представляла эта мифология? В работах В.Р.Кабо на основе сравнительного изуче-

* Котов Вячеслав Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

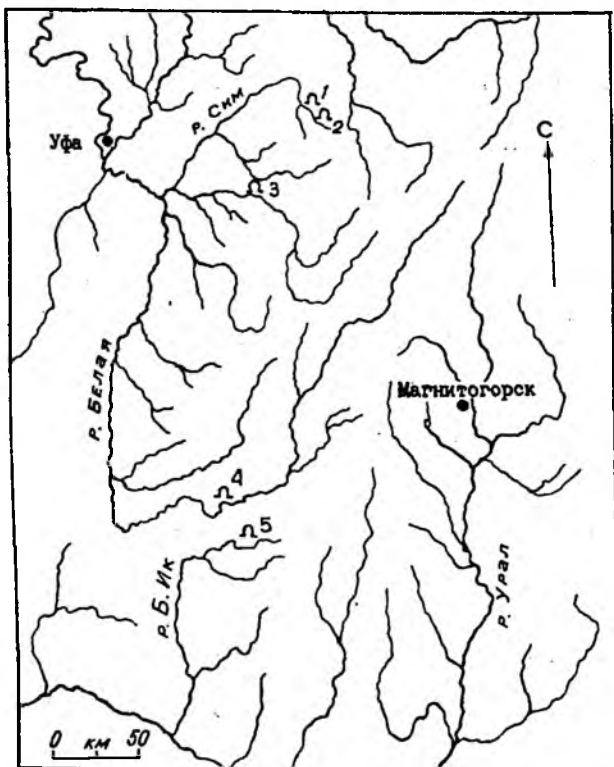
© Котов В.Г., 2001

ния народов Австралии и Тасмании постулируется вывод о возникновении в эпоху палеолита инициационных, тотемических мифов и мифов о культурных героях [Кабо, 1975: 87]. Сопоставительный анализ мифологии палеоазиатских, уральских народов и индейцев Америки показывает их неслучайное сходство, что с одной стороны, говорит о едином источнике их происхождения, который существовал в палеолите, а с другой – свидетельствует о сохранении архаической мифологии вплоть до этнографической современности [Иванов, 1973; Мелетинский, 1979; Напольских, 1989]. Не случайно некоторые исследователи полагают, что сибирские народы сохранили в своих традиционных культурах многие черты палеолитических охотников [Окладников, 1971; Фролов, 1978: 115]. Открытия на Южном Урале палеолитических святылищ со сложными изобразительными комплексами позволяют по-новому подойти к намеченной проблеме сопоставления настенных изображений и мифологии. Ключом к пониманию может и должен стать комплексный анализ святылища Шульган-Таш.

История исследования и эволюция взглядов

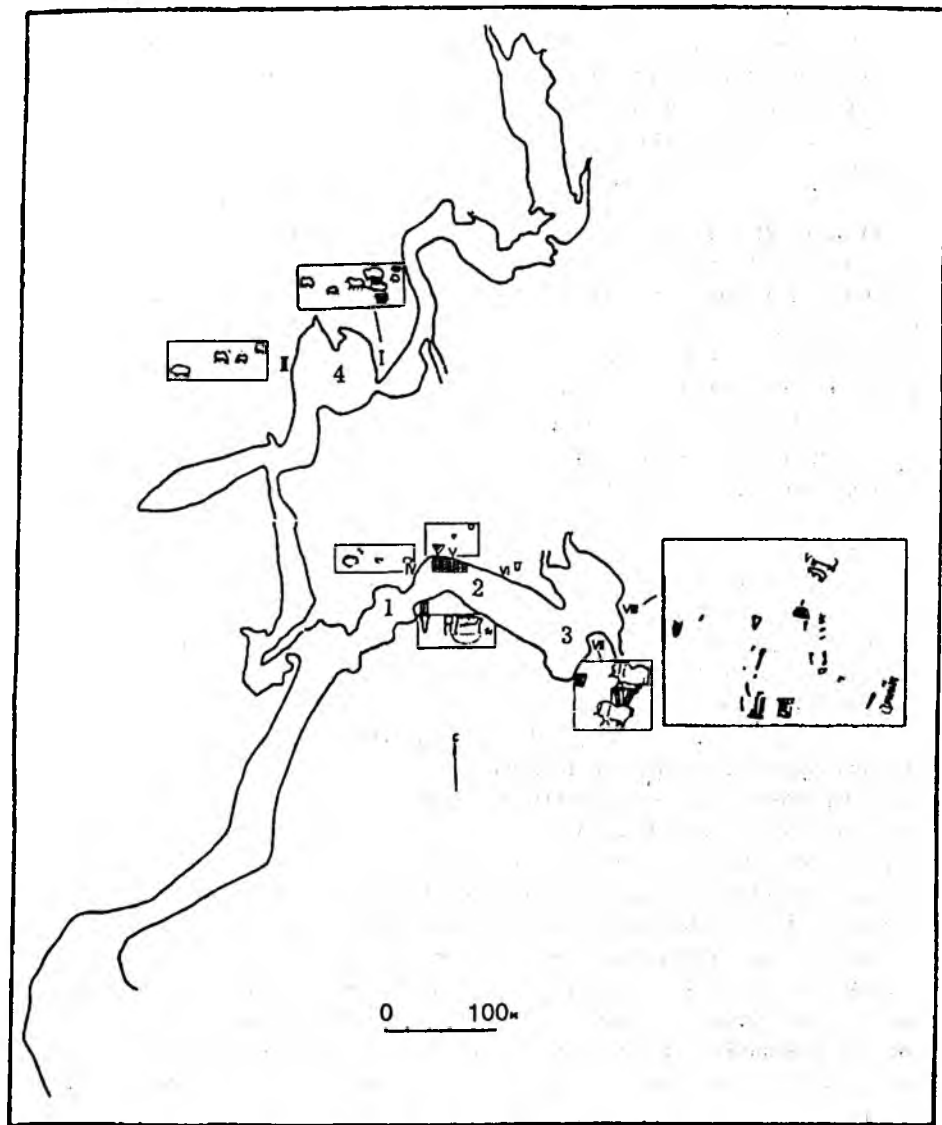
Шульган-Таш (Капова) – наиболее известная на Южном Урале пещера. Исследователь Оренбургского края П.И.Рычков в 1755 г. писал о ней: «...из всех в Башкирии находящихся пещер за славнейшую и наибольшую почитается...» [Рычков, 1999]. Очевидно, эта известность связана с ее размерами: из сотен пещер, зафиксированных ныне на территории Башкортостана, Шульган-Таш резко выделяется своими объемами и сложной топографией. По существу это настоящая подземная страна. Вот как ее описывал в середине XIX в. В.Даль: «...она вся еще не исследована и состоит из множества больших и малых пещер, связанных с переходами, оконцами и трещинами... Тут есть ключи, озера, пропасти, подземные горы... В стенах и сводах есть отверстия, ведущие в верхние и боковые ярусы пещеры...» [Даль, 1989: 172–188]. У башкир с пещерой связано много преданий, поверий и даже эпосов, в частности о том, что будто бы в пещере жили особенные люди, которые были богаты, сеяли хлеб и имели много скота [Даль, 1989; Вахрушев, 1960]. По мнению В.Е.Щелинского, именно размеры пещеры стали причиной выбора ее в качестве святылища в эпоху древнекаменного века [Щелинский, 1997: 29].

Пещера находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан на правом берегу р. Белой (рис. 1). Вход в нее расположен на южном склоне горы Шульган-Таш, сложенной из девонских и карбоновых известняков. Он представляет собой вначале глубокое ущелье, завершающееся огромной аркой входа, имеющей ширину около 40 м и высоту около 20 м. Слева под аркой входа, образуя бурлящее голубое озеро, из глубины мощной струей вытекает р. Шульган, которая в 150 м от этого места впадает в р. Белую. К настоящему времени на трех уровнях пещеры разведано залов и ходов общей протяженностью более чем 2,8 км (рис. 2). Пещера Шульган-Таш считается одной из крупнейших и интереснейших на Урале. Ее научное изучение началось более 200 лет назад, но до сих пор она хранит много загадок [Вахрушев, 1960].

Р и с. 1. Схема расположения пещерных святилищ Южного Урала: 1– Игнатиевская; 2– Серпиевская 2-я; 3– Заповедная; 4– Шульган-Таш (Капова); 5– Мурадымовская

Всемирную известность пещера получила после открытия в 1959 г. биологом А.В.Рюминым древних рисунков в глубине ее залов [Рюмин, 1960]. Это была первая декорированная пещера за пределами Франко-Каптабрийской области, где были обнаружены десятки и сотни таких памятников. Специалисты из Западной Европы даже всерьез обсуждали идею о какой-то особой художественной одаренности древнего населения этого региона. Естественно, что открытие привлекло внимание многих российских и зарубежных ученых. Всестороннее исследование началось в 1960 г. под руководством авторитетнейшего ученого профессора О.Н.Бадера. Именно его экспедиции принадлежит заслуга обнаружения большинства изображений в разных частях пещеры. Многие из них были расчищены от грязи и копоти на верхнем, труднодоступном этаже. Некоторые из них пришлось открывать из-под кальциевой корки специалистам-реставраторам. В результате этой кропотливой работы взорам исследователей предстало около четырех десятков изображений, сделанных красной охрой [Бадер, 1965]. Часть из них – рисунки животных, живших в эпоху оледенения: мамонтов, лошадей, носорога, бизона. За

Р и с. 2. Схематический план пещеры Шульган-Таш (Каповой) [по Щелянскому, 1996]:
1— зал Купольный; 2— зал Знаков; 3— зал Хаоса; 4— зал Рисунков.
Римскими цифрами обозначены основные скопления рисунков

исключением трех лошадей все они были нанесены на стены зала Рисунков верхнего яруса пещеры. Большая же часть символических изображений расположена в трех залах среднего яруса (рис. 2; 6). В основном это четырехугольники-трапеции с различным количеством линий внутри и «с ушками».

Встречаются и другие символы, например, треугольник с вписанным в него треугольником, круглое пятно с черточкой, лесенка и параллельные линии [Щелинский, 1996: 7–11]. Очень важно, что один трапециевидный знак присутствует на панно с изображениями животных на верхнем ярусе пещеры (рис. 2; 5). Это говорит об одновременности и взаимосвязанности изображений верхнего и среднего ярусов. Таким образом, по мнению О. Н. Бадера, все рисунки представляют единый комплекс и относительно *одновременны*. Но вот когда были нанесены рисунки на эти стены? О. Н. Бадер считал, что они были сделаны в конце верхнего палеолита [Бадер, 1965: 22]. Более точно ответить на этот вопрос удалось другому исследователю – питерскому археологу В. Е. Щелинскому.

В дальнем зале среднего яруса в 170 м от входа, прямо под древними рисунками, им были изучены остатки стоянки современников этих изображений. Об этом красноречиво свидетельствовали находки истертых карандашей красного минерального пигмента – охры. Здесь же была найдена глыба, отвалившаяся от стены, с фрагментом какого-то рисунка. По древесному углю радиоуглеродным методом было определено, что костры здесь горели 14 тыс. лет назад. В темных залах пещеры древние художники, очевидно, пользовались факелами и светильниками. Следы истлевших веток были найдены в культурном горизонте, а также была сделана уникальная находка – светильник из глины. Еще один светильник, но уже вырезанный из мягкого зеленого камня, был найден среди завалов глыб в этом же зале. Из такого же мягкого камня были выточены 4 бусины из культурного слоя. По мнению археолога В. Е. Щелинского, люди не жили здесь постоянно, а приходили на время, очевидно, для совершения каких-то обрядов, например, для того, чтобы отколоть от стены несколько кусков известняка, сделать какое-нибудь изображение или чтобы оставить здесь свое оружие [Щелинский, 1997: 14].

Какие мистерии совершались под сводами пещеры – загадка, но уже сейчас выдвигается ряд предположений и гипотез о назначении этого святилища. Например, В. Е. Щелинский считает, что значительная часть рисунков объединена в композиции, отражающие мифологические представления древних людей [Щелинский, 1996: 11]. А екатеринбургский археолог В. Н. Широков полагает, что мы можем реконструировать, хотя и приблизительно, содержание этих мифов. Он объясняет двухсоставный характер структуры пещерного святилища наличием двух зон разной важности, что отражает, по его мнению, различные этапы посвятельной обрядности [Широков, 1995: 58–59]. Например, для того чтобы попасть на верхний этаж, необходимо преодолеть опасный уступ высотой 14 м. И тот, кто смог это сделать, становился избранным и допускался к посвящению в самые сокровенные мифы и предания племени. Точка зрения В. Н. Широкова подтверждается и нашими исследованиями.

Обряд посвящения

Действительно, топография изображений однозначно указывает на испытательный характер ритуальных действий, в контексте которых рисунки и

появились: все они находятся не только в дальних залах пещеры, но некоторые из них труднодоступны. Таким образом, обряды, которые совершались в пещере, имели явно выраженный испытательный характер, то есть были связаны с посвятельными ритуалами. Очевидно, они имели два основных этапа – об этом говорит различие образов верхнего и среднего этажа.

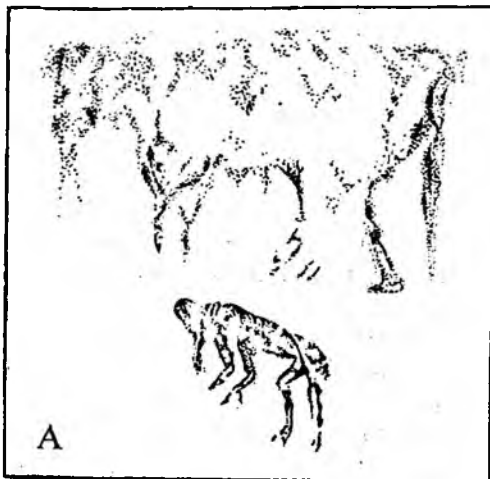
Это как нельзя кстати соответствует и самому содержанию посвятельной обрядности. По данным этнографии известно, что в ходе первого этапа предполагалось «отбить» у юношей всякое воспоминание о прежней размеренной жизни в родном доме под защитой своих родичей. Обычно это достигалось «окунанием» посвящаемых в чуждую непредсказуемую среду, имитирующую «временную смерть» и нередко представляющую опасность для человека. Для этого обычно использовались труднодоступные, уединенные места, где под руководством взрослых дети постигали трудную науку охотника, учились самоконтролю, посвящались в предания и мифы рода-племени. И лучшего места, чем большая пещера для этого не найти, поскольку она «подчеркивала как нельзя лучше метафору перехода неопита из одного состояния в другое, из одного мира в иной» [Широков, 1995: 58]. На этом этапе, прежде чем окончательно перейти границу, отделяющую от детства, они должны были обрести себе помощника или духа-покровителя. Им в то время чаще всего мог быть покровитель рода-племени, т.е. какое-то тотемное животное. На втором этапе юноши посвящались в самые сокровенные мифы и принимались в общество взрослых охотников [Тендрякова, 1992]. Только тогда они допускались на равных к участию в охоте. Это было связано не только с опасностью охоты для жизни, но и с тем, что первобытные люди воспринимали смерть любого животного на охоте как убийство живого и по-своему разумного существа, от которого зависела жизнь рода-племени. Причем это животное могло оказаться родственником-тотемом самого охотника или его близких родичей. Очевидно, с этим и связана строгость поэтапного прохождения обряда посвящения, поскольку будущий охотник должен получить право самостоятельно распоряжаться жизнью и смертью других существ. Эта ответственность за поддержание равновесия в микрокосме социума и в макрокосме природы воспитывалась посвящением в сокровенное знание, раскрывающее место и роль человека в мире [Тендрякова, 1992: 32; Сагалаев, 1991: 101–102; Котов, 1997: 10–11]. Содержанием этого «сокровенного знания» являлись космогонические мифы. Именно в мифах о сотворении рассказывалось о том, как деяниями первопредков еще несовершенный мир приобретал современный порядок, становился Космосом. Это время мифического «начала» считалось наиболее «реальным» и «сильным» временем, так как оно было наполнено творческой энергией сверхъестественных существ. Поэтому приобщение к мифам означало, что «человек становился “соучастником” упоминаемых событий, современником богов или геросв» [Элиаде, 1996: 27–28]. Отсюда «знать миф о происхождении недостаточно, его надо воспроизводить, демонстрировать его, показывать» [Элиаде, 1996: 27]. Причем мифы воспроизводятся в определенном месте и в определенное время «только во время священнодействия» [Элиаде, 1996: 20].

Эти обряды, как показывает этнография, нередко сопровождались различными ритуалами возрождения убитых животных или поддержания продуцирующего начала Природы в целом, исходя из того, что любой творческий акт «совершается по одной модели, модели мифа о происхождении, которая играет роль космогонического мифа» [Элиаде, 1996: 51]. Тем более что и внутреннее содержание самого обряда инициации предполагает «переход» посвящаемого из одного состояния в другое, т.е. он должен пережить состояние временной смерти и рождения в новом облике [Кабо, 1988: 29]. Таким образом, инициация равнозначна второму рождению. Поэтому в ходе этого обряда «возвращение к материнскому лону обозначается или через затворничество неофита в шалаше, или через символическое пожирание его чудовищем, или через проникновение на священную территорию, идентифицируемую с чревом Матери-Земли» [Элиаде, 1996: 85]. Эта идея буквально воплощалась в том, что вход священного сооружения, в котором проводился обряд инициации, нередко, оформлялся в виде открытой пасти мифического существа, «заглатывающего» и «извергающего» неофитов [Пропп, 1986]. Отразилось ли на структуре святилища пещеры Шульган-Таш содержание этих обрядов?

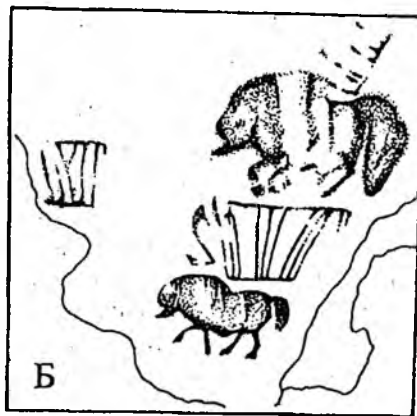
Структура святилища и содержание композиций

Мы считаем, что да. Внутреннее пространство пещеры необходимо рассматривать как единое целое, в котором символически отражаются этапы «перехода» посвящаемых. Другими словами, пространство пещерного святилища должно представлять собой «священный путь» [Кабо, 1988: 29], который своими естественными зонами отмечает данные этапы, что неизбежно должно отразиться на характере и деталях символических изображений на стенах. Инициация – это классический обряд перехода человека из одного состояния в другое. Этнологи его описывают как процесс внутреннего перерождения, постепенного отрешения от прежнего детского состояния и накопления нового качества, сопровождаемый приобретением нового статуса и все большей и большей приобщенности к делам взрослых [Тендрякова, 1992: 32]. По нашему мнению, этот процесс отражается, прежде всего, в изменении трапециевидных изображений на стенах по мере продвижения в глубь пещеры и усложнения ее микротопографии. Например, наиболее простые знаки в виде пятен, черточек, трапециевидных изображений с «ушками» без линий или с одной или двумя линиями внутри мы встречаем в двух легко доступных декорированных залах среднего яруса пещеры (рис. 2; 6). Более же сложные трапециевидные знаки нарисованы на стенах следующего зала, нижняя часть которого сложена из огромных глыб. За что он и получил название «зал Хаоса» (рис. 2). Очевидно, он уже своим видом обладал для древнего человека другим статусом, чем зал Знаков, который был для него жилой площадкой. Не случайно в одном из уголков зала Хаоса из-под толстого слоя кальцитовых натеков было вскрыто большое панно, изображающее двух лошадей, нарисованных друг над другом, а также соразмерный им трапециевидный знак с «ушками», расположенный между ними (рис. 3, Б). Два других трапециевидных знака появились, очевидно, как допол-

пение к этой сцене. Несомненно, это вертикальное расположение является композиционным и поэтому символическим*. Здесь явно присутствует идея зеркальной связи верха и низа, связи животных между собой. Поскольку абстрактный геометрический знак, ритмично заполненный внутри линиями, может символизировать только явление человеческого мира, то мы можем утверждать, что связь этих животных обусловлена связью с человеком. Таким образом, эта сцена может быть мифологическим символом трехчленности мира, где «лошади» обозначали верхний и нижний миры, а знак — средний мир или землю, населенную людьми. Однакостораживает то, что верхний и нижний миры обозначены одним и тем же символом. По сути, здесь мы можем говорить о бинарном принципе построения связей между символами: объект или явление, которое обозначает трапециевидный знак, взаимодействует с мифическим животным, похожим на лошадь, который может принадлежать как к верхнему, так и к нижнему миру. То, что образ лошади связан с «перерождением» человека (см. описание сцены антропоморф и «лошадь» ниже), а также с трапециевидными знаками, указывает на ее доминантную роль в жизни человека как мифического божества — покровителя и прародителя. Тогда становится понятной такая деталь у «лошадей», как отвислые животы. Возможно, так обозначалась беременность, а в целом вся сцена символизировала круговорот-реинкарнацию душ. Эта идея является одной из основных в вертикальной модели, а значит, и в концептуальном (в том числе и мифологическом) видении вообще. О глубоко-

А

Б

Р и с. 3. Пещера Шульган-Таш (Капова).
Изображения в зале Хаоса [по Бадеру, 1970]:
А — сцена «животное и антропоморф» на гребне
потолка; Б — панно «лошади и знаки»

и в концептуальном (в том числе и мифологическом) видении вообще. О глубоко-

* См. статью В.Е.Щелинского в настоящем сборнике.

чайшей древности ее свидетельствуют погребения неандертальцев. Если в результате расчистки содержание этого панно в принципе не изменится, то мы будем иметь одну из немногих иллюстраций вертикальной модели космоса. Данная концепция лежит в основе большинства мифологических систем Евразии, что само говорит об ее изначальной древности, и по некоторым данным она присутствовала уже в палеолите [Фролов, 1978: 113].

Идея связи человека и животного подтверждается на примере другой группы изображений, которая находится рядом, но сделана на гребне потолка на высоте 3-х м от уровня «пола» глыбового завала. Здесь мы впервые встречаемся с изображением человека, а точнее – человекоподобного существа. Он изображен в наклонном положении с непропорционально большой головой и вытянутым клювовидным лицом. У него человеческие пропорции туловища и раздвоенные в виде клешней конечности, а также маленький хвостик. Над этим антропоморфом нарисовано какое-то копытное животное – сохранилась после расчистки только нижняя часть и линия шеи и спины, сделанная черным пигментом. Но, судя по пропорциям тела и шееспинной линии, а также характерному хвосту, здесь была изображена *лошадь* (рис. 3, А). Размещение антропоморфа под лошадю и их разница в размерах явно говорят о доминировании последней. Общая идея этой композиции очевидна – здесь была изображена символическая сцена *рождения* (или «*пере-рождения*») человека от лошади. Сходство композиционного решения обеих символических групп позволяет утверждать, что сложный трапециевидный знак является не просто символом человека, но и отражает какое-то его качественно иное состояние, что подтверждается сравнением с другими, более простыми трапециевидными знаками, находящимися внизу, в зале Знаков. Здесь же в IV группе есть скопление рисунков, сделанных на ровной плоскости стены, на высоте 3 м от глыбового завала, расположенные вблизи края западной стены (рис. 2). Хотя они размыты, все же можно разобрать что здесь изображено животное, под ним четырехугольный знак, а рядом 2 небольших трапециевидных знака. Судя по изгибу шееспинной линии, изображенное животное является *лошадью*.

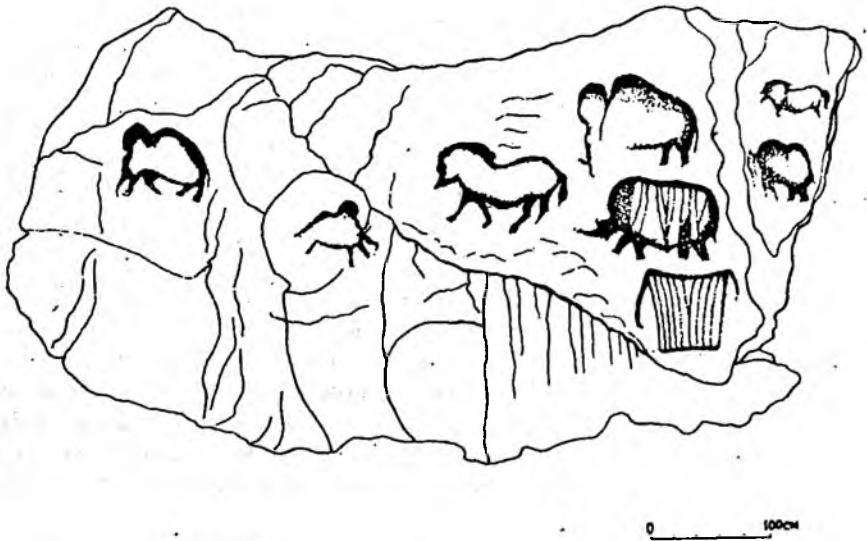
О том, что в геометрических знаках отражались поэтапные изменения статуса посвящаемых, свидетельствует следующее. Во-первых, сложные трапециевидные знаки ассоциированы с изображениями животных. Значит, абстрактные знаки могут обозначать что-то такое же конкретное, как и реалистические изображения животных, но не связанное с животным миром. Этим «чем-то» может быть только человек, тем более что геометрический символ чаще всего и обозначал что-либо из человеческого мира. Во-вторых, простые знаки обычно размещены отдельно в различных частях пещеры и различаются по форме и цвету. Все это говорит о том, что они были сделаны разными людьми и, возможно, с интервалом во времени. Особенно эта идея хорошо проявляется в трапециевидном изображении в зале Хаоса, часть которого нарисована темно-бордовой краской, а остальная дорисована, очевидно спустя какое-то время, красной (рис. 6, II). Здесь же в этом скоплении, которое располагается на наклонном потолке вблизи антропоморфа, есть несколько изображений в виде лесенки или следующих друг над другом знаков и коротких

линий (рис. 2). В этих символах вновь присутствует принцип *вертикальной* связи, что как нельзя лучше могло бы отражать идею поэтапного подъема социального статуса посвящаемых. Это тем более вероятно, что это скопление приурочено к сцене антропоморф – лошадь, где она занимает явно демонстрационное центральное место на гребне под потолком на высоте 3-х м над лежащими глыбами. То есть, для того чтобы ее нарисовать, необходимо было принести сюда лестницу или соорудить какие-либо подмости. Кто был здесь, тот поймет, как трудно добраться сюда даже с электрическим фонарем, а представьте, что нашим пращурам пришлось сюда тащить бревна, освещая себе дорогу факелами или жировыми лампами! Таким образом, эта сцена занимала явно одно из ключевых положений в идеальной «конструкции» древнего святилища, маркируя не только самую высокую, но и наиболее удаленную точку нанесения изображений на среднем этаже. Несомненно, здесь было место, связанное с какой-то кульминацией в обрядах, проводившихся на этом этаже. Не исключено, что эта «небесная» сцена иллюстрирует широко распространенный в посвяtitельной мифологии мотив приобретения неофитом (а в мифе – героем) потустороннего помощника-покровителя и «перерождение» неофита от взаимодействия с ним. Очевидно, скопление знаков – это появившееся в ходе обрядовых действий «приложение» к этой сцене. Расположенные в укромных уголках среднего яруса, они только в данном месте наиболее ярко проявляют свое главное содержание – символически обозначать *присутствие* или «со-бытие» участников обрядов разворачивающемуся здесь (и в данной композиции) мифосимволическому действию. Очевидно, в контексте восприятия сакрального пространства пещеры этот район имел особую значимость, поскольку только здесь было уникальное сочетание таких символических для вертикальной космогонической модели деталей, как нависающий над огромной воронкой-провалом гребень потолка (здесь был изображен антропоморф под «лошадью») и наклонная, уходящая резко вниз стена, образующая с наклонным полом-плитой сужающуюся щель (на ней были нанесены знаки).

Для нас очень важно, что самый сложный трапециевидный знак обнаружен и на восточном панно верхнего этажа (рис. 6, I). Этот символ опять расположен под рисунком животного, в данном случае носорога. При этом надо отметить, что контурное изображение носорога внутри сходным образом расчерчено линиями, что еще больше подчеркивает их предполагаемую связь (рис. 4). Не исключено, что носорог сделан поверх другого знака, но это все равно было совершено сознательно, поскольку места на этой стене было еще предостаточно. (Кроме того, подобная деталь присутствует на теле нижней лошади в зале Хаоса, только у нее имеется 2 полосы, сделанные черным пигментом*). С другой стороны, скученность изображений на правой стороне этого панно трудно объяснить только выбором более удобных участков для нанесения рисунков [Любин, 1991: 29]. Их расположение, очевидно, является

* См. подробнее об этом в статье В.Е.Щелинского в настоящем сборнике.

неслучайным и подчинено определенному замыслу, тем более что некоторые рисунки находятся на недостижимой высоте и были сделаны с использованием каких-то конструкций (лестниц, подмостков?) [Любин, 1991: 31]. Все животные изображены идущими справа налево, причем большая часть их *шествует вслед за лошадью*, изображенной в центре стены. Она имеет явно преувеличенные, по сравнению с другими животными, размеры (рис. 4). Обращает на себя внимание то, что из двух рисунков мамонта, изображенных слева от лошади, один повернут к ней и расположен ниже нее. Есть еще одна деталь, которая подчеркивает доминирующий характер образа лошади. Два самых крайних изображения (лошади и мамонта) были, очевидно, нарисованы одновременно и с учетом всей композиции (рис. 4). Иначе трудно объяснить, почему лошадь почти такого же размера, как и мамонт *под* ней, хотя они и

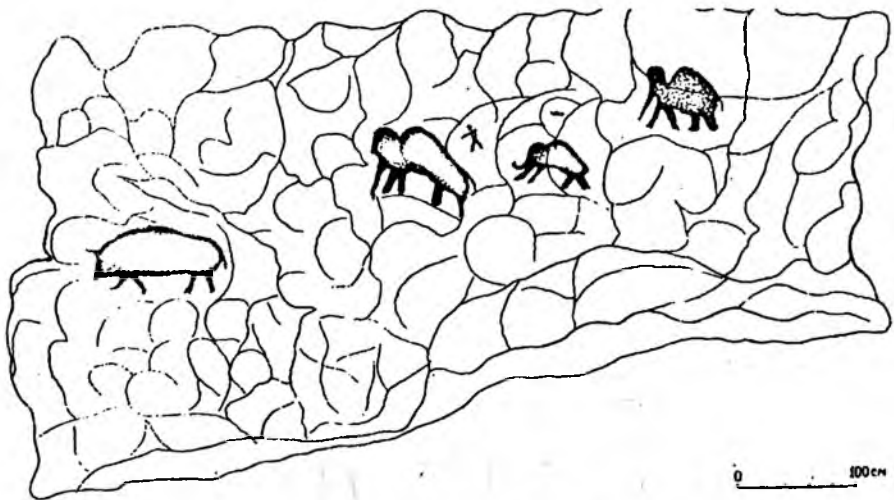

Р и с. 4. Пещера Шульган-Таш (Капова).
Изображения на восточной стене зала Рисунков [по Щелинскому, 1996]

меньше остальных изображений на этой стене. Рисунок мамонта немного ужат с боков так, чтобы он поместился именно в этом месте. Здесь опять мы сталкиваемся с вертикальной симметрией образов, что, очевидно, должно отражать их *иерархическую соподчиненность* символического характера. Важно отметить, что преобладание животных образов в этом зале, а также наличие отдельных групп и единичных изображений в различной манере исполнения, по мнению В.Е. Щелинского, свидетельствуют о том, что они также создавались разными людьми, но с учетом других изображений, т.е. образуют «композиционные единства» [Щелинский, 1996: 11]. На этом панно особенно ясно, что лошадь является *смысловым центром* всего композиционного единства древних изображений, который выделяется и в ряде декорированных пещер За-

падной Европы французскими исследователями Леруа-Гураном и Ляминг-Эмпирер [Laming-Emperaire, 1962; Leroi-Gouhan, 1964].

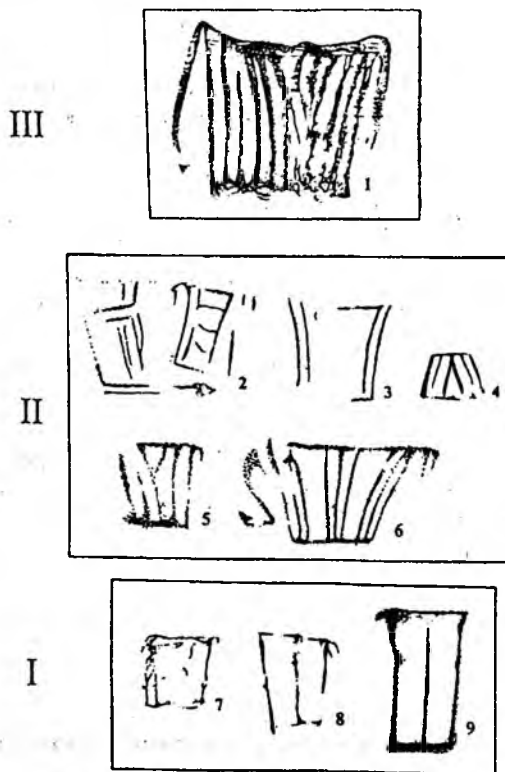
На западной стене изображения нанесены по диагонали (рис. 5). Все животные имеют четыре ноги и повернуты справа налево. В центре стены помещены контурные рисунки, сделанные красной охрой, большого и маленького мамонтов. Над большим мамонтом О.Н.Бадером было зафиксировано схематичное изображение антропоморфа плохой сохранности [Бадер, 1976]. У него туловище, ноги и руки нарисованы в линейной манере, а голова в виде круглого пятна (рис. 5). Он как бы нависает справа над крупом животного, его корпус наклонен параллельно линии спины мамонта, прямые ноги расставлены, левая рука короткая (согнута в локте?), а правая отведена перпендикулярно телу в сторону мамонта. Хотя это и крайне схематическое изображение, все же оно имеет прямую аналогию с антропоморфами в Игнatieвской пещере [Петрин, 1991, рис. 33, 43, 55]. Над малым мамонтом заметна короткая красная линия. Справа и чуть в стороне изображен мамонт в силуэтной манере. Это единственное в пещере животное, у которого равномерно закрашено тело. Слева от большого мамонта хорошо видна контурная фигура быка или бизона (рис. 5). Несомненно, два мамонта, антропоморф и знак образуют композиционное единство. Об этом свидетельствуют одинаковая манера изображения мамонтов, а также сам факт их размещения под антропоморфом и знаком. Наличие последнего, возможно, указывает на то, что действие антропоморфа направлено и на другого мамонта. Остальные животные, возможно, к этой сцене не имеют отношения.

Р и с. 5. Пещера Шульган-Таш (Капова).
Изображения на западной стене зала Рисунков [по Бадеру, 1976]

Таким образом, анализ изображения показывает двусоставную структуру древнего святилища, отражающую двухэтапный характер, очевидно, посвяти-

тельного обряда. Мы даже можем реконструировать отдельные мировоззренческие модели, отраженные в ряде композиций. Представление древних людей о мире соответствовало вертикальной модели космоса, причем оно было двоячным. Палеолитические охотники не только фиксировали понятия «верха» и «низа» с помощью животных символов, но и воспринимали взаимодействие с ними через призму этого понятия. Об этом красноречиво свидетельствуют сцены с антропоморфами в залах Хаоса и Рисунков. Пещерное святилище как по своей структуре, так и в деталях раскрывает это бинарное мировосприятие. Несомненно и то, что *лошадь* является наиболее значимым и сложным по семантике образом в контексте всего святилища: она доминирует во всех композициях, символизируя верхнюю половину этого двоячного миропредставления. Конь, очевидно, являлся *тотемным покровителем* и *хозяйном* мира людей и зверей. Образ верхнего небесного животного кояптицы – вспомним странное изображение морд двух лошадок в зале Хаоса, имеющих форму утиного клюва, – противостоит мамонту, носорогу, бизону, то есть крупным и опасным животным. Интересно, что именно эта группа также присутствует в самых отдаленных залах пещерных святилищ Запад-

Р и с. 6. Пещера Шульган-Таш (Капова). Трапециевидные изображения [по Бадеру, 1970]: I – символы в зале Знаков; II – символы в зале Хаоса; III – символ в зале Рисунков

ной Европы [Широков, 1995: 50; Филиппов, 1997: 88]. Не исключено, что в пещере Шульган-Таш только мамонт как живая гора олицетворял собой хтонический мир. В Игнatieвской пещере мы сталкиваемся с другой оппозицией – лошадь и змея [Петрин, 1992: рис. 38], что косвенно подтверждает нашу догадку о хтонической природе образа мамонта. Тогда сцена с человеком и двумя мамонтами на западном панно в зале Рисунков верхнего этажа, возможно, отражает мифологический сюжет борьбы-преследования культурным (?) героем хтонических существ (рис. 5).

Подводя итоги, следует сказать, что большая часть знаков пещеры Шульган-Таш, скорее всего, является *личными символами*, в которых содержалась информация о социальном статусе участника ритуалов. Это хорошо видно по тому, как по мере повышения священного статуса той или иной зоны первобытного святилища, происходит усложнение этих символов*. Преобладание абстрактных геометрических знаков в ближней зоне около «жилой» площадки с кострищами со всей очевидностью характеризует ее как «обжитую» и вспомогательную. Дальняя зона демонстрирует совсем иную сторону жизни. Здесь основной темой выступает мир животных, Природа. Несомненно, эти различия отражают переориентацию интереса у древних посетителей пещеры: «домашняя» психология уступила место мироощущению охотника-воина**.

Игнatieвская пещера

Подобные многозначные образы – совсем не редкость в пещерах Западной Европы [Bahn, Vertut, 1988: 117]. Абстрактные и довольно сложные по идейному содержанию изображения и даже композиции есть и в соседней Игнatieвской пещере, расположенной в Саткинском районе Челябинской области. Чего стоит, например, Красное панно в Дальнем зале, состоящее из огромного загадочного зверя, сочетающего в себе черты самца быка или носорога, а также женщины, из промежности которой тянется цепочка пятен по направлению к такой же, начинающейся от зверя (рис. 7). Продуцирующий мифологический контекст отношения женщины к животному подчеркивается и количеством пятен между ее ног (29), которое равно лунному месяцу и продолжительности женских регул [Петрин, 1992: 56; Широков, 1995: 61-62; Фролов, 1974: 120, 131]. По мнению В. Н. Широкова, эта сцена может выражать тотемический миф или миф о рождении мира. Во всяком случае, эта грандиозная композиция, многоплановая по своему идейному содержанию, не случайно изображена красной охрой

* О том, что микро топография пещеры была связана с микрокосмом «священного» пространства может свидетельствовать треугольный знак, символизировавший материнское лоно, который был нарисован вблизи очага палеолитической стоянки в зале Знаков [Щелинский, 1996]. Эта ситуация отлично иллюстрирует известное положение о связи женского образа с домом и шире – с социумом [Фролов, 1974: 22-25; Столяр, 1985].

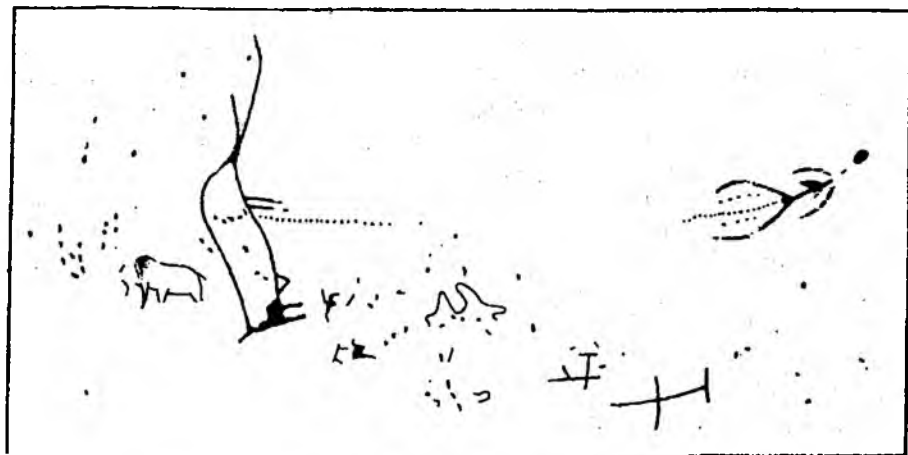
** В мировосприятии первобытного человека мир делился на две сферы: внутренняя – это обжитое, упорядоченное пространство поселения, а также его окрестностей, и внешняя – охотничье пространство с элементами хаоса и непредсказуемости [Кабо, 1988].

на *потолке* самого дальнего зала, выход из которого, по мнению В. Т. Петрина, символически представляет собой вульву [Петрин, 1992: 155]*. Фигура женщины являлась, возможно, символом прародительницы и/или матери-земли. Не исключено, что этот образ имеет отношение к мифосимволическому восприятию древними людьми самой Игнatieвской пещеры и пещер вообще (каплющая вода – подземная влага, истекающая из тела матери-земли) как *лона* матери-земли [Леруа-Гуран, 1971: 89; Сагалаев, 1991: 59–61; Котов, 1997: 41–42]**. Образ животного-самца в этой композиции, соответственно, символизирует отца-небо. Вблизи него, очевидно, уже в ходе каких-то обрядов были нанесены более мелкие изображения других животных и пятна охры. Такие же пятна есть и вблизи женского изображения, но рядом с ней нарисованы два тамгообразных знака. Со всей очевидностью можно констатировать, что данная сцена имеет космогоническую символику: бык был связан с животными, а женщина – с миром людей. Мифологический образ небесного быка, покровителя животных, поразительно точно соответствует образу космического быка – лося в тунгусо-маньчжурской мифологии [Новиков, 1991: 102; Новиков, 1991а: 600]. Мифологические образы отца-неба и матери-земли присутствуют в древнетюркской мифологии, в Азии, в Америке и в пранидоевропейской мифологии [Напольских, 1989: 38].

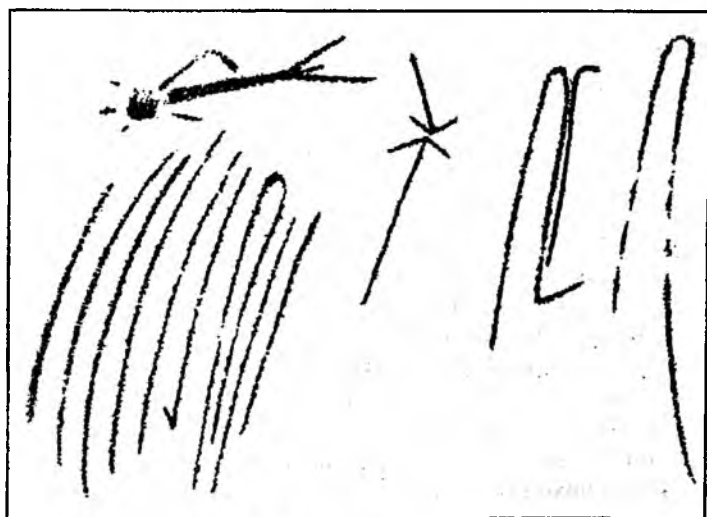
Другая композиция (гр. 37), сделанная черной краской также на потолке этого же зала, но на его периферии, отражает, скорее всего, небесную сцену (рис. 8). Об этом говорит схематичное изображение антропоморфа, у которого от головы отходят три луча. Эта мужская фигура нарисована горизонтально, распростертой над символическими знаками, которые, судя по изображению двух столкнувшихся стрел, раскрывают какое-то действие, связанное с антропоморфом. Его «лучезарность» говорит о том, что здесь мы имеем дело с изображением мифического существа, олицетворяющего собой или какое-то небесное светило (солнце или месяц), или же небо в целом. Тогда косые линии под ним символизируют дождь, а две столкнувшиеся стрелы и зигзагообразные линии – гром и молнию. Нетрудно заметить, что в данном случае перечислены все основные атрибуты небесного божества, которого обычно и совмещали с образом Солнца [Голап, 1994: 221–239]. Возможно, здесь был изображен сын отца-неба, культурный герой и бог-громовержец, хорошо известный по индоиранской мифологии. Таким образом, наше предположение о том, что бык – это отец-небо, а образ женщины является символом матери-земли, находит еще одно косвенное подтверждение.

* Основная часть скопления рисунков в Большом зале приурочена к небольшим углублениям или вертикальным трещинам. Этот стереотип в размещении изображений, очевидно, отражает общую идею, положенную в основу восприятия пещеры как лона матери-земли, известную по наиболее архаичным мифологическим представлениям.

** Мифологическая ассоциация «женщина, пещера и животные» в наиболее наглядной форме видна по изображениям в гроте Англи-сюр-Англис и пещере Ля Магдален во Франции [Филиппов, 1997: 75–78]. К этому же кругу ассоциаций относится легенда, записанная в Челябинской области, о женской каменной фигуре на берегу озера Калды, из груди которой постоянно просачивается молоко [БНТ. Т.2: 484].

Р и с. 7. Пещера Игнатиевская.
Красное панно на потолке Дальнего зала [по Петрину, 1992]

Р и с. 8. Пещера Игнатиевская.
Группа рисунков № 37 на потолке уступа в Дальнем зале [по Петрину, 1992]

Кроме того, в этом же зале есть черное панно, на котором изображены два фантастических существа, знаки и загадочная личина [Петрин, 1992: 58–66]. Дальний зал насыщен символическими композициями и относительно труднодоступен. Это позволило В.Т. Петрину говорить о нем как о сакральном «эпицентре» всего палеолитического святилища, в котором раскрывалась для посвящаемых «великая идея» взаимосвязи рождения, размножения и смерти

[Петрин, 1992: 149,155].

Особенности изображений в Большом зале, по В.Т.Петрину, свидетельствуют о том, что он являлся вспомогательной зоной для совершения обрядов [Петрин, 1992: 155]. Большинство изображений здесь представляют собой знаки или сложные композиции, сочетающие рисунки животных (мамонты, лошадь, медведь(?), змеи) и абстрактные символы, что свидетельствует о «знаковости» изображений Большого зала в целом [Петрин, 1992: 68]. Обращает на себя внимание и то, что в этом зале, как и в зале Хаоса пещеры Шульган-Таш, одно из центральных мест в ансамбле изображений занимает небольшая зооантропоморфная (птицобразная) фигурка [Широков, 1995: 62]. В Игнатиевской пещере, как и в пещере Шульган-Таш, разделение палеолитического святилища на две зоны бросается в глаза. Но оно более очевидно по топографии красочных фризов, чем по характеру изображений («знаковая» зона – Большой зал и сакральный «эпицентр» в Дальнем зале) [Абрамова, 1995: 218].

Структурное сходство палеолитических святилищ дополняется аналогией в изображении мамонтов и некоторых символов [Петрин, 1992]. Кроме того, здесь обнаружены многочисленные следы скалывания со стен, как и в пещере Шульган-Таш [Петрин, 1992: 171; Щелинский, 1996: 14]. По мнению В.Т. Петрина и В.Н. Широкова, характер изображений, в совокупности со структурой пространства пещеры, свидетельствует о том, что в ней совершались продуцирующие обряды и главным среди них был ритуал посвящения [Петрин, 1992: 154; Широков, 1995: 58–59].

Некоторые выводы

Древнее святилище в пещере Шульган-Таш эпохи древнекаменного века имеет сложную, но достаточно ясную структуру, отражающую развитый этап мифологических представлений. Общее сходство со структурой святилища и отдельными рисунками в Игнатиевской пещере свидетельствует о существовании в это время единой изобразительной и духовной традиции у населения Южного Урала*. Одновременно возникает вопрос о том, как эти святилища были связаны с местным населением того времени и последующих эпох [Петрин, 1992: 158; Щелинский, 1996: 15–16]. Все исследователи считают, что археологический материал из декорированных пещер относится к одной культурной традиции и находит аналогии на палеолитических памятниках уральского региона и, прежде всего, на стоянке имени М.В.Талицкого [Петрин, 1992: 137–138; Щелинский, 1996: 16]. По мнению В.Т.Петрина, учитывая относительную одновременность пещерных памятников, можно говорить об их близости [Петрин, 1992: 70].

Пока остается открытым вопрос об этнической принадлежности этих свя-

* Южноуральские декорированные пещеры, обладая разнообразными сценами и символами при выраженном композиционном единстве святилищ в целом явно выделяются на фоне западноевропейских пещер, в которых символические сцены достаточно редки (Bahn, Vertut, 1988: 120).

тилищ. Известно, что угорские этносы являются автохтонами Урала, по крайней мере ретроспективно их присутствие по данным археологии доводится до эпохи неолита (?) [Бобров, 1995: 26]. О многом говорит преемственность и статичность археологических культур на Южном Урале в мезолите и неолите [Матюшин, 1976]. Еще более ярким примером непрерывной преемственности в духовной культуре уральского населения является пещерное святилище Дыроватый Камень, в котором сохранились следы одних и тех же обрядов: начиная с эпохи мезолита вплоть до 14 в. н. э. В эту пещеру, находящуюся в отвесной скале на высоте 20 м, стреляли из лука, причем к стрелам подвешивали какое-либо приношение, очевидно, духу-хозяину пещеры [Сери́ков, 1996]. Судя по материалу, из которого были сделаны каменные изделия, это святилище посещалось населением Среднего, Зауралья, Среднего Приуралья и Южного Урала [Скаун, 1996: 21-22], т.е. являлось региональным [Косинцев, Чапркин, 1996: 48]. Соответственно не изменилось и внутреннее содержание ритуалов – мифологическое мировоззрение населения Среднего и Южного Урала. Наряду с этим святилищем в Уральском регионе известно еще 15 культовых пещерных памятников различных эпох угорского и протоугорского населения [Косинцев, Чапркин, 1996: 46–48].

К этому кругу представлений, связанных с особым почитанием пещер уральским населением, со всей очевидностью следует относить и многочисленные погребения в пещерах начиная с неолита и вплоть до эпохи средневековья [Котов, 1995]. О том, что эти памятники принадлежат к одной культурной традиции, свидетельствует присутствие подвесок и ожерелий из мягкого камня в палеолитических отложениях пещер Смеловская II [Сальников, 1962:33] и Шульган-Таш (Капова) [Щелинский 1996: 15], в неолит-энеолитических погребениях Среднего (Камень Дождевой) [Сери́ков, 1993] и Южного Урала (Усть-Катавская II, Бурановская, Старичный гребень) [Биби́ков, 1950]. Керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией, обнаруженная в погребениях, указывает на принадлежность их к финно-угорскому миру. Все это говорит о существовании со времени палеолита среди уральских народов культа гор и пещер. Возможно, что в почитании пещер этот древнейший культ проявляется наиболее осязаемо в связи с «чуждостью» для человека пещеры как мира тьмы и поэтому обладающей концентрированной сакральной «запредельностью». Изменение этого инфернального пространства в контексте ритуала символизировало его преодоление или «очеловечивание». Понятно, что внутренним содержанием ритуалов внутри пещеры (и в том числе нанесения рисунков и обкалывания стен) являлись идеи *преобразования* и *рождения*. В мифопоэтическом сознании они являются основным стержнем отношения к пещерам населения Урало-алтайского региона. Вплоть до недавнего времени пещеры воспринимались или как лоно матери-земли [Са-

* Эта идея наиболее ясно выражена в башкирской сказке «Алп-батыр», в которой рассказывается о чудесном появлении батыра из расщелины скалы согласно повелению хозяина горы в обмен на душу отца [БНТ. Т.3: 43-45].

галаев, 1991], или как места обитания потусторонних сил, которых необходимо юному герою победить ради повышения своего социального статуса в контексте посвячительной обрядности [Котов, 1997].

Пещера Шульган-Таш и мифология народов Южного Урала

Зоной концентрации древних преданий и легенд, связанных с представлениями о пещерах, является и территория Южного Урала. В башкирском фольклоре существует много преданий и эпических произведений, связанных с озером или пещерой Шульган. Общим для них является мотив выхода коней или скота из озера. Он присутствует там, где необходимо обосновать чудесное происхождение этих животных (эпосы «Кара Юрга», «Акхак-Кола», «Конгур Буга»). Все они восходят к своему древнему прототипу – эпосу «Акбузат», где мотив выхода животных из озера Шульган является лишь элементом разветвленного сюжета. В этом эпосе озеро выступает как потусторонний мир, и поэтому выход из него должен восприниматься как метафора *рождения* [Котов, 1997: 41].

Таким образом, озеро Шульган являлось для предков современных башкир не только местом обитания почитаемых животных, но и местом их рождения. Не случайно даже само описание выхода животных перекликается с мотивом рождения, совершаемого под покровом таинственности и требующего соблюдения обета: запрет оглядываться и приближаться (эпосы «Кара-Юрга» и «Акхак-кола») [Котов, 1997: 38–41].

Особо надо отметить присутствие образа коня во многих фольклорных произведениях, связанных с почитанием пещеры Шульган-Таш и озера Шульган. В двух древнейших башкирских эпосах («Урал-батыр», «Акбузат») крылатый конь Акбузат занимает одно из центральных мест, является самостоятельным персонажем, другом и советчиком главного героя. В эпосе «Урал-батыр» он привел других животных на созданную Уралом сушу, то есть выступает и как «хозяин» животных. С этим же связаны сохранившиеся только у башкир представления о необыкновенной продуцирующей природе копей, появившихся из озера Шульган (или из других озер) [Киреев, 1969:11; Бараг, Сулейманов, 1992: 425]. По башкирским сказкам известны и вещи способности коня-помощника-покровителя, а также его умение *перерождать юношу в егета*. Очень важным моментом является и представление о нем как о тотемном родоначальнике, как это видно по содержанию сказок «Акьял-батыр» и «Бузансы-батыр» [Сагитов, 1984: 74–75]. К этому же архаическому кругу представлений относится образ коня как божества, который повелевает стихийными силами природы в эпосах «Урал-батыр» и «Акбузат»^{*}.

^{*} В Белорецком районе Башкортостана находится камень, называемый *Таш калон* (Каменный жеребенек). Окрестные племена почитали его как священный камень, с помощью которого можно было вызвать или останавливать дождь.

Ко всему этому следует добавить, что в мифологии Южного Урала конь ассоциировался с образом солнца. Это видно как по годовой ритмике – ежегодно весной кобыла скрывалась в озере Шульган, чтобы там ожеребиться (эпос «Акхак-Кола»), так и в мотиве освобождения конем Акбузатом солнечной девы Хумай, заглоченной в эпосе «Урал-батыр» змеем Заркумом [БНТ. Т.1: № 1]. Последний находит аналогии в этногенетическом предании гайнинцев – северных башкир об освобождении *белым* оленем девы-солнца, по одной версии спрятанной в пещере, а по другой – герои освобождают солнце из пасти змея-аждаха. Олень, повесив солнце на рога, переправляет героев из потустороннего мира и возвращает солнце на свое место [БНТ. Т.2: 116–117].

Все это свидетельствует о том, что конь в представлении предков башкир относился к верхнему, светлому пантеону божеств и был противником хтонического мира. В эпосе «Урал-батыр» это противостояние выражено наиболее сильно в постоянной вражде-преследовании небесного коня Акбузата. В эпосе «Акбузат» батыр заставил побежденного повелителя подводного мира Шульгана рядом с озером вырубить в горе гигантскую пещеру – стойло для коня Акбузата [БНТ. Т. 1: № 2]. Это позволяет сюжетно совместить озеро Шульган и одноименную пещеру как место пребывания чудесного коня.

Предпринятый автором анализ башкирского фольклора показал значительность мифологического сюжета эпоса «Урал-батыр» по отношению к другим фольклорным и, прежде всего, эпическим произведениям*. Причем это единство проявляется не только в сходстве сюжета и характеристик главных героев, но и объединено общим местом действия – *озером Шульган*. Из этого мы можем сделать вывод, что пещера Шульган-Таш и озеро Шульган являлись с глубокой древности *центром* мифологической картины мира и объектом особого почитания со стороны населения всего Южного Урала. Особо следует отметить то, что ни с одной пещерой Евразии не связывается так много древних фольклорных произведений и ни одну нельзя назвать центром мифологической картины народов целого региона. Концентрация мифологических эпосов, сюжеты которых связаны с пещерой Шульган-Таш, заставляет задуматься о том, насколько глубоко в древность уходит почитание этой пещеры и нельзя ли говорить о едином источнике возникновения рисунков в пещере и древнейшего мифологического пласта, связанного с пей. Для ответа на этот вопрос мы обратимся к эпосу «Урал-батыр».

Мифологический эпос «Урал-батыр»

Мифологической основой эпоса «Урал-батыр» является миф инициации (посвящения) культурного героя – батыра Урала и его брата и противника

* Изначальность мифологического эпоса «Урал-батыр» означает, что он является *священным текстом*, с которым соизмерялась жизнь культурных героев и каждого человека. Этим можно объяснить его поразительную сохранность, принимая во внимание существовавшую в среде тюрко-монгольских народов традицию ритуализированного отношения к исполнению эпических преданий как развертыванию мифологической реальности [Элиаде, 1996: 20; Бутанаев, 1997: 148].

Шульгана. Сюжет делится на две части: детство и отрочество в родительском доме, с одной стороны, и мироустроительные подвиги героя в ходе путешествия за живой водой – с другой. Начавшийся еще в родительском доме разлад между братьями в ходе путешествия получил законченную форму: Урал стал защитником и повелителем мира Света и Добра, а коварный Шульган выступил на стороне Зла и Тьмы в лице змей-драконов. В неравной схватке Урал-батыр с помощью крылатого коня Акбузата и своих сыновей побеждает чудовищ, складывает из них горы – сушу и осушает воды всемирного потопа. Добравшись до родника с живой водой, от старика-предка узнает сокровенную мудрость – закон вечного круговращения Жизни и Смерти, что изменяет его прежние планы. Он орошает (освящает) созданную им землю для того, чтобы она жила вечно: Последним подвигом Урала стала его попытка окончательно победить силы Зла. Пытаясь выпить воды бездонного озера, где укрылись дивы и змеи во главе с Шульганом, он погибает – чудовища поразили его изнутри. Перед смертью оставляет ряд наказов, призванных установить порядок и мир среди людей, и в числе главного – необходимость юношам проходить обряд испытания [Котов, 1997].

Содержание этого мифа относится к наиболее архаическим пластам мифологии – к так называемым «близнечным» мифам. Ученые считают, что они служили на самых ранних этапах истории человека разумного основой его мировосприятия [Золотарев, 1964: 296; Кабо, 1987: 148]. Кроме того, этот миф, рассказывая о путешествии культурного героя за знанием Жизни и Смерти и за напитком бессмертия, характеризуется как типичный посвятельный. Уралу приходится сражаться с хтоническими персонажами – обитателями подземного мира, спрятавшими от людей родник с живой водой. Главное испытание героя на звание батыра происходило в подземном мире. Сопоставление различных вариантов эпоса показывает, что было два сражения и, соответственно, два испытания в потустороннем мире. Первым стало сражение со змеями-драконами в подземном мире за обладание чудодейственным оружием-посохом и конем, а вторым – борьба с дивами в верхнем мире – стране птиц. В центре внимания основных персонажей находится чудесный родник, который является как бы смысловым центром этого древнего мифа. Одновременно в центр мифологической «картины» двух древнейших эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» помещено озеро (пещера) Шульган. По ряду признаков мы можем говорить об их тождестве*. В связи с этим возникает любопытная аналогия между исполином Уралом (после смерти он превращается в гору Урал-тау), заглатывающим и выплевывающим воды озера-родника с живой водой или воды озера Шульган, а также

* «Место, где проводятся обряды – по мнению М.Эллиаде – является осью мира; достигнуть центра, преодолевая препятствия – вот главная задача обряда посвящения». Путь к священному центру «кусеян опасностями, потому что в действительности это ритуал перехода от мирского к священному, ...от смерти к жизни, от человека к божеству. Достижение «центра» равносильно посвящению, инициации...» [Эллиаде, 1996: 17-30, 47].

дивами-драконами из сказочного варианта «Урал-батыра», которые выпили родник с чудесной водой, чтобы он не достался людям. Если этот мотив заглатывания озера-родника дублируется основными персонажами древнего мифа, значит, он был центральным моментом мифологического образа-действия. Вообще фигура «глотателя» есть известнейший мотив, свойственный архаическим мифологиям, который отражает содержание посвятельной обрядности [Абрамян, 1994: 27; Мелетинский, 1977: 208]. В эпосе «Урал-батыр» пожирателями людей являются многоголовые драконы (а в эпосе «Акбузат» чудовище-див Какхаха заглатывает людей, чтобы перенести их в потусторонний мир на дно озера Шульган)*. И для Урала первая победа над этими чудовищами заключалась в том, что он срубил у них лишние головы, в которых, как в подземелье, были спрятаны батыры. Интересно, что, выйдя на свет, «они будто заново родились». Данный сюжет является ярким примером инициационной символики змееборческого мифа [Абрамян, 1994: 27].

Кроме того, дивы-драконы сравниваются с горами и из их тел складываются горы. Таким образом, в мифологическом миропредставлении предков башкир титанические образы героев и их противников – змееобразных дивов, отождествлялись с образом горы. Все вышесказанное наводит нас на мысль, что озеро-родник, заглоченное исполином или чудовищем – это метафора горы Шульган-Таш, огромный вход пещеры – открытая его пасть, из которой мощной струей бьет из озера-родника река Шульган [Котов, 1997: 178].

Святилище Шульган-Таш: обряд и миф

Следы глубокой архаики в космогонии и миропредставлении (бинарная символика и линейная структура пространства), реконструируемые по мифологической основе эпоса «Урал-батыр», указывают на палеолитический возраст инициационного мифа, положенного в основу этого эпического произведения [Топоров, 1972; Котов, 1997]. Не случайно пещера носит имя хозяина подземного/подводного мира Шульгана – одного из главных персонажей двух древнейших эпосов Южного Урала. О глубокой древности говорит сходство уральской и алтайской мифологии, в частности божеств Шульгана и Ульгения. Последний является одним из главных персонажей в алтайском пантеоне и в ряде близнечных мифов [Сагалаев, 1991: 68–69; Котов, 1997]. По нашему мнению, существует сходство основных положений мифологического эпоса «Урал-батыр» со структурой подземного святилища эпохи палеолита в пещере Шульган-Таш: двойность структуры (дом и потусторонний, подземный мир), тотемный образ коня – помощника и покровителя, посвяти-

* В свете указанного единства пещер Шульган-Таш и Игнатиевской, интересно присутствие в Большом зале последней трех изображений змей, в том числе в композиционной связи с изображением коня [Петрин, 1992: 52-55].

тельное содержание мифа о культурном герое-первопредке Урале и его антиподе Шульгане. Складывается впечатление, что содержание мифа о культурном герое в общих чертах повторяет топографию пещеры Шульган-Таш. Например, проникновение в потусторонний, подземный мир змей в эпосе не ознаменовано преодолением каких-либо препятствий и осуществляется в ходе линейного движения (Урал, правда, на границе с потусторонним миром оставляет своего льва). В то же время, чтобы попасть в мир птиц, герою необходимо добыть волшебный посох-жезл, с помощью которого он совершает полет в верхний мир*. Очевидно, вертикальная структура святилища в пещере Шульган-Таш оказала влияние на характер построения мифологических символов, начиная с отдельных изображений и композиций и заканчивая образом пути культурного героя-первопредка в древнем инициационном мифе, сохраненном в эпосе «Урал-батыр» [Котов, 1997в]. Все это указывает на то, что черты посвятельной обрядности, реконструируемой на основе мифов в эпосе «Урал-батыр», мы можем сопоставить со структурой и характером пещерного палеолитического святилища Шульган-Таш, основываясь на известной идее тождества композиции мифа и последовательности событий в обряде посвящения [Пропп, 1986: 354–355].

Заключение

В заключении необходимо сказать, что пещера и озеро Шульган для народов Южного Урала начиная с каменного века являлись культовым центром, где совершались обряды посвящения и возрождения Природы. Именно для этого времени, как об этом писал В.Я. Пропп, характерны обряды инициации как одна из сторон духовной культуры охотников [Пропп, 1986: 352–353]. В последующие эпохи, как это видно по содержанию эпосов и преданий, пещера Шульган-Таш оставалась в центре мифологической картины предков башкирского народа: древних скотоводов и охотников бронзового и раннего железного веков, которые донесли в эпосах воспоминания об этих обрядах [Котов, 1997: 50–52]. Отголоски подобных представлений сохранились до настоящего времени: местное население свято верит в целебность воды в пещере, особенно Верхнего озера, воздуха, глины и кальцитовых патеков [Вахрушев, 1960]. После открытия уникальных рисунков к этому почитанию добавилась и законная гордость. Пещера Шульган-Таш стала символом древней культуры башкирского народа. И в данной работе была сопоставлена семантика палеолитического святилища пещеры с семантикой мифологических текстов на основе единства *места*, *действия* и *времени*. Дальнейшие исследования смогут дать ответ на поставленные вопросы и подтвердить или опровергнуть высказанные здесь положения, в частности предположение о характере совершавшихся в пещере и вблизи нее обрядов от палеолита до

* Смотрите семантику жезла-посоха как символа мирового древа в работе В.Н. Топорова [Топоров, 1972: 91-92].

этнографической современности. С этой целью на базе ИИЯЛ УНЦ РАН и при участии ИИМК РАН и других научных организаций планируется возобновление комплексной научной экспедиции в пещеру Шульган-Таш.

Литература

- Абрамова, 1995:* Абрамова З.А. Рец.: В.Т.Петрин. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992 // СА. № 1.
- Абрамян, 1994:* Абрамян Л.И. Змей у источника (к символике универсального ритуально-мифологического образа) // Историко-этнографические исследования по фольклору. М.
- Бадер, 1965:* Бадер О.Н. Каповая пещера. М.
- Бадер, 1970:* Бадер О.Н. Отчет 1970 года / Архив ИА РАН.
- Бадер, 1976:* Соколов А. Вышедшие из тьмы. Комментарий О.Н.Бадера // Вокруг света. № 12.
- Бараг, Сулейманов, 1992:* Бараг Л.Г., Сулейманов А.М. Комментарий к сказке «Абзалил» // БНТ. Т.6. Шуточные сказки и кулемясы. Уфа.
- БНТ. Т. 1:* Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987.
- БНТ. Т. 2:* Башкирское народное творчество. Т.2. Предания и легенды. Уфа, 1987.
- БНТ. Т. 3:* Башкирское народное творчество. Т.3. Богатырские сказки. Уфа, 1988.
- Бибииков, 1950:* Бибииков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала // СА. Т. XIII.
- Бобров, 1995:* Бобров В.В. Проблема самодийского этногенеза в аспекте современной археологии эпохи бронзы Южной Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X ЗАЭС. Томск.
- Бутанаев, 1997:* Бутанаев В.Я. Пантеон божеств в хакасском шаманизме // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М.
- Вахрушев, 1960:* Вахрушев Г.В. Загадки Каповой пещеры. Уфа.
- Голан, 1994:* Голан А. Миф и символ. Иерусалим.
- Даль, 1989:* Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа.
- Золотарев, 1964:* Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.
- Иванов, 1973:* Иванов В.В. Типологическое и генетическое истолкование сходств между кетским и американскими индейскими мифами о разорителе орлиных гнезд // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы всес. конф. Томск.
- Кабо, 1975:* Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.
- Кабо, 1987:* Кабо В.Р. Первоначальные формы религии // Религии мира. М.
- Кабо, 1988:* Кабо В.Р. Модель мира у охотников и собирателей // Природа. № 3.

Киреев, 1969: Киреев А.Н. Отражение мифологических воззрений в эпическом творчестве башкирского народа // Эпические жанры устного народного творчества. Уфа.

Косинцев, Чаиркин, 1996: Косинцев П.А., Чаиркин С.Е. Археологические и археозоологические комплексы культовых пещер Урала // Полевой симпозиум «Святынища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь.

Котов, 1995: Котов В.Г. Культ пещер на Урале // Научное наследие башкирских ученых-эмигрантов и вопросы современности (Вторые валидовские чтения): Тез. докл. Ч. II. Уфа.

Котов, 1997: Котов В.Г. Мифология Южного Урала. К вопросу о реконструкции хтонических культов. Уфа.

Котов, 1997а: Котов В.Г. Следы культа пещерного медведя по данным пещеры Заповедная // Пещерный палеолит Урала. ММК. Уфа.

Котов, 1997б: Котов В.Г. Древность эпоса «Урал-батыр» // Ватандаш. № 8.

Котов, 1997в: Котов В.Г. Пещера Шульган-Таш и мифология Южного Урала. Уфа.

Леруа-Гуран, 1971: Леруа-Гуран А. Религии доистории // Первобытное искусство. Новосибирск.

Любин, 1991: Любин В.П. Изображение мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. № 1.

Матюшин, 1976: Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М.

Мелетинский, 1979: Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. М.

Напольских, 1989: Напольских В.В. Древнейшие взаимоотношения языковых семей Северной Азии и Северной Америки: данные мифологической реконструкции // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы к дискуссии на МК. Ч.2. М.

Новиков, 1991: Новиков Е.С. Буга // Мифологический словарь. М.

Новиков, 1991а: Новиков Е.С. Хэглэн // Мифологический словарь. М.

Окладников, 1971: Окладников А.П. О палеолитической традиции в искусстве неолитических племен Сибири // У истоков творчества. Новосибирск.

Петрин, 1992: Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Пропп, 1986: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.

Рюмин, 1960: Рюмин А.В. Пещерная живопись на Южном Урале // Матер. комиссии по научной геологии и географии карста: Информ. сб. 1. М.

Рычков, 1999: Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа.

Сагалаев, 1991: Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск.

Сагитов, 1984: Сагитов М.М. Культ животных в башкирском фольклоре // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа.

Сальников, 1962: Сальников К. В. Южный Урал в эпоху неолита и бронзы // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа.

Сериков, 1996: Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой (первые результаты исследований) // РА. № 4.

Скакун, 1996: Скакун Е.А. Минеральное сырье как исторический источник // Ур.- Пов. арх. студ. конф.: Тез. докл. Уфа.

Столяр, 1985: Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. М.

Тендрякова, 1992: Тендрякова М.В. Мужские и женские возрастные инициации: вариант постановки проблемы // ЭО. № 4.

Топоров, 1972: Топоров В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) // Ранние формы искусства. М.

Филиппов, 1997: Филиппов А.К. Происхождение изобразительного искусства. СПб.

Филиппов, 1997а: Филиппов А.К. Мифологические фрагменты искусства палеолита // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа.

Фролов, 1974: Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск.

Фролов, 1978: Фролов Б.А. Палеолитическое искусство и мифология // Истоки творчества. Новосибирск.

Широков, 1995: Широков В.Н. Древнейшее искусство уральских пещер: Пособие для учителя и учащихся. Екатеринбург.

Щеллинский, 1996: Щеллинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа.

Щеллинский, 1997: Щеллинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Материалы междунар. конф. Уфа.

Элиаде, 1987: Элиаде М. Космос и история. М.

Элиаде, 1996: Элиаде М. Аспекты мифа. М.

Bahn, Vertut, 1988: Bahn P.G., Vertut J. Images of the Ice age. Winward.

Laming-Emperair, 1962: Laming-Emperair A. La signification de l'art rupestre palcolithique. Paris.

Leroi-Gourhan, 1964: Leroi-Gourhan A. Les Religions de la Préhistorique. Paris.

*Ээро Аутио**

ЧИСЛО «СЕМЬ» В ФИНСКИХ, КАРЕЛЬСКИХ И УРАЛЬСКИХ ПЕТРОГЛИФАХ**

Как вы знаете, число «семь» занимает особенное место среди других чисел со времен шумерской культуры. Оно рассматривалось как священное и магическое число и используется даже в счете дней недели. По этим причинам оно заслуживает быть отмеченным также при изучении древних петроглифов.

Когда мы, мой эстонский друг Вяйло Пойколайнен и я, более 10 лет назад смотрели на петроглифы местечка Астувансалми в Финляндии, я обратил внимание на число нарисованных линий, которые находятся на западной стороне всей группы рисунков. В копии, сделанной археологом Пекка Барвасом [1973] число линий шесть, хотя их семь, и это можно видеть на прорисовке (копии), сделанной Пекка Кивикасом (рис. 1). Судя по линии древнего стояния воды в озере Саймаа и по археологическим находкам, возникло предположение, что древнейшие изображения были сделаны в конце каменного века, а самые поздние – в бронзовом веке.

Мы можем встретить сходные группы нарисованных линий на петроглифах Среднего Урала. Археолог В.Н.Чернецов [1971] обратил на них внимание и, используя угорскую фольклорную традицию, предположил, что древние ритуалы в означенных местах длились семь дней либо они периодически организовывались по происшествии 7 лет.

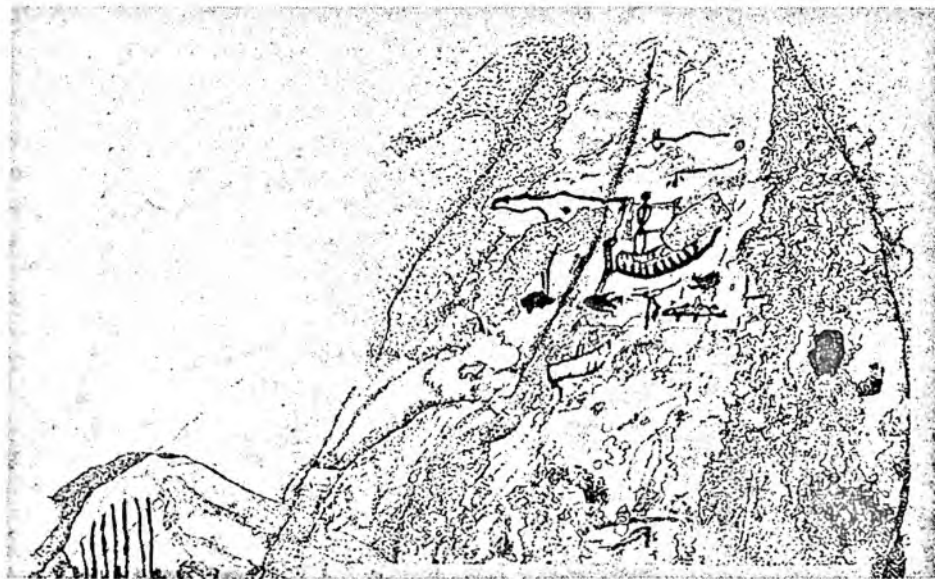
В финской фольклорной традиции мы не имеем сведений подобного периодического или последовательного использования какого-либо места или проведения празднеств. Одно из предположений, которое можно высказать относительно времени, – это проведение поминок на седьмой день после смерти родственника, ибо данная традиция широко распространена в финно-угорс-

* Аутио Ээро – профессор, Общество доисторического искусства. Финляндия.

** Научный перевод к.филол.н. Ш.В. Нафикова.

© Ээро Аутио, 2001.

ком мире. Русские справляют поминки на 9-й день. Поскольку расположение линий на стороне захода солнца в Астувансалми можно связать с изменением времени, может статься, что древние ритуалы на петроглифах продолжались семь дней. Древние связи между уральским миром и Финляндией, а также сочетание изображений человека, лодки и лося, которые можно видеть в Астувансалми и в Западной Сибири, поддерживают это предположение.

Р и с. 1. Наскальные рисунки в Астувансалми [по Kivikäs, 1995: 54]

На карельских петроглифах число семь можно наблюдать в группе изображений в Старой Залавруге на р. Выг (рис. 2). Там в главной группе расположены шесть лодок, обращенные носом на юг, а седьмая – поперек других. Еще одно число семь встречается в череде северных оленей на западной стороне основной группы: имеется пять оленей, шестой из них – самый рослый, а у седьмого нет ног. Позади шестого оленя – фигура человека на лыжах, а свой лук он направил на круп шестого оленя. Датировка петроглифов на реке Выг неоднозначна и вследствие этого археолог Ю.А.Савватеев осторожно предполагает, что они были сделаны в период 3 тысячелетие – начало 2 тысячелетия до н.э. [Савватеев, 1984: 155].

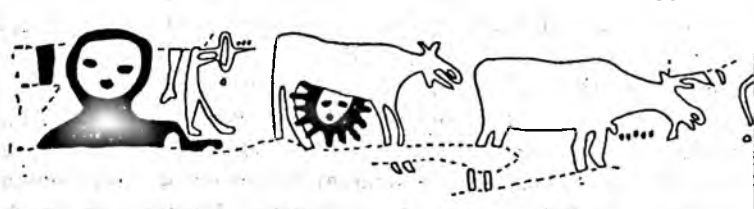
А.М. Линеvский [1939], первооткрыватель карельских петроглифов, упоминает магическое число семь в своем описании рисунка, о котором шла речь. В его понимании лодки изображают охоту на оленей летом, а человек с луком – зимой. В.И. Равдоникас [1938] полагает, что стрелок – это, вероятно, божество либо существо, благосклонное к охотникам. Финский этнограф Нило Калонен до своей кончины писал о новом объяснении, основывая его на

финском эпосе и астральных мифах. Его статьи были опубликованы [1984] и, согласно им, шесть лодок и шесть северных оленей символизируют солнечные месяцы. Для того, чтобы синхронизировать мотивы эпосов и расчет времени с изображениями в Залавруге, он предполагает, что петроглифы были сделаны в железном веке или, самое позднее, в период раннего христианства, что является, конечно, полностью ошибочным.

Р и с. 2. Главная группа петроглифов в Старой Залавруге [по Равдоникасу, 1938]

Если обратить внимание на лучника и тех животных, которые он преследует, наиболее соответствующий им мотив можно обнаружить на петроглифах на р. Алдан (рис. 3). Под брюхом другого лося сделано изображение (символ) солнца. По А.П. Окладникову и А.И. Мазину [1979], оно было добавлено позднее, но, делая это, художник знал первоначальный смысл комбинации. Ниже шеи первого лося имеется пять точек. Если они символизируют лосей, тогда количество животных было бы таким же, как в Старой Залавруге.

Р и с. 3. Наскальные рисунки р.Алдан [по Окладникову и Мазину, 1979: 140]

В своей трактовке Окладников и Мазин использовали сибирский фольклор, т.е. рассказ-миф о лосе Хэглене и герое Мани, который преследовал Хэглена и спас солнце. В Карелии также известен вариант этого мифа. В нем герой на лыжах преследует мифического лоса Хниси, но тот ускользает, убежав в мифическое место, возможно на радугу [Finish Folk Poetry, 1977: 548].

Число «семь» изображено на бронзовой фигурке, найденной у озера Галичского в Костромской области (рис. 4). Предполагают, что семь выступающих частей головы символизируют дни недели, а 4 сходных элемента на руках обозначают неделю лунного месяца. Финский этнограф академик Кустоа Вилкуна применил бронзовую фигурку для датирования в своей большой статье «Древнейшая история недели». Используя определение времени обскими уграми и самоедами, он утверждает, что семидневная неделя применялась еще в позднем палеолите или по крайней мере в начале бронзового века. Согласно ему, древнее времяисчисление основывалось на фазах луны. В принципе исчисление времени, предложенное Вилкуной сходно с идеей Бориса Фролова [1974].

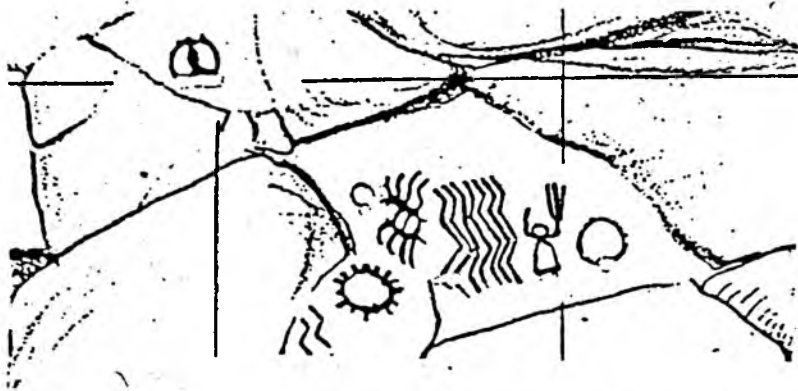

Р и с. 4. Бронзовая фигурка, найденная у оз. Галичского Костромской обл. [по Vilkuna, 1959: 282]

В принципе было бы возможно применить отрезок в семь дней к сюжетам Залавруги. Четыре отпечатка ног и четыре лодки над основной группой изображений могли символизировать недели месяца, а вереница северных оленей ($6+6+1/2$) на южной стороне основной группы – лунные месяцы года. В древнем времяисчислении год состоял из 2 частей: летнего и зимнего периодов. Тринадцатый северный олень ($1/2$) мог изображать дополнительный месяц, который принимался, если вороны вовремя не прилетали. Так поступали обские угры для того, чтобы сохранять свое исчисление времени равным солнечному году. Единственным препятствием на пути к окончательному решению здесь является направление расположения семи оленей и вереницы лодок, ибо они направляются с севера на юг, а не с востока на запад.

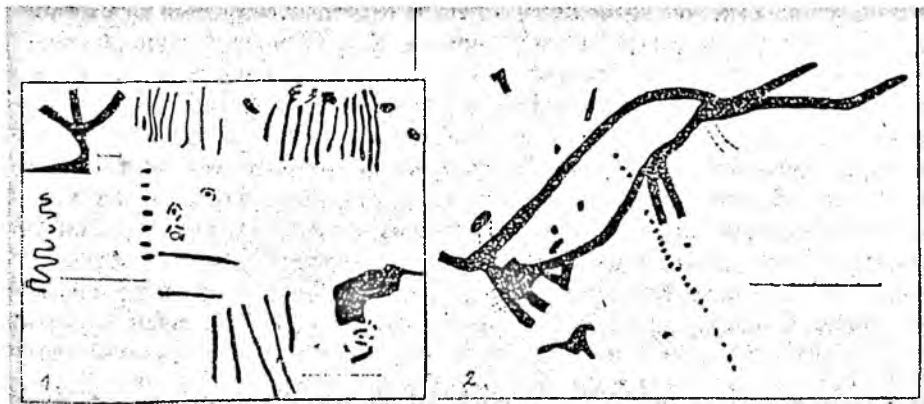
Число «семь» на Урале

Число «семь» настолько обычно в наскальных изображениях Среднего Урала, что В.Н.Чернецов сделал это предметом своего внимания (см. рис.5). Кроме этого, также фигурируют числа 14 и 21. Чернецов объясняет их использование основной семиричной системой, которую народ манси примснял в своих обрядах, а дети – в играх [Чернецов, 1971: 32]. Число «семь» занимает весьма выдающееся положение в мифологии обских угров: это можно уловить из количества божеств, из их эпитетов, по мифам и т.п. Употребление чисел 7, 14 и 21 также можно видеть в мотивах, изображенных на пермских бронзовых бляхах.

Р и с. 5. Наскальные рисунки Среднего Урала [по Чернецову, 1964: табл. XXIII]

Чернецов предусматривал возможность того, что традиция нанесения наскальных изображений на Среднем Урале являлась наследием изображений из Каповой пещеры? В настоящее время после обнаружения изображений в Игнatieвской пещере (Ямазы-Таш) очевидно, что древняя палеолитическая традиция продолжалась на Среднем Урале [Петрин, 1992]. Поскольку мотив числа «семь» (и его производных) также можно видеть на рисунках в Игнatieвской пещере (рис. 6), это означает, что использование его в уральском мире древнее, чем любые глиняные таблички из Месопотамии (Междуречья).

Р и с. 6. Рисунки в Игнatieвской пещере [по Окладникову и Петрину, 1983: 53, 56]

Анализ финно-угорских языков показывает, что слово «семь» имеет свои корни на Урале. Это согласуется с выводом, сделанным финским языковедом Кайса Хеккинен [1987]. По ее мнению, это слово можно реконструировать до уральской эпохи. Что же касается значения нарисованных линий в Астувансалми или числа лодок и оленей в Залавруге, то очень трудно производить интерпретацию, которая была бы достаточно правдоподобной.

Литература

Finish Folk Poetry, Epic, 1977: An anthology in Finish and English. Ed. Engl. transl. by Matti Kuusi, Keith Bosley, Michael Branch. Helsinki.

Häkkinen Kaisa, 1987: Etimologinen sanakirja. Porvoo.

Kivikäs Pekka, 1995: Kalliomaalaukset, muinainen kuva-arkisto. Paintings on Rock – An Ancient Picture Archive. Jyväskylä.

Линевский, 1939: Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Ч. 1. Петрозаводск.

Окладников, Петрин, 1983: Окладников А.П., Петрин В.Т. Палеолитические рисунки Игнатиевской пещеры на Южном Урале // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск.

Петрин, 1992: Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Равдопикас. 1938: Равдопикас В.И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 2. М.; Л.

Sarvas Pekka, 1973: Astuvansalmen kalliomaalaukset // Ristiinan entisyyttä ja nuokuräivää. Helsinki.

Савватеев, 1983: Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск.

Фролов, 1974: Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск.

Чернецов, 1964: Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. М.

Чернецов, 1971: Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.

Valonen Niilo, 1984: Ancient Folk Poetry in Eastern Karelian Petroglyphs // Ethnologia Fennica. Finnish Studies in Ethnology. Vol. 12. Vammala.

Vilkuna Kustaa, 1959: Viikon vanhinta historiaa // Kalevalaseuran vuosikirja 39. Helsinki. The article has been published in German in the periodical Volk-Liv, tom. XXI-XXII, pp. 197-215. Stockholm.

*В.Г. Котов**

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ НА УРАЛЕ
ПО ДАННЫМ ПЕЩЕРЫ ЗАПОВЕДНАЯ

Вопрос о существовании культа пещерного медведя является дискуссионным до настоящего времени [Столяр, 1985: 151]. Первые наиболее яркие находки были сделаны в первой четверти XX столетия в швейцарских Альпах Э.Бехлером при раскопках пещеры Драхенлох и в других пещерах, что показало неслучайность этого явления. Сохраняющееся недоверие к подобным памятникам, несмотря на появление новых свидетельств (Ишталошко, Ветерница), вызвано следующими основными причинами: «натуральностью» изобразительного контекста самих комплексов и отсутствием их научной фиксации. После открытия сложных проявлений культа медведя в мустьерских слоях грота Регурду вновь возникла проблема существования в эпоху среднего палеолита медвежьих капищ [Борд, 1972: 21]. Следы ритуалов, связанных с медвежьим культом, выявлены в ряде верхнепалеолитических пещерных святилищ Западной Европы – Шове, Базау, Пеш-Мерль, Монтеспан. Магический обряд убийства зверя, проводившийся в этих пещерах, а также изображение убийства медведя или раненых животных в монументальном и мобильном искусстве на других палеолитических памятниках являются дальнейшим развитием особо сакрального, двойственного отношения к этому животному, очевидно осознаваемому тотемным предком. Особая «выделенность» медведя на фоне других животных, а также сложность и устойчивость во времени и пространстве его почитания в контексте специфических обрядов позволяют предполагать существование в эпоху верхнего палеолита «медвежьего культа» и, соот-

* *Котов Вячеслав Георгиевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

© Котов В.Г., 2001

ветственно, особого «медвежьего мифа» в рамках тотемических представлений древних охотников Западной и Центральной Европы [Котов, 1999]. На остальной территории Евразии явные следы почитания пещерного медведя обнаружены только в пещере Заповедная на Южном Урале.

Исследование пещеры Заповедная

Пещера была открыта в 1969 г. В.М. Марушиным и долгое время оставалась необследованной, пока в конце 70-х – начале 80-х годов не была вновь обнаружена туристами-спелеологами г. Уфы [Марушин, 1995]. Причем надо отметить, что вход в нее, очевидно, был частично закрыт земляной пробкой. По крайней мере, в первые годы 1-й вход представлял собой узкий, труднопроходимый лаз. Судя по информации В.К. Федорова и фотографиям [1990: рис. 8, 9], он оставался таким вплоть до 1990 г. Местные жители ничего не знали об этой пещере. Наплыв же туристов в этот район связан с пуском железнодорожного сообщения в конце 70-х годов.

В 1981 г. пещеру посетил археолог-бройзвед Ю.А. Морозов, который осмотрел ее и в одном из залов заложил небольшой шурф около полуметра глубиной. Найденные в нем кости принадлежали пещерному медведю, некоторые из них были расколоты и обожжены. Кроме того, этим исследователем было отмечено особое расположение черепов вдоль стен и наличие ям полуметровой глубины в некоторых залах. Все сказанное, по его мнению, свидетельствует о заселении данной пещеры в эпоху верхнего палеолита [Морозов, 1983: 166]. К сожалению, Ю.А. Морозову из-за отсутствия спецснаряжения не удалось сделать план пещеры с подробной фиксацией интересных объектов, например, каменной глыбы с черепом пещерного медведя, покрытого кальцитовыми натесками (рис. 7). Об этом «алтарном» камне автору сообщил Ю.А. Морозов.

По разным сведениям, полученным от туристов-спелеологов, посетивших пещеру в первые годы после ее открытия, кроме этого черепа на поверхности пола пещеры лежало как минимум около сотни черепов пещерного медведя и неисчислимое количество костей. Например, по свидетельству Б.А. Агузарова – бывшего спелеотуриста, а ныне сотрудника археологической лаборатории в Самарском филиале Института археологии – в июне 1982 г. в пещере он насчитал 72 черепа, образующих 2 скопления. В самом крупном (56 экз.) черепа без других костей скелета лежали беспорядочно под сводом северной стены зала II на протяжении 4 м (рис. 2). В другом скоплении (15 экз.) черепа были ориентированы «лицом» от стены и уложены вдоль северной стены зала III на расстоянии 2,45 м, причем 5 черепов были положены на 2 и даже 3 яруса*. Еще один череп имел значительные повреждения затылочной части. Очень важна такая деталь: нижний ряд был утоплен в кальцитовой корке. Спустя 2 года, в феврале 1984 г., в этом месте остались только черепа в кальцитовой корке, многие были разбиты. На границе II и III залов рядом

* Данные скопления на плане обозначены знаком «?» (рис. 2).

со стеной свода один череп был водружен на крупный сталагмит высотой 30–40 см и на нем вырос натек высотой 22,7 см. К этому моменту он был разбит, но сам череп и кальцитовая оболочка находились тут же. Б.А. Агузаровым были сделаны фотографии отдельных объектов и схематические зарисовки скоплений черепов*.

Есть еще одно интересное свидетельство. Ботаник М. Ю. Гордеев в начале 80-х годов при посещении пещеры видел череп человека. Попытки туристов-спелеологов закрыть кладкой вход в пещеру оказались безрезультатными. В условиях массового посещения туристами пещера в короткий срок потеряла свое былое великолепие уникального кальцитового убранства, в значительной части в ней были уничтожены или вынесены наиболее привлекающие внимание кости пещерного медведя. Часть из них попала в различные музеи г. Уфы и других городов Башкортостана и Челябинской области.

Лишь в 1990 г. она вновь была обследована специалистом, ее посетил археолог из Башкирского государственного объединенного музея В.К. Федоров. И надо отдать должное той большой и кропотливой работе, которую проделал этот исследователь по составлению плана пещеры, обследованию и фиксации сохранившихся черепов пещерного медведя. Им же был заложен в одном из залов разведочный шурф (рис. 2). Но самое главное, ему принадлежит честь открытия в одной из ниш пещеры загадочного сооружения из небольших глыб известняка с черепом пещерного медведя, заклиненного двумя продолговатыми камнями. В.К.Федоров интерпретировал этот объект как палеолитические следы культа медведя, подобные найденным в пещере Драхенлох [Федоров, 1990; 1995]. Не являясь специалистом по палеолиту, он не стал продолжать исследования этого памятника**. Оно было начато автором в октябре 1993 г. [Тагиров, 1993].

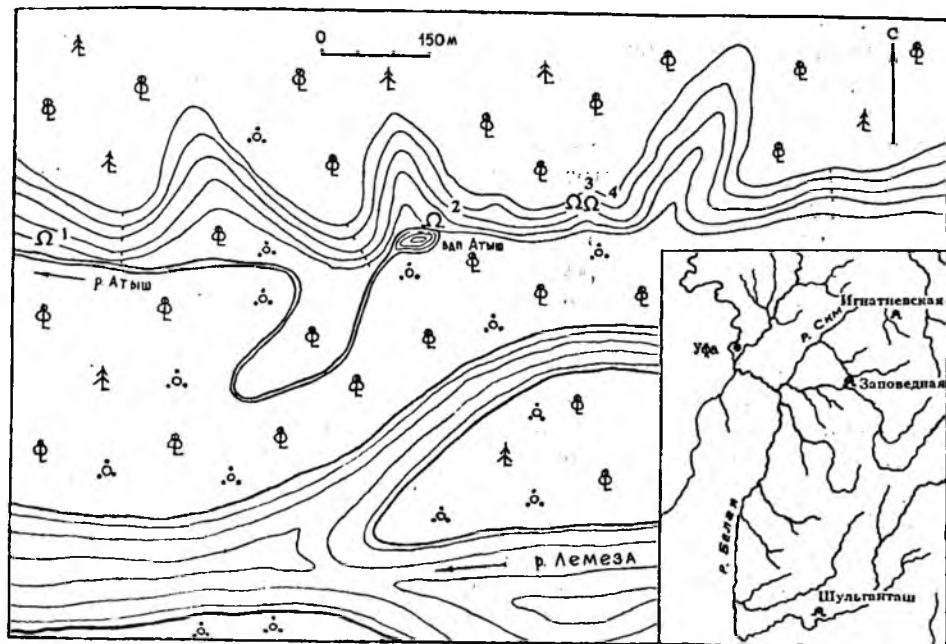
Описание пещеры Заповедная

Пещера находится в Белорецком районе Башкортостана: примерно в 100 м к востоку от Атышской I пещеры, представляющей собой небольшой, но очень живописный водопад р. Атыш, вытекающей из этого грота и впадающей через 0,5 км в р. Лемезу (рис. 1). Она расположена у самой вершины крутого склона приблизительно на высоте 70 м от уреза воды р. Лемезы. Пещера карстового происхождения, коридорного типа и разработана в толще известняков. Длина ее – 180 м, средняя ширина – 2 м, средняя высота – 1,3 м, площадь пола – 687 кв. м***. Морфология пещеры позволяет разделить ее на 7 зон, которые

* Пользуясь случаем автор выражает признательность Б.А.Агузарову за предоставленную ценную информацию.

** Автор выражает глубокую признательность В.К.Федорову за предоставленные материалы о данном памятнике.

*** Данные А.И. Смирнова – геолога «Башгеологии», составившего в октябре 1981 г. один из первых планов пещеры.

Р и с. 1. Местонахождение пещеры Заповедная: 1— пещера Атышская 2; 2— пещера Атышская 1; 3— пещера Верхняя; 4— пещера Заповедная

условно можно назвать залами (рис. 2). Каждый из них имеет свою специфику, обусловленную рядом характеристик, как то: освещенность, близость к выходу, высота свода, размеры, проходной характер и пр. Эти особенности должны были иметь значение и для древнего человека. У пещеры два входа, оба обращены на юг. Вход 1 представляет собой туннель 3,5 м длиной и около метра в диаметре. Площадка перед ним имеет крутой наклон, переходящий затем в склон горы. Перед входом 2, находящимся на 10 м восточнее и на 1,5 м ниже входа 1, есть небольшая площадка около 3 кв. м, имеющая незначительное падение в сторону склона. Вход 2 представляет собой грот 8 м длиной и около 3 м шириной и 0,5 м высотой (рис. 2). Рыхлое заполнение почти полностью закрывает проход в «аппендиксе» зала IV, так что остается лишь небольшой зазор, сквозь который может пробиться только свет.

Далее мы будем давать описание залов и находящихся в них объектов по порядку.

Зал I небольшая (3x5x2м) полость, слабо освещаемая через туннель входа 1 (рис.2). Пол покрыт толстой кальцитовый коркой и слегка поднимается внутрь пещеры. С залом II он соединен двумя проходами: слева подтреугольных очертаний небольшой лаз, через который с трудом может протиснуться человек, справа — узкая, шириной 2,5 м, горизонтальная щель, дно которой заполнено водой. В этом зале костей на поверхности пола не обнаружено.

Зал II имеет относительно ровную поверхность пола, покрытого кальцитовый коркой, и небольшую, в среднем 1,3 м, высоту потолка с богатым патечным убранством (рис. 2). Лишь в юго-западном углу пол постепенно повышается, переходя в глиняный холм, возможно, закрывающий продолжение пещеры. Справа от малого входа, вблизи южной стенки, имеется округлая яма (№ 8) около метра в диаметре и 0,3 м глубиной. Напротив, вблизи северной стенки, еще две ямы (№ 6, 7) той же глубины (рис. 2). Как уже отмечал в своем отчете В.К. Федоров, в этом зале уже не было черепов медведя, о которых упоминал Б.Агузаров (скопление I).

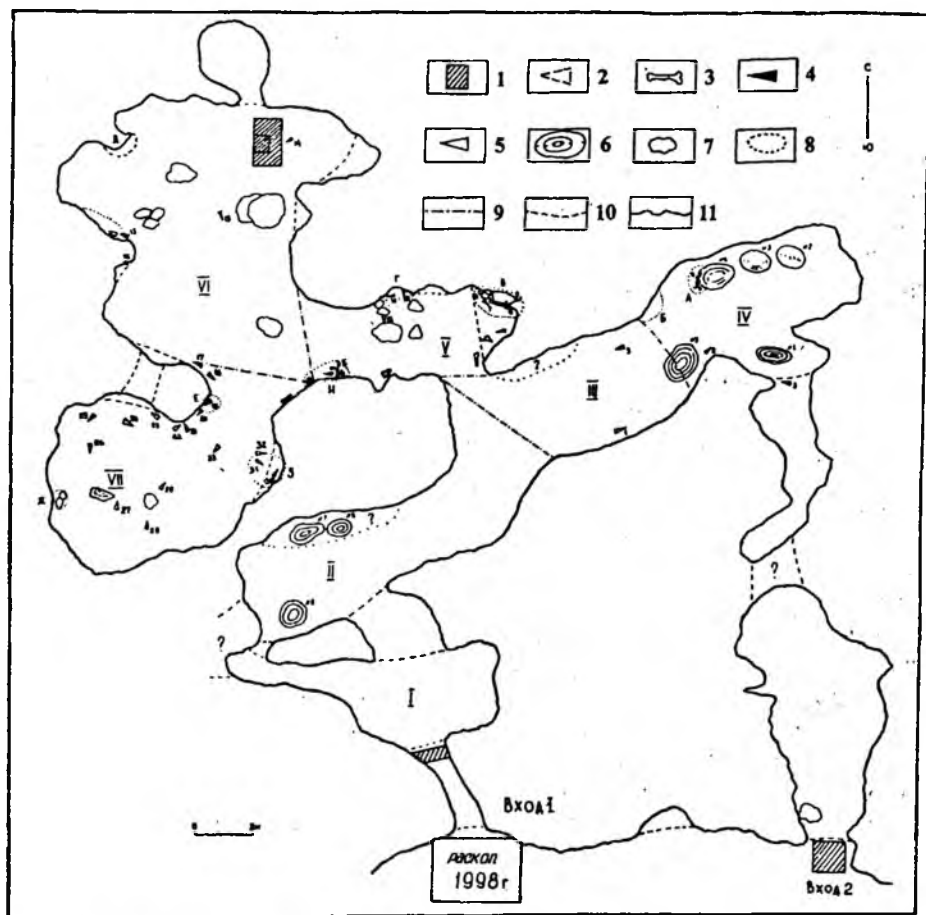
Зал III также является проходным (рис.2). Пол покрыт кальцитовый коркой и имеет незначительное падение в сторону следующего зала IV. Естественной границей этого зала является заметное понижение потолка (с 3 м до 1,5 м) и пола. Вблизи южной стенки на левом боку глубоко в натеке лежит крупный (длина 52 см) череп пещерного медведя (№ 1). Его клык выбит, правая (и левая?) скуловая кость обломана в древности. У северной стенки, глубоко утопленный в натеку, также на левом боку найден еще один череп (№ 5), у которого в древности была фрагментирована передняя часть.

Зал IV относительно сухой, поэтому пол не покрыт кальцитовый коркой. Средняя высота потолка – 1,2 м. Этот зал, за исключением «ашпендикса», наиболее насыщен костными останками. Здесь нами были собраны с пола расколотые кости. Причем все они приурочены к ямам, находящимся в этом зале. В ямах № 1, 4, 5 в глинистом заполнении обнаружены крупные и мелкие кости, в том числе расколотые. На участках пола, покрытом кальцитовый коркой, встречаются «вмонтированные» в натеку скопления расколотых костей. Наиболее интересные из них – комплексы А и Б.

Комплекс А находится на западном краю ямы № 4 (рис.2; 4). В нем 5 крупных костей: 2 фрагмента медвежьего черепа, полученные продольным раскалыванием, одна позвоночная кость, две расколотые трубчатые кости, и каменный предмет, похожий на грубое рубящее орудие. Все они сцементированы кальцитовым натеком. Данный комплекс, очевидно, имеет искусственную природу. Внутри ямы и по ее краям, особенно под сводом стены пещеры, встречаются отдельные крупные и мелкие кости пещерного медведя.

Комплекс Б находится в 1 м к западу от ямы № 4. Он представляет собой скопление расколотых трубчатых костей и фрагментов черепа пещерного медведя, сконцентрированных под навесом стены на относительно небольшом участке (1x0,5м) (рис.2). Здесь же между камней нами была обнаружена челюсть травоядного животного (лосенка?), а также кости волка и других животных, которые, по определению П.А. Косинцева, имеют голоценовую сохранность. Последнее свидетельствует о том, что пещера вплоть до посещения ее людьми использовалась как логово даже такими относительно крупными животными, как волки. Отсутствие костей бурого медведя объясняется относительно небольшим входом.

В этом же зале имеются два целых черепа (рис. 2). Один (№ 2) находится так глубоко в натеке, что у него видна только верхняя часть темени. Другой череп (№ 3) лежит на темени, почти на затылке. У него передняя часть отбита.

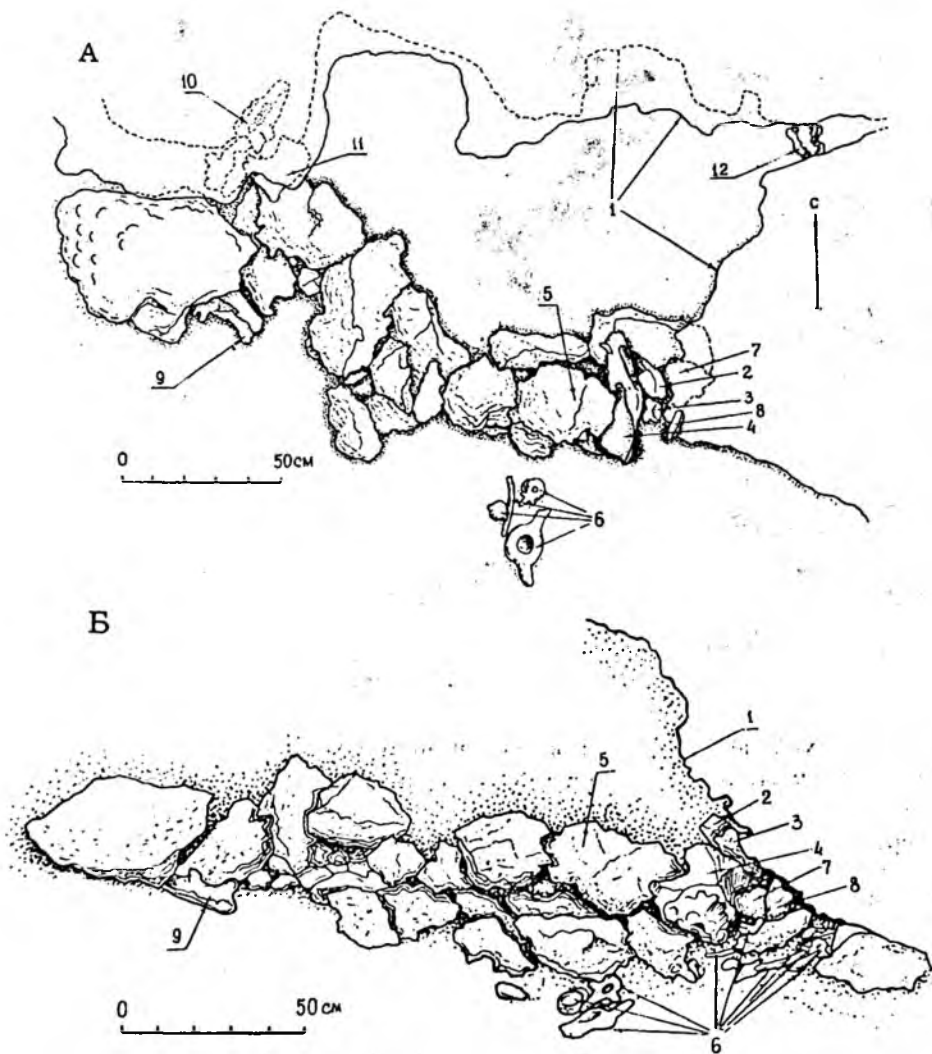
Р и с. 2. План пещеры Заповедная [по А.И. Смирнову с дополнениями автора]:

- 1 – шурфы; 2 – место черепа, установленного на глыбе; 3 – крупная кость;
- 4 – череп, ориентированный теменем вверх; 5 – череп неориентированный;
- 6 – яма; 7 – крупные камни и глыбы; 8 – границы скопления черепов;
- 9 – условные границы залов; 10 – граница ниш и проходов; 11 – контур пещеры

Зал V также можно отнести к проходным. Пол относительно ровный, покрыт кальцитовый коркой. Потолок достаточно высокий – около 3 м. Средняя ширина – 4 м. Эта часть пещеры сильно увлажнена: с потолка идет постоянная капель, много луж и карстовых ванночек, на потолке и вблизи стен развиты карстовые явления. По правой стенке есть две маленькие ниши и одна большая. В последней и сохранилась чудом конструкция из камней с черепом пещерного медведя № 6 (рис. 2). Фактически на исследовании этого объекта основываются все наши выводы о наличии следов культа на данном памятнике.

Ниша имеет полукруглую в плане форму размером 3,5x1,5 м, с плавню понижающимся вглубь кальцитовым полом. Правая ее половина имеет небольшое округлое углубление в полу, диаметром около 1 м и глубиной 20 см, заполненное водой. Примерно треть пространства условно разделяется массивным гребнем, спускающимся по своду потолка до пола и выделяющим небольшую нишу. К этому гребню и приурочена конструкция из камней с черепом № 6 (рис. 2; 3), открытая в 1990 г. археологом В.К. Федоровым. Нами сделано точное описание этого объекта.

Прежде всего, привлекает внимание особое местонахождение черепа пещерного медведя – он явно зажат между нависающим гребнем и невысокой (около 0,30–0,40 м высотой) каменной кладкой (рис. 3). Последняя представляет собой стенку из сложенных насухо в два-три ряда больших и малых обломков известняка, общей протяженностью 1,80 м и шириной 0,25–0,50 м. Приблизительно посередине она под тупым углом поворачивает к северной стенке и соединяется с ней, отгораживая небольшую нишу. Череп, ориентированный справа налево, водружен на небольшой плоский камень и буквально заклинен другим камнем, который своим выступом проникает в пролом височной кости (рис. 3; 4; 5). В свою очередь данный камень является элементом каменной кладки. Со стороны гребня череп таким же образом заклинен другим плоским обломком известняка, стоящим вертикально (рис. 3, Б). Самое интересное, что череп специально «сориентирован». Об этом свидетельствует тот факт, что он со стороны гребня стены подперт двумя продолговатыми камнями (рис. 3; 4; 5), а снизу с одной стороны приподнят небольшим плоским камнем таким образом, что в фас завален на левый бок (рис. 3, Б; 5). Очевидно, таким образом древние люди стремились достигнуть определенной экспозиционности, выделяя череп из общей массы предметов, подчеркивая его форму и ориентацию: наблюдатель, стоящий напротив этой композиции на краю ниши или в глубине зала, видит череп, повернутым в профиль, выступающим как по длине, так и по высоте (рис. 4). Обращает на себя внимание такая деталь: у черепа носовая часть «провисла» в результате того, что разошлись кости по шву. Возможно, это свидетельствует о том, что он перед помещением в кладку был относительно свежим? Дальнейший осмотр показал, что у черепа удалены у основания скуловые дуги, которые мешали бы его «закреплению», а в передней части имеются следы от сильных ударов в виде глубоких, неправильной формы отверстий. Передних зубов нет, отсутствует правый клык (рис. 4). Внутри огороженного пространства кости и их обломки буквально «сметены» под нависающую стену и особенно под выступающий гребень. То же самое с правой стороны от черепа. В то же время за пределами кладки отдельные кости скелета в беспорядке лежат на поверхности пола ниши (рис. 3, А). Вся «конструкция» утоплена в поверхность кальцитового пола и намертво скреплена натсками. При этом череп также покрыт тонкой кальцитовой коркой. План данного комплекса наглядно демонстрирует искусственную природу этого сооружения. Так, небольшой камень, завершающий кладку у северной стены, был явно установлен, поскольку он находится под карнизом (рис. 3, А, 11). То же самое можно сказать в отношении

Р и с. 3. Пещера Заповедная. Кладка из камней с черепом (комплекс В).

А – вид сверху, Б – вид с юга: 1 – контур стены; 2, 3 – каменные «клинья»; 4 – череп № 6; 5 – глыба, заклинивающая череп № 6 со стороны кладки; 6 – кости их фрагменты; 7 – камень, заклинивающий череп со стороны гребня стены; 8 – вертикально стоящий плоский камень; 9 – череп № 7; 10 – череп № 8; 11 – плоский камень, замыкающий кладку; 12 – череп № 9, установленный в расщелине

других камней, представляющих крупные бесформенные куски известняка, положенные друг на друга (рис. 3). Предположение о естественной природе кладки в результате камнепада или какой-либо активности медведей является невероятным. К сожалению, в августе 1997 г. череп № 6 был утрачен.

Р и с. 4. Пещера Заповедная. Череп в кладке.
Вид с запада. Фото В.К. Федорова

Череп № 7 не относится к вышеописанному искусственному сооружению. Он покрыт толстой коркой натеков так, что с трудом можно определить его очертания. Все же удалось разобрать, что лежит он на левом боку и передняя часть у него обломана в древности (рис. 3). Другой череп № 8 лежит на темени под навесом стены и также покрыт толстой кальцитовою коркой (рис. 3, А).

В процессе осмотра полости ниши с искусственной «кладкой» (комплекс «В») был обнаружен еще один череп пещерного медведя (№ 9). Он втиснут в расщелину в западной части ниши, при этом у него, как и у черепа в кладке, удалены скуловые дуги и к тому же обломана передняя часть. На нем лежит, по определению палеонтолога П.А. Косинцева, правая половина неба и, еще выше, скуловая кость. Все это покрыто кальцитовою коркой. По нашему мнению, это скопление также имеет искусственную природу и представляет вместе с «кладкой» единое целое (рис. 3, А).

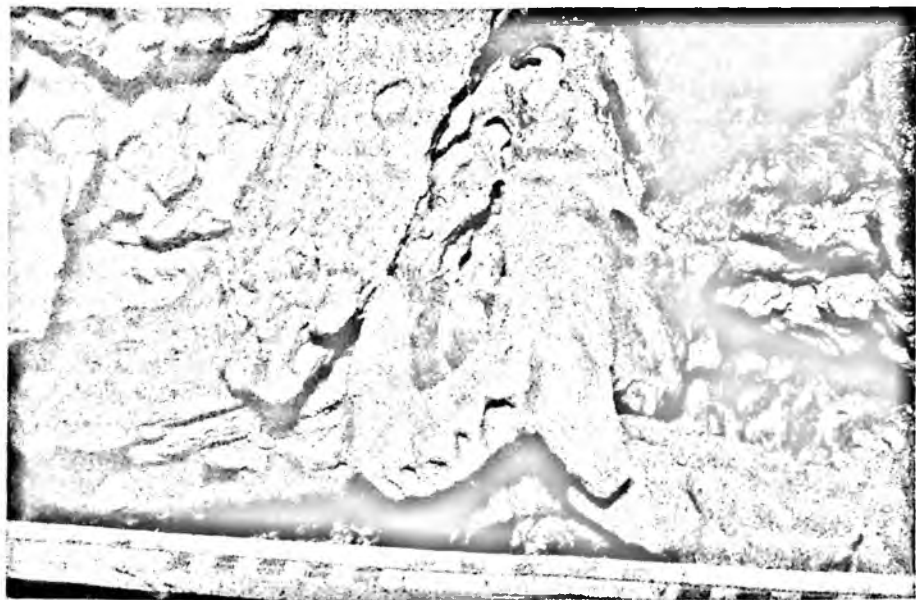
В двух метрах от вышеописанного комплекса в северной стенке есть небольшая укромная ниша, подход к которой по обеим сторонам прикрывают большие глыбы (рис. 2). В этой нише покоятся два медвежьих черепа, правда, сильно поврежденные туристами (комплекс Г). У одного (череп № 10), ориентированного перпендикулярно стене, к зрителю в фас, удалена вся передняя часть. У другого (череп № 11), повернутого к зрителю в профиль, наполовину удалена лицевая часть. В темени этого черепа имеется дыра, сделанная, очевидно, в древности. Оба черепа прислонены к стене и лежат на неко-

тором возвышении пола, прикрепленные к нему кальцитом (рис. 8). Слева лежит крупная (тазовая?) кость, наполовину погруженная в кальцит. Здесь мы видим ту же картину относительно позднего появления черепов медведя. С нашей точки зрения, они были установлены человеком, т.к. это место не было пригодно для медвежьей лежки и, кроме того, здесь нет скопления других костей, чтобы предполагать их «естественное» появление. Такие детали, как отбор черепов, ориентация, местоположение, следы повреждения на одном из них свидетельствуют об искусственной природе данного скопления.

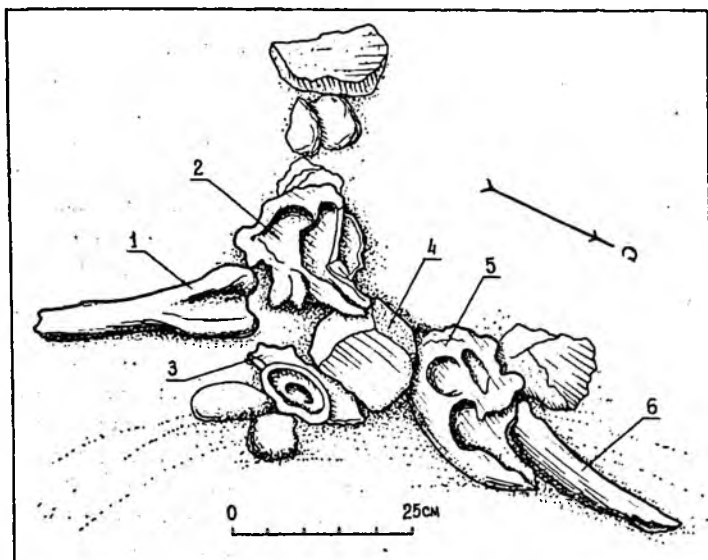
Между двумя глыбами на темени в кальцитовом натеке лежит крупный (длиной 46 см) череп (№ 12) пещерного медведя (рис. 2).

У противоположной стены зала, параллельно ей, теменем вверх, развернутые в разные стороны, лежат еще два черепа (№ 34, 35) пещерного медведя (рис. 2). По бокам от них тоже под сводом стены расположены две тазовые кости, причем одна из них стоит вертикально, прислоненная к стене. Все кости погружены в кальцитовый натек. Возможно, появление этих объектов в данном месте связано с деятельностью человека (комплекс И).

Зал VI является самой крупной полостью пещеры. Высота свода здесь более 4-х м, а площадь достигает 60 кв. м. Большая часть пола покрыта толстой кальцитовой коркой, и только в северо-восточной части пол глинистый. Эта часть зала относительно сухая. Половина ее перекопана грабительскими раскопками. Здесь же в 1990 г. В.К. Федоровым был заложен шурф, доведенный им до глубины 1 м [Федоров, 1990].

Р и с. 5. Пещера Заповедная. Череп в кладке крупным планом. Видны искусственные повреждения. Вид с севера. Фото автора

Р и с. 6. Пещера Заповедная. Комплекс А в зале IV: 1, 6 – расколотые трубчатые кости; 2, 5 – фрагменты черепа пещерного медведя; 3 – кость; 4 – камень

В этом зале найдено лишь пять черепов. Один череп, отмеченный на плане В.К. Федорова [1990: рис. 3], в настоящее время утерян. Другой череп (№ 14) расколот туристами на крупные и мелкие куски, и место его первоначального положения неизвестно. Особенностью черепа № 16 является то, что он, судя по размерам, принадлежал молодому медведю, а также то, что он стоит в вертикальном положении зубами вниз, прислоненный к стене (рис. 2). Клыки выбиты и обломаны скуловые дуги еще в древности. Вблизи, под стеной, лежат крупные кости. Возможно, это скопление является искусственным, но пока говорить с уверенностью об этом трудно.

В северо-западной части зала VI было зафиксировано скопление костей, заваленных камнями. Этот завал уже начал раскапываться любителями сувениров, поэтому где на ощупь, а где визуально удалось выявить 3 черепа и 4 нижних челюсти медведя. Один из черепов стоит вертикально, зубами вниз. Его туристы уже пытались выломать, но лишь повредили заднюю часть, поэтому этот череп пришлось извлечь. Другой череп лежит на темени: он фрагментирован в древности, под ним находятся височная и передняя части. Третий череп медведя распался еще в древности, так как принадлежал молодой особи. Само это скопление возвышается над полом и производит впечатление искусственной насыпи. На плане оно условно помечено как комплекс Д.

В этом же зале нами была осмотрена грабительская яма, в которой были обнаружены два разбитых туристами черепа пещерного медведя, а под кальцитовый коркой пола на поверхности бурого суглинка были обнаружены мелкие угольки.

Р и с. 7. Пещера Заповедная. Череп на камне в зале VI. Реконструкция

Зал VII является вторым по величине после зала VI (рис. 2). Он отделен от соседнего зала большим выступом стены, в котором незаконными раскопками был открыт проход. Вся поверхность пола покрыта толстой кальцитово-коркой.

На границе VI и VII залов находится ряд черепов. Ниже приводится их описание.

Череп № 17 принадлежал новорожденному медвежонку. Он лежит теменем вверх. Череп № 18 лежит на темени в натеке. Рядом под навесом свода затекающий кальцитом находится вверх теменем череп № 19, у которого в древности была фрагментирована передняя часть и удалены скуловые дуги (рис. 2). Скорее всего, он подвергался воздействию человека, поэтому его предварительно можно отнести к искусственным объектам (комплекс Е). Рядом глубоко в натеке на темени лежит череп № 20. Такое же положение имеют другие черепки № 21–24. Черепки № 25 и 26 сохранились потому, что на них выросли сталагматы. Первый лежит на темени, а второй – на левом боку и у него обломаны скуловые дуги. Череп № 25 лежит теменем вверх относительно далеко от стены и наполовину утоплен в натеке (рис. 2). От черепа № 26 сохранилась лишь верхняя половина, которая была погружена в кальцитовый пол – остальное было разбито в наше время. Череп № 30 стоит в небольшой нише, на возвышении пола у самой стенки. Он ориентирован справа налево, в профиль к зрителю. Череп крепко «схвачен» кальцитовым натеком. Учитывая то, что рядом с ним нет никаких других костей, а сам череп находится в труднодоступном месте, между

сталагмитами, можно допустить, по аналогии с черепами № 10, 11, сознательное помещение его в этой нише (комплекс З). Поблизости находятся еще два медвежьих черепа. Один (№ 31) – покоится теменем вверх и лицевой частью повернут к черепу № 30. Рядом лежащий череп (№ 32) повернут в сторону и лежит на правом боку (рис. 2). В 1,5 м от них к западу на левом боку в натеке лежит череп № 33.

На полу зала, особенно вблизи стен, в беспорядке лежит множество крупных и мелких костей (рис. 2).

Таким образом, в процессе изучения полости пещеры было выявлено 26 черепов большого пещерного медведя. Картографирование этих находок показало, что нами было обнаружено 6 новых черепов по сравнению с данными В.К. Федорова, но в то же время 4 черепа были утрачены. Отметим, что в 1990 г. медвежьих черепов было, по крайней мере, 31 экз., и эта разница свидетельствует о динамике разрушения уникального памятника.

В зале VI нами была произведена прирезка к шурфу В.К.Федорова: его шурф был расширен до размеров 2x1,5 м, с ориентацией длинной стороной с юга на север (рис.2). В шурфе выявлена следующая стратиграфия (описание горизонтов дается снизу вверх и сделано Р.М. Сатаевым – научным сотрудником ИГ УНЦ РАН):

1) желтовато-бурый суглинок с грубым известняковым щебнем и обломками костей животных. Мощность – 0,35 – 0,40 м;

2) суглинок темно-коричневый со слабо окатанным известняковым щебнем (известняковая галька), прослойками и линзами песчаного и глинистого материала. Кости приурочены в основном к кровле и подошве слоя. Мощность – 0,15 – 0,20 м;

3) суглинок темно-коричневый с обломками кальцитово-кварцевой корки и костями животных. Присутствуют признаки красноцветности. Мощность – 0,20 – 0,40 м.

Признаки культурного слоя в виде угольков обнаружены в верхнем горизонте. Они равномерно насыщают его по всей толще. Этот горизонт по аналогии с идентичными отложениями в пещере Верхней, которые датируются возрастом $22\ 750 \pm 1210$ лет (ЛУ-3714), относится к осташковскому оледенению. По костям из отложений 2-го и 3-го горизонтов этого шурфа радиоуглеродным датированием установлен возраст $28\ 700 \pm 1000$ лет (ЛУ- 3715). Споро-пыльцевой анализ был сделан в лаборатории стратиграфии кайнозоя ИГ УНЦ РАН Л.И.Алимбековой. Отложения шурфа, по интерпретации Р.М.Сатаева, литологически разделяются на два горизонта. В 1-м условном горизонте среди древесных преобладает пыльца ели, а среди травянистых – пыльца маревых, полыни. Этот спектр характерен для открытых холодных пространств (осташковское оледенение). Во 2-м условном горизонте преобладает пыльца сосны, что свидетельствует о более суровых условиях по сравнению с нижними горизонтами. Этот горизонт, очевидно, отмечает переходное время от потепления к похолоданию. В нижней части разреза (3 – 5 условные горизонты) бросается в глаза большее разнообразие видов. Много влаголюбивых растений, характерных для теплого и мягкого климата межледнико-

вых условий. Например, в 3 и 4 горизонтах присутствует пыльца дуба, а в 5 — пыльца липы. В соответствии с радиоуглеродной датировкой пещерный литологический горизонт соотносится с молого-шекснинским межледниковьем.

Р и с. 8. Пещера Заповедная. Комплекс Г.
Прорисовка с фотографии с частичной реконструкцией современных повреждений

Шурфы, заложенные в залах IV и VII, были пройдены до глубины 1 м. Они показали ту же стратиграфию, что и в шурфе зала VI. Признаков культурного слоя в них, несмотря на промывку рыхлых отложений, не обнаружено.

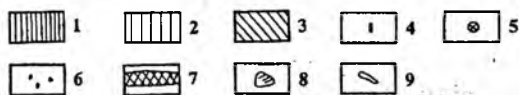
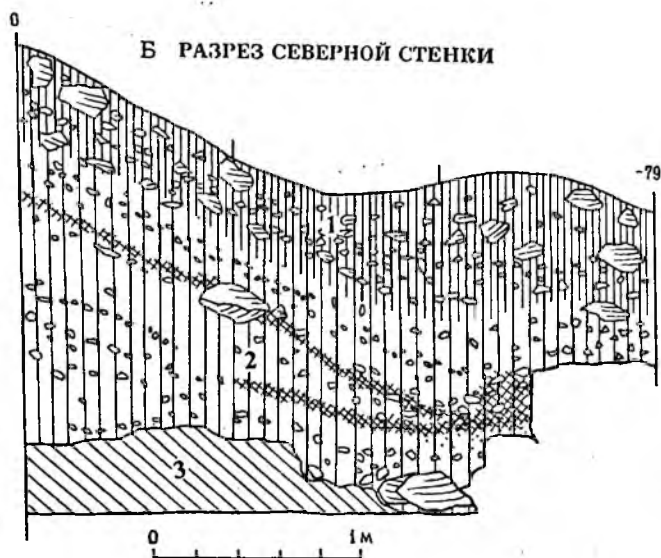
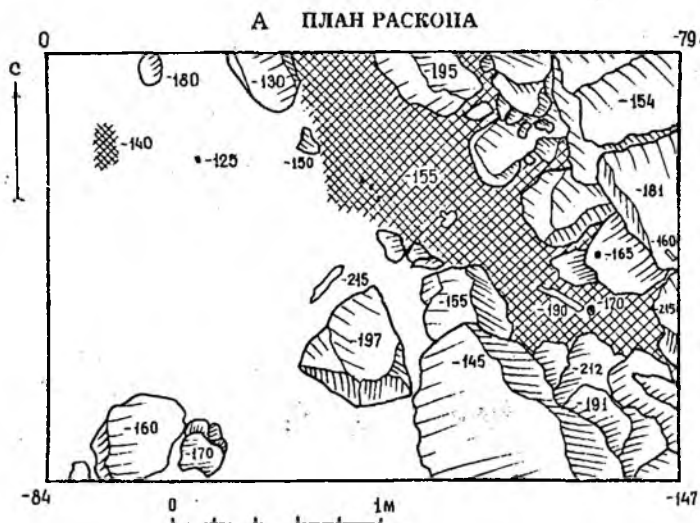
Перед входом 2 у самой капельной линии был также заложен шурф размером 1 x 1 м (рис. 2).

В туннеле входа 1 был заложен шурф, а на привходовой площадке — раскоп площадью 6 кв. м (рис. 2; 9). В раскопе была выявлена следующая стратиграфия (рис. 9, Б):

1) суглинок пылеватый, серый, известковистый с обломками известняка мелкого и среднего размера, костями животных, амфибий и рыб. Мощность — 0, 45–0, 85 м;

2) гумусированная супесь, в заполнении которой встречаются мелкая угловатая щебенка и отдельные крупные обломки известняка. В средней части горизонта залегают две углисто-сажистые прослойки толщиной 5–10 см. Верхняя тянется на всю ширину входного отверстия и имеет падение к востоку, соединяясь с нижней прослойкой. Нижняя углистая прослойка имеет относительно горизонтальные очертания и к западу выклинивается. К востоку и юго-востоку наблюдается резкое падение всего горизонта. В этом понижении между камнями встречены крупные и мелкие кости плейстоценовых животных. Мощность — 0, 80–1, 40 м;

3) суглинок бурый, плотный с редкими костями животных в верхней части.

Р и с. 9. Пещера Заповедная. План раскопа 1998 г. и разрез северной стенки:
 1 – гумус; 2 – гумусированная супесь; 3 – светло-бурый тяжелый суглинок;
 4 – кремневая пластинка; 5 – кусочек охры; 6 – отдельные угольки;
 7 – зольная прослойка; 8 – камень; 9 – кость

Таким образом, в шурфе и раскопе был обнаружен культурный слой эпохи палеолита, поскольку линзы угля относятся к отложениям, в которых встречаются кости плейстоценовых животных. По радиоуглеродной датировке угли из кострища имеют абсолютный возраст $12\ 800 \pm 260$ лет (ЛУ-3861 древесный уголь). В ходе раскопок кроме костей плейстоценовых животных были обнаружены кремневая пластинка с правильной огранкой спинки из черного кремня, мелкое кремневое орудие и кусочек охры [Котов, 1998]. В ходе дальнейших исследований предстоит выяснить, является ли синхронным культурный слой у входа культовым объектам внутри пещеры. Пока это первый бесспорный памятник с «искусственным медвежьим комплексом» на территории бывшего СССР.

Семантика святилища

В пещере Заповедной выявлено, по меньшей мере, пять культовых комплексов. Из них комплекс В обладает наиболее сложной структурой и семантикой, на основе которых можно анализировать и другие комплексы. Прежде всего, весь комплекс приурочен к *пище*, и кладка отгораживает внутри пещеры еще одну нишу. Внутри этого замкнутого пространства для сокрытия использованы еще потаенные уголки – кости спрятаны под навес свода, а череп медведя – в расщелину стены. Все это, по нашему мнению, говорит о захоронении этих костей, причем произведенном с использованием кладки. О черепе медведя в кладке также можно сказать, что он был захоронен, т.к. несет на себе следы ритуального (?) повреждения и еще к тому же тщательно заклинен камнями кладки. Другой череп, также поврежденный в древности, был старательно установлен вместе со своими деталями в расщелине стены. Все это говорит об особом почтении древних людей именно к *черепу* медведя, поскольку с головой медведя проделать все вышеописанное было бы невозможно. Очевидно, захоранивались преимущественно те черепа, которые были использованы и, особенно, повреждены в каких-то ритуалах (см. комплексы В, Г, Е). По нашему мнению, этим же можно объяснить и факт отсутствия клыков у многих черепов, лежавших на полу, причем кальцитовое покрытие поверхности этих черепов говорит о том, что клыки были удалены в древности.

Из всего сказанного следует, что пещерная ниша (да и сама пещера) воспринималась как нечто способное возродить душу «убитого» зверя, и очевидно, являлась метафорой материнского лона.

С другой стороны, особенности установки черепа однозначно указывают на экспозиционность всей конструкции. Кладка из камней имела целью не только заклинить и сориентировать череп (он повернут внутрь огороженной ниши), но и отгородить расчищенное от костей пространство. Свидетельство тому установка «замыкающего» кладку камня, имеющего явно символическое значение (рис. 3, А, 11). Без сомнения, эти три цели были взаимосвязаны и имели символическое значение. Таким образом, семантика этого комплекса предполагает многократную демонстрацию какого-то ритуального действия, причем связанного с временным помещением внутрь кладки какого-либо объек-

та. Последний помещался для установления связи с «душой» обезвреженного зверя, включаясь в экспозиционный контекст всего комплекса. Отсюда можно сделать вывод, что объектом, вступающим в связь с предком-тотемом, обитающим в подземном мире, мог быть только человек, например инициант.

Наличие еще одного демонстрационного комплекса (череп на камне) свидетельствует о достаточно сложных обрядах, совершаемых древними людьми в пещере Заповедная, связанных с почитанием черепов пещерного медведя, очевидно, как предков (тотемов?). Детали обрядовых комплексов указывают, по крайней мере, на то, что черепа и кости медведей почитались в контексте культового отношения к пещере в целом. Очевидно, медвежьи кладбища в пещере, обладающей уникальным кальцитовым убранством, в наибольшей степени соответствовало архаичским представлениям о тождестве хтонического существа с *потусторонним* местом его обитания [Бахтина, 1974: 86–87]. Таким образом, по представлениям древних охотников, образ медведя имел хтоническую природу, как это известно и по данным этнографии и фольклора уральских народов [Микушев, 1978: 4–5; Прокофьев, 1992: 102; Гемуев, 1985: 138–139]. Восточные ханты приносили жертвоприношения фетишам, имеющим форму животного, только в местах их обитания [Кулемзин, 1985: 135]. Об этом же говорит и факт символического повреждения черепов и костей, за которым скрывается архаичское представление о том, что тело является носителем жизненной силы, сохранившееся у угорских народов [Кулемзин, 1985: 134]. По материалам восточных хантов, например, человек для того, чтобы стать исполнителем религиозных функций, «должен был уйти в место проживания духов, дающих особый дар, и в одиночестве прожить там несколько дней» [Кулемзин, 1985: 135]. Мотив пребывания героя в жилище или местообитании потустороннего существа, нередко сопровождающегося эротическим соединением с ним и последующим приобретением необыкновенных способностей, удачливости на охоте или богатства, является широко известным в мировом фольклоре. Он представлен и в уральской мифологии, в частности у обских угров. Юноша из рода Орла, чтобы пройти обряд посвящения, должен был пробыть какое-то время на священном дереве крылатого предка, в то время как стоящие внизу старики читали благопожелания [Сагалаев, 1991: 87]. Типологически сходный обряд посвящения в шаманы известен у забайкальских бурят [Сагалаев, 1991: 88]. Данные примеры, очевидно, демонстрируют единство представлений об обряде посвящения-инициации в мифологической традиции урало-алтайских народов, воспринимаемом как переход от смерти к рождению в священном месте – жилище звериного божества-предка [Сагалаев, 1991: 88]. О значимости этого обряда говорит и тот факт, что на святилищах манси существовала традиция сооружения «жилищ» для божественных предков в виде открытого сруба, воздвигаемого всякий раз заново для каждой церемонии жертвоприношения [Сагалаев, 1991: 81]. Точно так же в срубе хоронили почитаемых животных (в число которых входил и медведь) гиляки, приносили им жертвоприношения [Золотарев, 1934: 15–16]. Наиболее наглядно идея связи местообитания животного-птицы и места рождения вообще отражена в очень древней общетюркской основе *йува*

[алт., хак. *уйа*], распространяющейся на такие понятия, как *гнездо, нора, берлога, колыбель* [Сагалаев, 1991: 78–79]. В башкирском фольклоре также присутствует образ колыбели и люльки со спящими в них обитателями потустороннего мира [БНТ. Т. 3: 99–106; БНТ. Т. 4: 322–328; Руденко, 1925: 71], являющийся метафорой инкубационного *пере-рождения* [Котов, 1997: С.22–23]. Поскольку в мировоззрении уральских народов центральное место среди хозяев-покровителей (наряду с птицей) занимает образ медведя [Микушев, 1978: 4–5; Гемуев, 1985: 138–139; Сагалаев, 1991: 75], можно предполагать существование в прошлом ритуальных медвежьих «жилищ». Таковыми могли быть, прежде всего, пещеры, поскольку они часто становились берлогами для бурых медведей в горных районах [Смирнов, Шурыгин, 1991: 167; Лазуткин, 1991], да и сам медведь всегда связывался с хтоническим миром (см. об этом выше). В прошлом у хантов и манси местом специального захоронения костей медведя служили пещеры, в которых и совершались жертвоприношения убитому зверю [Чернецов, 1957: 211]. Таким местом захоронения для угорских народов и их предков на протяжении нескольких тысяч лет служила Капинская пещера на Северном Урале [Капинец, 1964: 129].

Таким образом, ритуальный комплекс в пещере Заповедная эпохи верхнего палеолита демонстрирует, с одной стороны, сложность обрядов, связанных с почитанием пещерного медведя и его черепов, а с другой — достаточно неоднозначное отношение к пещерному хищнику, соединяющее в себе страх перед ним как противником (следы поврежденных черепов, заклинание черепов) и одновременно заботу о его останках, подобно тому, как это имеет место по отношению к родичам (захоронения в нишах, под сводами пещеры, скопления черепов и костей в укромных местах). О последнем свидетельствует и сам факт демонстрационного выставления черепов (комплексы В, Е, Ж). Наиболее значимыми чертами семантического содержания этих обрядов является ритуализированное отношение древних людей к черепам ископаемого (возможно и для них тоже) пещерного медведя и к пещере как особой сакральной субстанции, где «обитает» хозяин этого потустороннего мира. Особенности выявленных в пещере комплексов (выставление черепов, повреждение черепов (в обрядах?), ритуальное «ложе», череп на камне, захоронение черепов), находят аналогии в обрядах «медвежьего праздника» народов северной Евразии и прежде всего уральских народов [Васильев, 1948].

Следы почитания медведя встречены на Урале во все археологические эпохи. С эпохой мезолита связано единственное изображение медведя, сделанное из медвежьей кости, обнаруженное на стоянке Давлеканово в южном Приуралье [Матюшин, 1997: 18]. Из Башкирии же происходят клыки медведя с неолит-энеолитического поселения Муллино 2 [Матюшин, 1982: 258], а также скульптурное изображение на каменном песте — случайная находка [Обыденнов, Корепанов, 1997: 19, рис. 24, 1]. С эпохой бронзы связаны еще более многочисленные находки на различных памятниках Урала [Обыденнов, Корепанов, 1997: 46–48, рис. 54]. Изображения медведя в культурах раннего железного века и средневековья Приуралья и Зауралья говорят о сохранении стойкой традиции его почитания среди предков коренного населения Урала вплоть до недавнего

времени [Гемуев, 1985; Оборин, Чагин, 1988: табл. 36–43]. Не исключено, что той первоначальной территорией, на которой складывался «западный» (уральский) комплекс поклонения медведю, являлся и Южный Урал. Об этом свидетельствует наличие палеолитического святилища со следами медвежьего культа в пещере Заповедная, поскольку реконструируемые здесь обряды характерны, прежде всего, для уральской традиции.

Литература

- Бахтина, 1974:* Бахтина В.А. Пространственные представления в волшебной сказке // Фольклор народов РСФСР. Уфа. С. 81–91.
- БНТ. Т. 3:* Башкирское народное творчество. Т. 3: Богатырские сказки. Уфа, 1988.
- БНТ. Т. 4:* Башкирское народное творчество. Т. 4: Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа, 1989.
- Борд, 1972:* Борд Ф. Человек каменного века // Курьер ЮНЕСКО. Август–сентябрь.
- Васильев, 1948:* Васильев Б.А. Медвежий праздник // СЭ. № 4. С. 78–104.
- Гемуев, 1985:* Гемуев И.Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск. С. 137–144.
- Золотарев, 1934:* Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.
- Канивец, 1964:* Канивец В.И. Канинская пещера. М.
- Котов, 1997:* Котов В.Г. Мифология Южного Урала. К вопросу о реконструкции хтонических культов. Уфа.
- Котов, 1999:* Котов В.Г. Хтоническая мифология населения Южного Урала (К вопросу о реконструкции хтонических культов по данным археологии, этнографии и фольклора): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Кулемзин, 1985:* Кулемзин В.М. Сверхъестественные существа и шаманы в представлениях восточных хантов // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск. С. 134–137.
- Лазуткин, 1991:* Лазуткин А.Е. Берлоги буроого медведя в карстах Восточного Саяна // Медведи в СССР. Новосибирск. С. 186–189.
- Марушин, 1995:* Марушин В.А. Два путешествия к тайнам водопада «Атыш»: Путеводитель для семейного отдыха. Уфа.
- Матюшин, 1982:* Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М.
- Матюшин, 1997:* Матюшин Г.Н. Древнейшее население Южного Урала // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа. С. 17–26.
- Микушев, 1978:* Микушев А.К. Пермско-угорские контакты по данным фольклора // Фольклор народов РСФСР. Уфа. С. 3–10.
- Морозов, 1983:* Морозов Ю.А. Раскопки памятников в Центральной Башкирии // АО 1981 г. М.

Оборин, Чагин, 1988: Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.

Обыденнов, Корепанов, 1997: Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Искусство Урала и Прикамья. Эпоха камня и бронзы. Уфа.

Прокофьев, 1992: Прокофьев Г.Н. Из дневниковых записей / Гоген-Торн Н.И. Прокофьевы в Яновом стане // ЭО. № 4.

Руденко, 1925: Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Вып. 2. Птгр.

Сагалаев, 1991: Сагалаев А.М. Урало-Алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск.

Смирнов, Шурыгин, 1991: Смирнов М.Н., Шурыгин В.В. Бурый медведь в Туве // Медведи в СССР. Новосибирск.

Столяр, 1985: Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.

Тагиров, 1993: Тагиров Ф.М. Отчет 1993 г. // Архив ИА РАН.

Федоров, 1990: Федоров В.К. Отчет 1990 г. // Архив ИА РАН.

Федоров, 1995: Федоров В.К. Композиция с черепом пещерного медведя в пещере Заповедная // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии Башкортостана. Вып. 1. Уфа. С. 3–5.

Чернецов, 1957: Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. / МИА. № 58. М.

Ю.Б. Сериков*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА Р. ЧУСОВОЙ
(ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В среднем течении р. Чусовой (в 119 км ниже пещерного святилища на камне Дыроватом), на левом ее берегу, в устье р. Кумыш (Лысьвенский р-н Пермской обл.) была зафиксирована пещера. Находится она в 300 м выше устья р. Кумыш на правом ее берегу. Пещера расположена в скальном выходе в виде каменного ребра высотой 15–17 м, ее высота над уровнем реки – всего 4 м. Она представляет собой полость в виде гигантской щели длиной до 9 м и высотой до 5 м. Ширина ее – всего около 2 м. Устьем пещера ориентирована почти строго на север с небольшим отклонением к западу. Солнце в пещеру не заходит совсем. Только около 8 часов вечера в течение получаса освещается полметра привходового пространства. Площадки перед пещерой практически нет, пол ее сразу за капельной линией почти отвесно обрывается к реке. Несмотря на низкое расположение над водой, пещера сухая. Пол у нее ровный, слегка покаты к выходу.

В 1998–1999 гг. пещера исследовалась экспедицией Нижнетагильского государственного педагогического института под руководством автора. Вскрыто 8 кв. м. Стратиграфия пещеры очень простая. Сверху идет черный пылевидный слой, насыщенный мелкой щебенкой и содержащий культурные остатки в виде керамики, каменных и костяных изделий, костей животных. Мощность черного слоя около 30 см, ближе к выходу она возрастает до 40 см (в расщелине). Культурные остатки верхнего слоя свидетельствуют о том, что в эпоху неолита (?), бронзы, раннего железа и средневековья здесь функционирова-

* Сериков Юрий Борисович – кандидат исторических наук, профессор Нижне-Тагильского педагогического института, г. Нижний Тагил.

© Сериков Ю.Б., 2001.

ло святилище. Под черным слоем идет слой коричневатый. Ближе к выходу он более супесчаный, в глубине пещеры – более глинистый. На контакте этих слоев также были сделаны находки, культурная и хронологическая принадлежность которых пока не ясна. Мощность коричневой глины однородна по всей длине пещеры и составляет 40–50 см. Как показали раскопки, вдоль стен пещеры идут карнизы шириной 50–60 см и с ровной поверхностью. Между карнизами вдоль продольной оси пещеры по ее центру зафиксирована расселина. Ширина ее около 30 см у входа и около 60 см в глубине пещеры. Расселина исследована пока на глубину 50–60 см от полок карниза и на 130 см от уровня пола пещеры. Слой коричневой глины был насыщен костями плейстоценовых животных и каменными изделиями.

В глубине пещеры (кв. 8) на плоскости западного карниза в 25 см от стенки обнаружен вертикально стоящий череп дикой лошади. Со всех сторон он был обложен камнями размером с кулак. Череп сохранился практически полностью за исключением передних резцов (два резца были найдены у входа в пещеру). Зубами череп был обращен на юг. Обломки нижней челюсти лошади зафиксированы на соседних квадратах.

Следует отметить, что на 3 и 4-м метрах (от входа) расселина была завалена камнями. Могло показаться, что этот завал образовался от обрушения потолка пещеры. Однако в отличие от других чусовских пещер плейстоценовая глина Кумышанской пещеры содержала удивительно мало камней. Возможно, это связано с вертикальным расположением слоев известняка, в которых находится пещера, а возможно, камни намеренно убирались из пещеры. Разборка завала в расселине показала, что под камнями находятся целые, нераздробленные кости животных. Практически все крупные и целые кости обнаружены в расселине под камнями. Например, на первом метре расселины найдена берцовая кость лошади. Она лежала горизонтально, параллельно стенкам на глубине 95 см. Под берцовой костью залежала расслоившаяся нижняя челюсть северного оленя с двумя зубами (гл. 97 см). Рядом с челюстью был найден отщеп. Еще ниже на глубине 115 см находилась лучевая кость северного оленя. На втором метре расселины обнаружены плечевые и очень крупная берцовая кость северного оленя, на третьем метре – еще одна берцовая и локтевая кости северного оленя, на четвертом метре – таз и берцовая кость лошади. Удивляет тот факт, что, находясь среди камней, указанные кости не раздроблены, а целые. Рядом с костями находились кремневые отщепы и осколки. Необходимо отметить, что глыбовый завал заканчивается строго на уровне полок карнизов. Все это позволяет считать, что кости в расселине заложены камнями были намеренно. Также намеренно была завалена камнями и расселина. Причем ее заложили таким образом, чтобы выровнять пол пещеры и тем самым увеличить его полезную площадь.

В 30 см к востоку от черепа лошади зафиксировано скопление зубов (5 экз.) из верхней челюсти северного оленя и фрагменты его черепа. Здесь же найдена часть нижней челюсти с тремя зубами. Это дает основания предположить, что на данном месте находился череп северного оленя, впоследствии разрушенный. Под остатками черепа на уровне глыбового завала в расселине

залегала нижняя челюсть годовалого (?) мамонтенка. Внутри ее найден зуб из верхней челюсти шерстистого носорога.

Следует также отметить, что у входа в пещеру на кв. 1 в верхней части плестоценовой глины найдено ребро человека.

Фаунистический комплекс пещеры полностью еще не обработан. Пока определены целые кости и крупные их фрагменты, которые были зафиксированы на плане раскопа (определения выполнены П.С. Косинцевым, которому автор выражает свою искреннюю благодарность). Таких костей оказалось 125 экз. Почти половина – 47,6% – принадлежит северному оленю, 24,2% – дикой лошади, песцу – 10,5%. Остальные виды представлены единичными костями: мамонт, носорог, бизон, медведь, лось, бобр, заяц.

Анализ костей по частям скелета, представленным в пещере, дал интересные результаты. Выяснилось, что 47,6% всех костей представляют головы животных (зубы, фрагменты черепов и нижних челюстей). Головы северного оленя представляют 44,1% костей, лошади – 30% (но среди них – целый череп), песца – 100% (3 верхних и 7 нижних челюстей, а также 3 зуба). Кости ног суммарно представлены 44,3% костей. Причем северный олень представлен 49,1% костей, а лошадь – 63,3%. Все остальные части скелета представлены 8,1% костей. Таким образом, суммарно кости головы и ног составляют 91,9% всех костей. По северному оленю этот процент составляет 93,2%, а по лошади – 93,3%. Данные результаты полностью совпадают с археологическими критериями, выделенными П.А. Косинцевым для святилищ Урала и Западной Сибири [Косинцев, 1996: 41].

Следует добавить, что в расселине кроме костей и каменных изделий найдено 4 костяных отщепов и сильно залощенный фрагмент кости, на котором отмечено 10 поперечных линий, прорезанных каменным ножом. Также из плейстоценового слоя происходит большой костяной отщеп со струганной поверхностью.

Каменный инвентарь пещеры содержит 52 кремневых изделия. Интересно отметить, что у входа в пещеру на кв. 1 обнаружено скопление отщепов из 22 экз. Залегали они в пятне серовато-коричневого цвета. И везде, где в плейстоценовой глине шли сероватые пятна, обнаруживались отщепы и осколки. В глубине пещеры кремневые изделия были единичны. Но они были, и не только на полках карнизов, но и в расселине. Один из отщепов залегал в расселине строго под челюстью мамонтенка на глубине 129 см.

Типологически комплекс каменных изделий выглядит чрезвычайно бедным. Он представлен аморфным нуклеидным куском, 28 отщепами, 20 осколками, плиткой кремнистой породы и 2 отщепами с краевой ретушью. Четко выраженных орудий в пещере не обнаружено. Почти все изделия изготовлены из кремня черного, темно-коричневого и светло-коричневого цвета. Кремень имеет местное происхождение, исходная форма – гальки. Практически весь кремень плохого качества: трещиноват, при расщеплении образует занозистые сколы. Только 4 отщепы изготовлены из местных халцедонов неплотного качества. Халцедоны имеют сиреневатый оттенок. Они встречаются в галечниках Чусовой. Такие же халцедоновые изделия выявлены в палеоли-

тическом слое Усть-Койвинской пещеры на камне Дыроватые Ребра. Это 26-ю километрами ниже по течению реки. По составу каменного инвентаря комплекс Кумышанской пещеры также близок коллекции Усть-Койвинской пещеры. Законченные изделия в ней также единичны (всего 2 скребка и 3 пластины неправильного гранения), основную часть составляют отщепы и осколки – 36 экз.

Кроме кремневых изделий в пещере присутствует галечный комплекс. Он представлен отбойником из кварцевой гальки и 15-ю известняковыми гальками. Из них 3 гальки целые, 7 – расколотые, 2 гальки имеют следы оббивки. Сюда же входят 3 галечных отщепа. Особенность галек – целых и расколотых – все они плоские. Интересны обработанные гальки. Одна из них имеет большие размеры – 16,5х10,7 см и толщину 2,5 см. Один из торцевых краев ее оббит с двух сторон. Вторая галька имеет меньшие размеры: длина ее 9,2 см, ширина – 6 см. Одна сторона гальки плоская, даже слегка вогнутая, вторая – сильно выпуклая. Следы оббивки присутствуют на обоих торцевых краях. На одном конце галька оббита только с вогнутой стороны, на другом – с обеих. При этом скол с вогнутой стороны образовал сильно скошенную площадку, с которой и происходила обработка выпуклой стороны гальки. В целом изделие сильно напоминает чешуйчатое орудие типа *pièce escaillees*.

Многосторонний анализ находок и условий их залегания позволяет считать палеолитический комплекс Кумышанской пещеры культовым, а саму пещеру – святилищем эпохи верхнего палеолита. Прежде всего об этом свидетельствует стоящий вертикально и обложенный камнями череп дикой лошади. Возможно, частью древнего демонстрационного комплекса являлись нижняя челюсть мамонтенка и череп северного оленя. Анализ фаунистических остатков – свыше 90% костей головы и ног – даст еще один аргумент в пользу данного предположения. Невыразительный каменный инвентарь абсолютно не характерен для поселенческих комплексов. А обилие отщепов и осколков может являться отражением каких-то культовых действий, в основе которых лежал принцип расщепления камня. Об особом отношении к расщеплению камня свидетельствовал В.Т.Петрин, когда рассматривал негативы древних сколов на стенах Игнатьевской пещеры [Петрин, 1992: 78–80]. Он приводит примеры со стоянкой Черноозерье II, где около очага наземного жилища в углублении было найдено около 100 отщепов кварцита, употребление которого в хозяйственных целях маловероятно [Петрин, 1992: 81]. Описывая хрустальный комплекс с озера Большие Аллаки, В.Т.Петрин подчеркивает, что раскалывание камня (в данном случае хрусталя), по всей видимости, было одним из элементов своеобразных культовых действий [Петрин, 1992: 82]. Особое отношение к расщеплению камня можно обнаружить и в более поздних комплексах. Так, при раскопках у подножья Писаного камня на р. Вишере, О.Н.Бадер отмечал наличие на святилище 250 нуклеидных бесформенных кусков и около 400 отщепов и осколков [Бадер, 1954: 252]. Подобные комплексы колотого камня обнаружены автором в голоценовых слоях пещерных святилищ р. Чусовой – на камнях Дождевой, Котел и Дыроватые Ребра [Сериков, 1996: 75].

Таким образом, есть все основания считать, что пещера Кумышанская в верхнем палеолите служила святилищем, центральной частью которого был демонстрационный комплекс в виде вертикально поставленного черепа лошади, а также черепа северного оленя и нижней челюсти мамонта. Возможно, особую роль в этом святилище играла расселина со всем ее содержимым. Демонстрационные комплексы с черепами пещерного медведя выявлены на Южном Урале в пещере Заповедной [Котов, 1997: 42–45]. Имеется устная информация о том, что в районе Чаньвинской (Вогульской пещеры на р. Чапыве в небольшом гроте Е. П. Близначев обнаружил стоящий на камне череп пещерного льва. Следовательно, вполне определенно можно предполагать, что на Урале выявляется целый пласт палеолитических пещерных святилищ, центральными объектами которых являлись демонстрационные комплексы в виде черепов медведя, льва и, возможно, северного оленя.

Если подвести некоторые итоги изучению палеолитических святилищ на Урале, то можно увидеть, что, кроме еще недавно считавшихся единственными палеолитическими святилищами с наскальными росписями (Каповой и Игнатьевской), на Урале уже известны и святилища другого рода. К наиболее достоверным в настоящее время можно отнести Большие Аллаки II с его необычным хрустальным комплексом (78,5% всех изделий изготовлено из горного хрусталя) [Жилина, Петрин, 1989]. 2500 сброшенных рогов северного оленя в Медвежьей пещере и 26 сброшенных рогов в Уньинской пещере, а также другие особенности комплексов позволили П. Ю. Павлову предположить наличие в этих пещерах культовых сооружений эпохи верхнего палеолита [Павлов, 1996: 84–90]. Необычный костяной инвентарь в сочетании с пятнами охры на стене грота являются остатками свособразного верхнепалеолитического святилища, выявленного в гроте Большом Глухом на р. Чусовой [Гуслицер, Павлов, 1987: 12]. Все эти факты свидетельствуют о том, что культовая практика верхнего палеолита была гораздо более разнообразной и многогранной, чем представлялось ранее. Соответственно, разнообразными должны быть и памятники культового характера, что в полной мере подтверждается уже выявленными палеолитическими святилищами.

Полученные данные, накопленные при исследовании палеолитических святилищ, должны подтолкнуть исследователей к переосмыслению уже известных комплексов. В этом плане интересно рассмотреть материалы некоторых среднеуральских пещер.

В пещере на камне Котел (среднее течение р. Чусовой) обнаружено скопление костей животных диаметром около 60 см и мощностью 31 см. Внутри скопления отмечен небольшой очажок. Следовательно, он был разложен прямо на скоплении костей, а затем и перекрыт слоем костей толщиной 12 см. В таком порядке действий можно увидеть следы какого-то культового обряда. В скоплении найдено свыше 500 костей животных, среди которых преобладали кости северного оленя и дикой лошади. Большое количество зубов лошади позволяет предполагать, что в скоплении находился и ее череп. Любопытно отметить, что в 40 см от скопления костей был оставлен прекрасного качества хрустальный нуклеус высотой 4,6 см [Сериков, 1997: 121].

Представляет интерес и уже упоминавшаяся в работе пещера на Камне Дыроватые Ребра (Усть-Койвиская). У входа в пещеру был выявлен палеолитический очаг, возле которого найдено две роговые мотыги. Лежали они парой, вогнутыми сторонами обращенные друг к другу. Этим самым мотыги образовывали незамкнутое кольцо. Одна мотыга украшена орнаментом в виде коротких насечек. Комплекс каменных изделий из пещеры уже описан выше, он представляет полную аналогию с комплексом Кумышанской пещеры. Остается непонятным, по какой причине два абсолютно целых (и ценных) роговых орудия были оставлены в пещере. Забыть их не могли, потерять – тоже. Тот факт, что мотыги лежали у очага в определенном положении, позволяет допустить, что они были оставлены намеренно. Следовательно, их присутствие в пещере могло быть связанным с каким-то культовым обрядом.

Грот Зотинский находится на р. Багаряк на севере Челябинской области. Авторы раскопок отмечают крайнюю непригодность грота для проживания. Размеры его очень небольшие (площадь около 8 кв. м), находится в нем можно только в полусогнутом положении. Пол грота слегка понижается вовнутрь, а предвходовая площадка, наоборот, очень круто падает к реке. Находится грот на высоте 11 м над уровнем воды. Раскопками получено около 750 определенных костей животных, среди которых преобладают кости лошади – 62,9% и северного оленя – 17,9%. В.Т.Петрин считает, что, несмотря на неудобную топографию грота, он обладал определенными преимуществами при организации и производстве охоты. Грот расположен на скалистой гряде, которая отвесно обрывается к реке. Мысообразная форма гряды, по мнению В.Т.Петрина, делала ее своеобразной ловушкой, самой природой приготовленной для загона диких лошадей и северных оленей. При таком способе охоты грот Зотинский оказывался ближайшим укрытием, где можно было переждать непогоду и разделать добычу [Петрин, Смирнов, 1977: 61–69]. При первом рассмотрении предлагаемая реконструкция представляется достаточно убедительной. При детальном же – возникает целый ряд вопросов. Использовался ли грот для укрытия от непогоды? Площадь грота с трудом могла вместить 5–7 человек. Обычно же в загонной охоте участвует большое число людей. Где укрывались остальные? К тому же в гроте отсутствует очаг. Производилась ли в гроте разделка добычи? Трудно представить древних охотников, которые, испугавшись непогоды, затащили бы по очень крутому склону на высоту 11 м в неудобное укрытие 14 туш лошадей и 6 туш оленей. Обычно добычу разделявали и разделяют на месте убийства. Изучение плана палеолитического горизонта грота и его профилей показывает, что культурные остатки (кости и каменные изделия) залежали практически в центре грота узкой полосой (не более 50 см шириной) в трехметровой расселине, образованной, с одной стороны, спускающейся каскадами стенкой грота, а с другой – монолитными блоками, лежащими на дне грота. Ни о какой разделке туш в подобной ситуации говорить не приходится. Кости животных насыщают слой глины мощностью 1,4 м. Следовательно, их накопление происходило не однократно, а постепенно. Залегание костей в расселине выявлено и в Кумышанской пещере. Автору пока не известно, были ли в гроте

Зотинском остатки черепов и какое соотношение костей (по частям скелета) представлено в гроте. Однако в свете вышеизложенных фактов грот Зотинский никак нельзя трактовать как временное укрытие от непогоды и место разделки добычи. Скорее всего, скопление костей в расселине у стены можно считать культовым объектом, а сам грот – еще одним специфическим палеолитическим святилищем. Во всяком случае, данное предположение снимает практически все вопросы и объясняет как неудобную топографию грота, так и планиграфию, стратиграфию и состав находок.

Литература

Бадер, 1954: Бадер О.Н. Жертвенное место под Писанным камнем на р. Вишере // СА. Т. XXI.

Гуслицер, Павлов, 1987: Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Северо-Востока Европы. Сыктывкар.

Жилина, Петрин, 1989: Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озерного края (к проблеме появления культовых мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя. Свердловск.

Косинцев, 1996: Косинцев П.А. Археозоологические критерии святилищ Урала и Западной Сибири // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь.

Котов, 1997: Котов В.Г. Следы культа пещерного медведя на Южном Урале по данным пещеры Заповедная // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа.

Павлов, 1996: Павлов П.Ю. Палеолитические памятники Северо-Востока Европейской части России. Сыктывкар.

Петрин, 1992: Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Петрин, Смирнов, 1977: Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск.

Сериков, 1996: Сериков Ю.Б. Культовые комплексы реки Чусовой // Полевой симпозиум «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь.

Сериков, 1997: Сериков Ю.Б. Палеолитические пещеры реки Чусовой и проблема первоначального заселения Среднего Зауралья // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа.

*С.В. Богданов, В.Г. Котов**

НОВАЯ НАХОДКА ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Положение о том, что Южный Урал являлся в древности центром духовной активности [Петрин, 1992: 156; 1999; Абрамова, 1995] подтверждается случайной находкой в Оренбуржье.

В начале 70-х годов в Оренбургский краеведческий музей был принесен обломок плиты с изображением. По описанию находчиков (имена их не сохранились), плита была обнаружена на Илекском плато в верховьях р. Донгуз (рис. 1). Она представляла собой панно из нескольких десятков фрагментированных изображений животных (среди них ими было опознано изображение медведя) и людей в однотипной манере высокого барельефа. Фрагменты плиты были обнаружены во время выравнивания полей, и все они были уничтожены. Уцелел лишь один с наиболее сохранившимся изображением (рис. 2). Этот фрагмент был со всех сторон оббит молотком с целью удаления «лишних» участков – для удобства транспортировки.

Материал, из которого сделано изображение, скорее всего, является мягким известняком (?). Точное местонахождение находки неизвестно, поэтому осмотр этого места, произведенный С.В. Богдановым, новых находок не дал.

Изображение имеет размеры 18х20,5 см и сделано на плите 8 см толщиной (рис. 2). Барельеф представляет собой изображение оленя (лани?), сделанное в технике высокого барельефа: в отдельных местах его высота достигает 2 см. Фигура животного вписывалась в выпуклую часть плиты, а пространство вокруг контура углублялось, формируя в скульптурной манере округлые поверх-

* *Богданов Сергей Вячеславович* – кандидат исторических наук, ведущий археолог Института степи УрО РАН, г. Оренбург; *Котов Вячеслав Георгиевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ОА ИИЯЛ УНЦ РАН, г. Уфа.

© Богданов С.В., Котов В.Г., 2001.

ности туловища. Обращает на себя внимание мастерство, с каким выполнено изображение животного: соблюдены основные пропорции, туловище передано округлыми, плавными очертаниями. Ноги выпрямлены и, кажется, напряжены. Тело подано чуть назад, как перед прыжком. Ощущение беспокойства животного подчеркнуто повернутой назад головой. Она передана в той же манере – без проработки деталей, в форме закругленного вытянутого треугольника. Лишь маленькие рога в форме «веточек» изображены в искаженной перспективе: во фронтальной позиции. В целом необходимо отметить, что данное изображение явно обладает обобщенно-символической образностью и имеет черты канона, сформировавшегося внутри техники именно высокого барельефа. Об этом свидетельствуют умение мастера прорабатывать в камне округлый объем и сама упрощенность изображения по сравнению с рисунком. С другой стороны, динамика и относительная точность и грацильность частей тела оленя, при их относительной объемности не могли сформироваться под исключительным влиянием скульптурной изобразительной традиции. О том, что в данном случае мы имеем дело с давней традицией изготовления монументальных барельефов, свидетельствуют и упоминаемые находчиками другие изображения «панно». По мнению С.В. Богданова, этот олень вместе с другими барельефами был частью скального навеса, который в древности обвалился, что и спасло их от естественного разрушения.

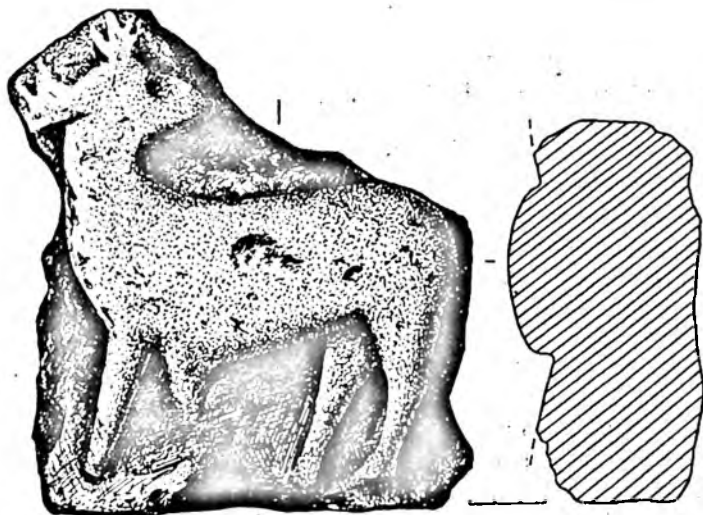

Р и с. 1. Местонахождение догузской плиты (указана треугольником)

Аналогов данному барельефу и «панно» неизвестно ни на Урале, ни на территории Северной Азии и Восточной Европы. Особая пластика – мягкие

женственные обводы туловища, передача рогов в слегка искаженной перспективе, положение пог, а также техника высокого барельефа имеют аналогии в верхнепалеолитическом искусстве Западной Европы. В частности, техника исполнения сходна с известными барельефами в гротах Лоссель, Кап Блан, Мамонта, Ля Кальвин, Рок де Сер, Фурно-дю Дьябль и др. [Breul, 1952; Graziosi, 1960; Столяр, 1985; Bahn, Vertut, 1988]. Изображения животных с повернутой назад головой довольно распространены в мадленском искусстве Западной Европы, они например, присутствуют в таких известных пещерах, как Ляско, Пер-нон-Пер (обе во Франции), Левацо (Италия) и др. [Breul, 1952; Graziosi, 1960; Столяр, 1985]. Нередки изображения и с рогами-«всточками» [Graziosi, 1960, tav. 190, 206, 233].

Учитывая все вышесказанное, можно предположить *солютре-мадленский* возраст донгузского изображения. Тем более, что именно к этому времени относится расцвет техники барельефа в Западной Европе [Абрамова, 1971: 36].

Р и с. 2. Донгузский барельеф.
Рис. С.В. Богданова

Данный вывод автоматически снова ставит вопрос о характере появления данной традиции в степях Южного Урала за тысячи километров от места ее сложения. Необходимо исключить медленную, в течение столетий, миграцию какой-то группы западноевропейского населения. В этом случае неизбежна утрата ими не только изобразительного канона, но и технической традиции изготовления монументальных барельефов из камня, хотя бы по причине отсутствия подходящих скальных поверхностей. Соответственно речь может идти только об *одномоментном* переселении западноевропейского населения в эпоху солютре-мадлена на территорию Южного Урала. Возможно, этим же

можно объяснить и сам факт структурного и формального сходства палеолитических пещерных святилищ Южного Урала с западноевропейскими, отмечаемый всеми исследователями [Бадер, 1965; Петрин, 1992; Щелинский, 1996; Абрамова, 1997].

Конечно, данные выводы имеют только предварительный характер. Необходимы дальнейшие исследования как самого изображения, так и места, где оно было найдено. Важен сам факт того, что на Южном Урале были барельефные изображения, в том числе на открытых скальных поверхностях или внутри неглубоких гротов и навесов. Их надо искать, и новые открытия не заставят себя ждать.

Литература

Абрамова, 1971: Абрамова З.А. Апри Брейль (1877–1961) и относительная хронология палеолитического искусства // Первобытное искусство. Новосибирск. С. 22–39.

Абрамова, 1995: Абрамова З.А. Рец.: В.Т.Петрин. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука. 1992 // СА. 1995. № 1. С. 217–221.

Абрамова, 1997: Абрамова З.А. Пещера Шульган-таш (Капова) – палеолитическое святилище мирового значения // Пещерный палеолит Урала: Материалы межд. конф. Уфа. С. 52–55.

Бадер, 1965: Бадер О.Н. Капова пещера. М.

Петрин, 1992: Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск.

Петрин, 1999: Петрин В.Т. К проблеме выделения уральского центра палеолитической пещерной живописи // XIV Уральское археологическое собрание. ТД. Челябинск. С. 36–37.

Столяр, 1985: Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.

Щелинский, 1996: Щелинский В.Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-таш (Каповой). Уфа.

Bahn P.G., Vertut J., 1988: Images of the Ice age. Winward.

Breuil H., 1952: Quartre centes sieeles d'art parietal. Montignac.

Graziosi P., 1960: L'Art dell'antica eta' della Pietre. Sansoni. Firenze.

Ю.Б. Сериков*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРЫ РЕКИ ЧУСОВОЙ И ПРОБЛЕМА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Река Чусовая – это единственная река, пересекающая Уральский хребет с востока на запад. Длина ее составляет около 700 км, и почти на всем своем протяжении она протекает по горной стране, изобилующей пещерами.

Нас интересует среднее течение р. Чусовой от с. Усть-Утка до г. Чусового (197 км). Именно на этом участке Чусовая прорывается через горные хребты Большого Урала и меняет свое направление с юго-западного на западное. По берегам реки на данном отрезке зафиксировано 44 пещеры. В 15 из них обнаружены культурные остатки различных эпох – от палеолита до средневековья. Но только 3 пещеры из 44-х исследованы полностью. Это пещера в камне Дождевом, 4-я пещера в камне Дыроватом и пещера в камне Котел. Одна пещера – в камне Большом Глухом – раскопана частично. Еще 11 пещер обследованы археологами визуально или с незначительной шурфовкой (обычно до первого глыбового горизонта).

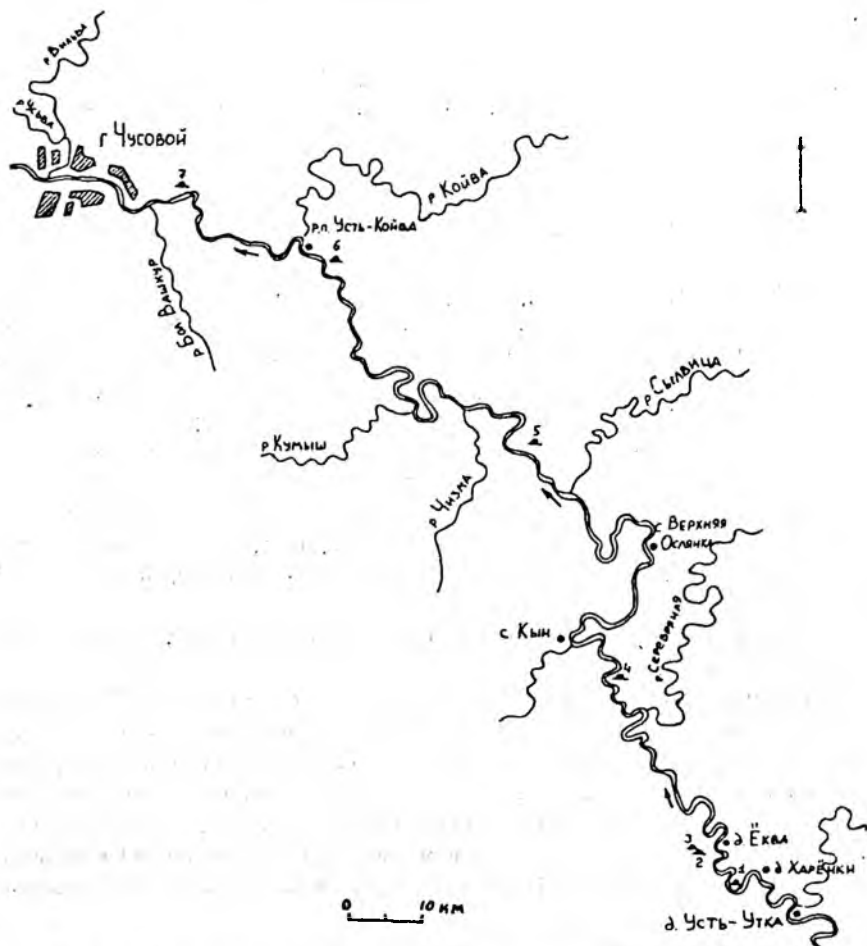
Несмотря на слабую археологическую изученность участка, следы палеолита обнаружены уже в 7 пещерах.

Грот в камне Дождевом находится в 11 км ниже с Усть-Утка Пригородного района Свердловской обл. (рис. 1). Он расположен на высоте 14 м над водой. Площадь его незначительна – всего около 5 кв.м. Грот экспонирован на юго-юго-запад. В нем зафиксированы культурные остатки мезолита (следы посещения), неолита (2 погребения) и раннего железного века (святилище). Все эти остатки залегают в верхнем слое светло-коричневой глины до первого глыбового горизонта. Ниже его ни одной находки не обнаружено.

* Сериков Юрий Борисович – кандидат исторических наук, профессор Нижне-Тагильского педагогического института, г. Нижний Тагил

© Сериков Ю.Б., 2001.

Только кости плейстоценовых животных насыщают глину вплоть до 2 м глубины [Сериков, 1993: 121]. Плейстоценовый слой содержит кости зайца (138/14), северного оленя (44/7), песца (8/3), горностая (2/1), норки (1/1), сайги (1/1), лошади (1/1), бизона (1/1), волка (1/1), мелких (59) и неопределимых (161) млекопитающих, птицы (150), щуки (5) и карповых (6) [Сериков, 1993: 126]. Если присутствие костей зайца, птицы и других мелких животных можно связать с деятельностью хищника или хищной птицы, то 44 кости северного оленя от 7 особей вполне могли быть остатками охотничьей добычи древнего человека. Наличие отдельных уголков среди костей животных, даже несмотря на отсутствие предметов материальной культуры, позволяет обозначить данный слой как слой посещения.

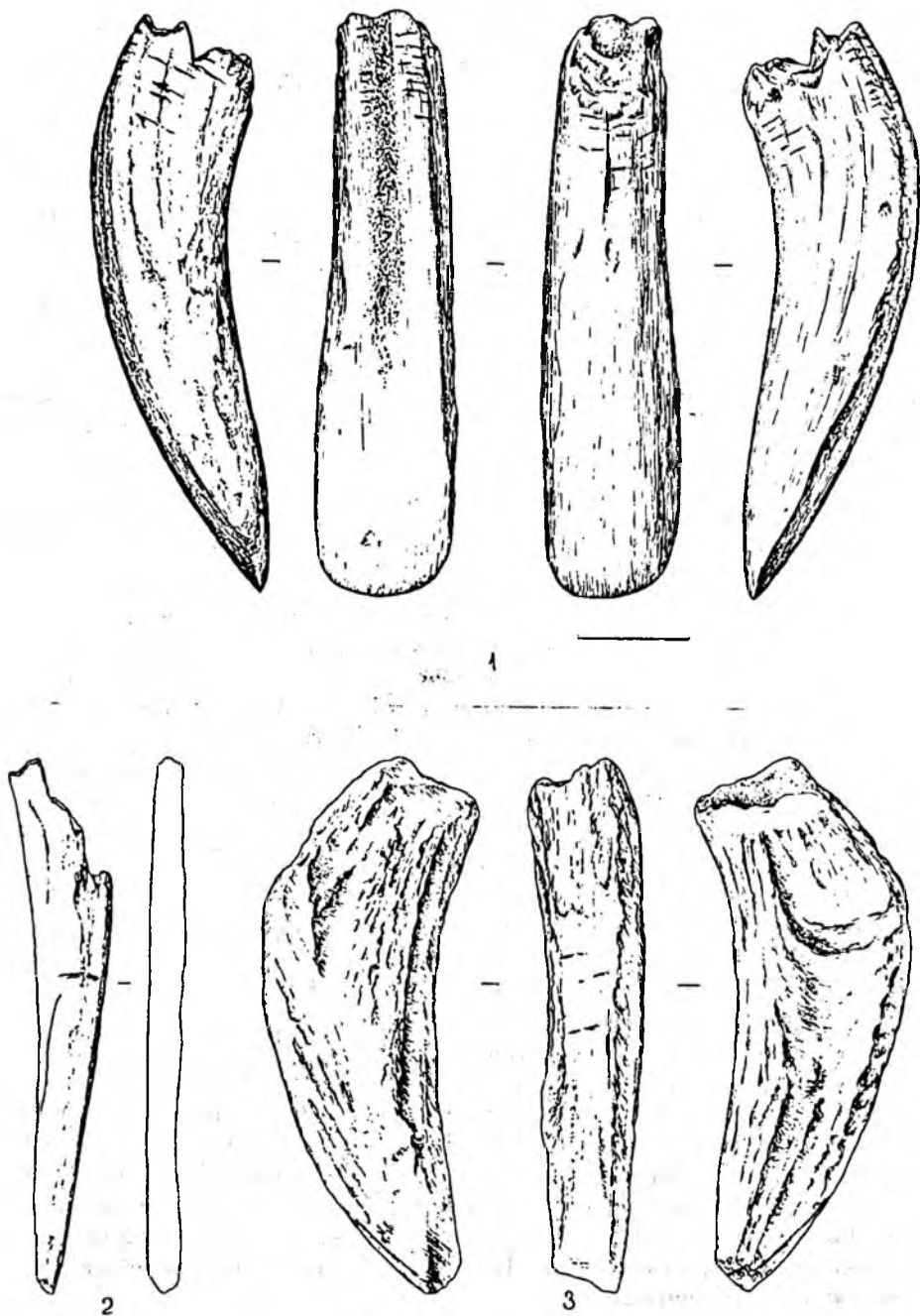
Р и с. 1. Расположение пещер с палеолитическими остатками на р. Чусовой: 1 – грот в камне Дождевом; 2 – 4-я пещера на камне Дыроватом; 3 – 5-я пещера на камне Кирличном; 4 – пещера на камне Котел; 5 – пещера на камне Котел; 6 – 3-я пещера на камне Дыроватые Ребра; 7 – грот на камне Большой Глухой

Шестью километрами ниже находится уникальное пещерное святилище на камне Дыроватом (рис.1). Скала камня высотой от 50 до 80 м протянулась почти на километр. На камне известно 6 пещер. Четвертая пещера, в которой находится святилище, расположена на отвесной скале высотой 60 м. От подножья скалы она находится на высоте 20 м, от уровня воды – на высоте 33 м. Вход пещеры размером 8x5 м экспонирован на юго-восток. В святилище найдено около 19 тыс. наконечников стрел из камня, кости, меди, бронзы, железа. Они представляют все археологические эпохи от мезолита до средневековья. Для верхней части нижнего слоя имеется радиоуглеродная дата – 13757 ± 250 лет до нашего времени (ИЭМЭЖ – 1140) [Сериков, 1996]. Эта дата дала возможность предположить, что святилище начало функционировать в конце палеолита. Были высказаны предположения, какие типы наконечников стрел из уже найденных могли бы относиться к палеолитическому времени [Сериков, 1997 а]. Однако исследование плейстоценового слоя пещеры в сезоне 1997 г. палеолитических наконечников стрел не выявило. Тем не менее вопрос о начале функционирования святилища в эпоху палеолита, на взгляд автора, закрывать еще рано. Остается непонятным, каким образом кости плейстоценовых животных (в том числе и крупных) могли попасть в пещеру, расположенную на отвесной скале, куда ни человек, ни зверь забраться не могли. На настоящий момент приходится оперировать уже опубликованными данными, так как плейстоценовые кости двух последних лет раскопок еще не определены (а их число весьма значительно). На настоящий момент в пещере выявлены кости северного оленя (27/7), дикой лошади (8/4), бизона (6/2), носорога (1/1), сайги (2/2), зайца (30/5), песца (2/2), млекопитающих (7), птицы (20), неопределимые (7). Если кости мелких животных могли быть подняты в пещеру хищной птицей, то как в нее попали кости крупных животных, – остается загадкой. Предположения оппонентов о наличии второго входа в пещеру или о ее доступности в эпоху палеолита фактами пока не подтверждаются.

Полукилометром ниже святилища находится 5-я пещера камня Дыроватого (рис.1). Прямо на поверхности входного грота было собрано 14 расколотых костей плейстоценовых животных: носорога, лошади, северного оленя, песца и зайца. Археологических исследований в пещере не проводилось, поэтому говорить о наличии в ней культурного слоя пока преждевременно.

В 44 км ниже Дыроватого располагается камень Кирпичный (рис.1). В нем обнаружено 2 небольших пещерки. Одна из них больше напоминает нору – узкий лаз высотой менее метра тянется на 5–7 м. Прямо на полу пещерки найдено костяное изделие в виде острия длиной 14,7 см (рис. 2, 2). Оно изготовлено из расколотой кости мамонта – толщина изделия достигает 1 см. Появление палеолитического изделия в пещерке, практически полностью лишенной рыхлых отложений (их толщина у входа составляет всего 6–7 см), остается непонятным.

Еще через 52 км ниже по течению реки на границе Свердловской и Пермской областей находится пещера в камне Котел (рис.1). Располагается она на высоте 8 м от уровня реки. Вход имеет довольно правильную форму арки.

Р и с. 2. Изделия из кости и рога: 1, 3 – роговые мотыги из пещеры на камне Дыроватые Ребра; 2 – костяное острие из пещеры на камне Кирпичный

Ширина входа 5,5 м, высота 3 м. Пещера экспонирована на юго-восток. Длина ее около 13 м. Раскопками вскрыта вся наиболее перспективная часть пещеры площадью 30 кв.м (привходовая часть и площадка). Раскопки выявили культурные остатки палеолита, мезолита, энеолита, раннего железа и средневековья [Сериков, 1997 б: 120].

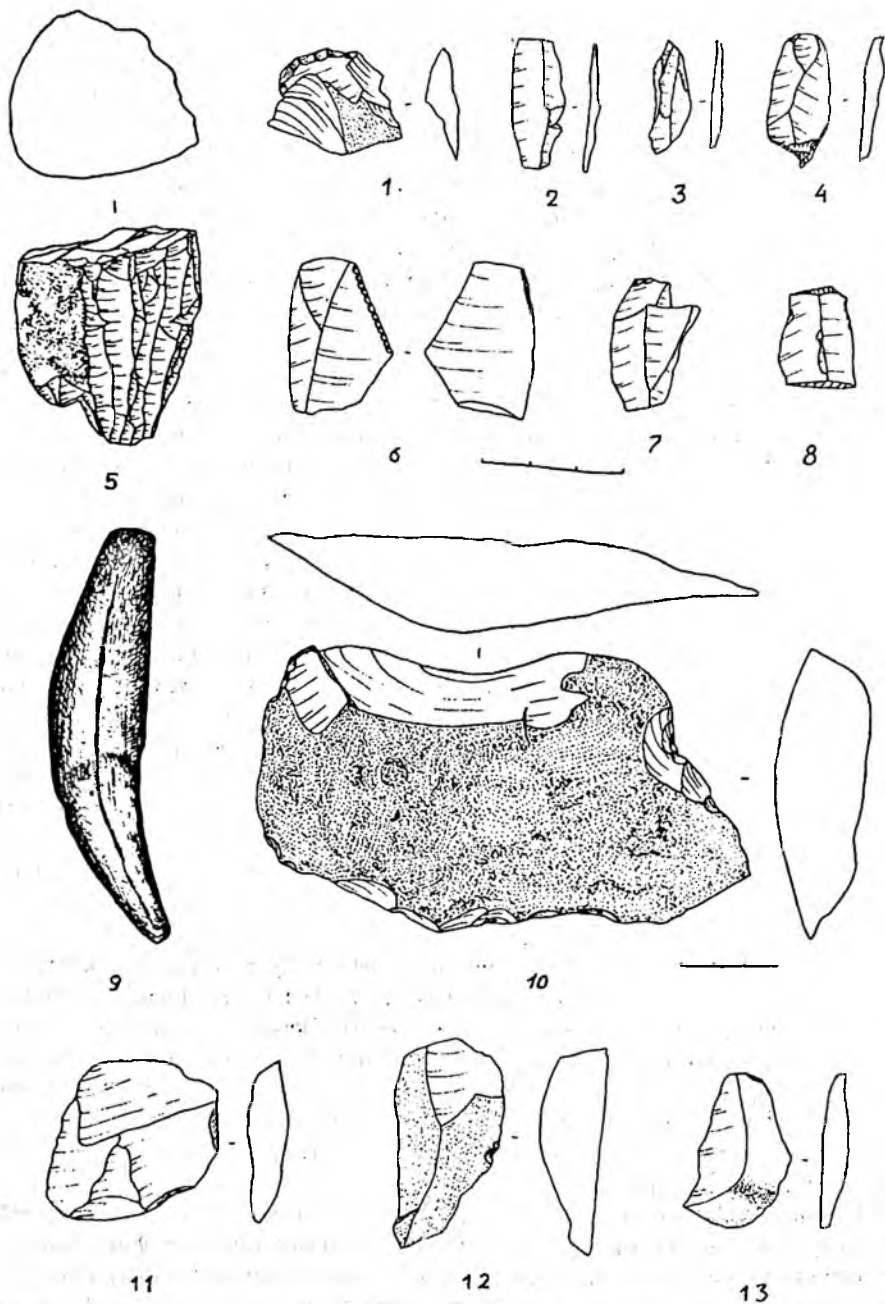
В пещере обнаружено 2 палеолитических кострища и скопления костей вокруг них. В одном скоплении найдено свыше 500 костей животных. Кости северного оленя (40/3), дикой лошади (36/2) и зайца (61/5) преобладали. Кроме них тут же залегали кости носорога (3/2), бизона (4/1), пещерного медведя (4/1), волка (3/2), лисицы (4/1), песца (4/2). Все кости плейстоценового возраста имеют характерную пятнистую окраску.

К кострищам приурочены и все находки каменных изделий. Их немного: нуклеус высотой 4,6 см, изготовленный из гальки горного хрусталя (рис 3, 5); сечение ножевидной пластины шириной 1,5 см из черного кремнистого сланца (рис. 3, 8); ножевидная пластина с ретушью со спинки и с брюшка из высококачественной зеленой яшмы (рис. 3,6); отщеп из кремнистого сланца неважного качества (рис. 3,7). К палеолитическому комплексу можно отнести и 3 костяных отщепов, сбитых с костей шерстистого носорога. Под вторым глыбовым завалом обнаружено 5 зубов пещерного льва (среди них клык длиной 9 см (рис. 3, 9) и 2 десятка костей других животных. 2 кострища в центральной части пещеры свидетельствует о двух посещениях ее в палеолитическое время. Нижний костеносный слой появился, возможно, в результате еще одного посещения пещеры [Сериков, 1997б: 121–123].

В 49 км от камня Котла у пос. Усть-Койва Горнозаводского района Пермской области находится камень Дыроватые Ребра (рис. 1). На этом камне известно 3 пещеры и каменная арка. Третья пещера находится на высоте 13 м от уровня воды. Пещера имеет арочный вход шириной 3,2 м и высотой 2,5 м, ориентированный почти строго на юг. Раскопками 1997 г. изучена привходовая часть пещеры площадью около 9 кв.м. Выявлены культурные остатки палеолита, мезолита, энеолита, раннего железа и средневековья.

Прямо в центре привходовой части пещеры обнаружен палеолитический очаг, вокруг которого залегали каменные изделия и кости плейстоценовых животных. В пещере представлены кости мамонта (ребро, 2 позвонка, 3 пластины от зубов), дикой лошади, северного оленя (рога), лося, лисицы, песца, бобра. Все определения данного и упомянутых выше комплексов проделаны сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН П.А.Косинцевым, которому автор выражает глубокую признательность за многолетнюю помощь и сотрудничество.

Каменные изделия представлены скребком на отщепе (рис. 3, 1), тремя ножевидными пластинами (рис. 3, 2–4), 30 отщепами и расколотой галькой. Одна из пластин изготовлена из светло-серой яшмы, видимо, южноуральского происхождения (рис. 3, 4). Остальные пластины и скребок изготовлены из коричневого кремня, 27 отщепов изготовлено из коричневого кремня разного качества, 2 – из халцедона и 1 – из розового кварцита. На 11 отщепах кремня сохранилась галечная корка, – сырье палеолитические охотники собира-

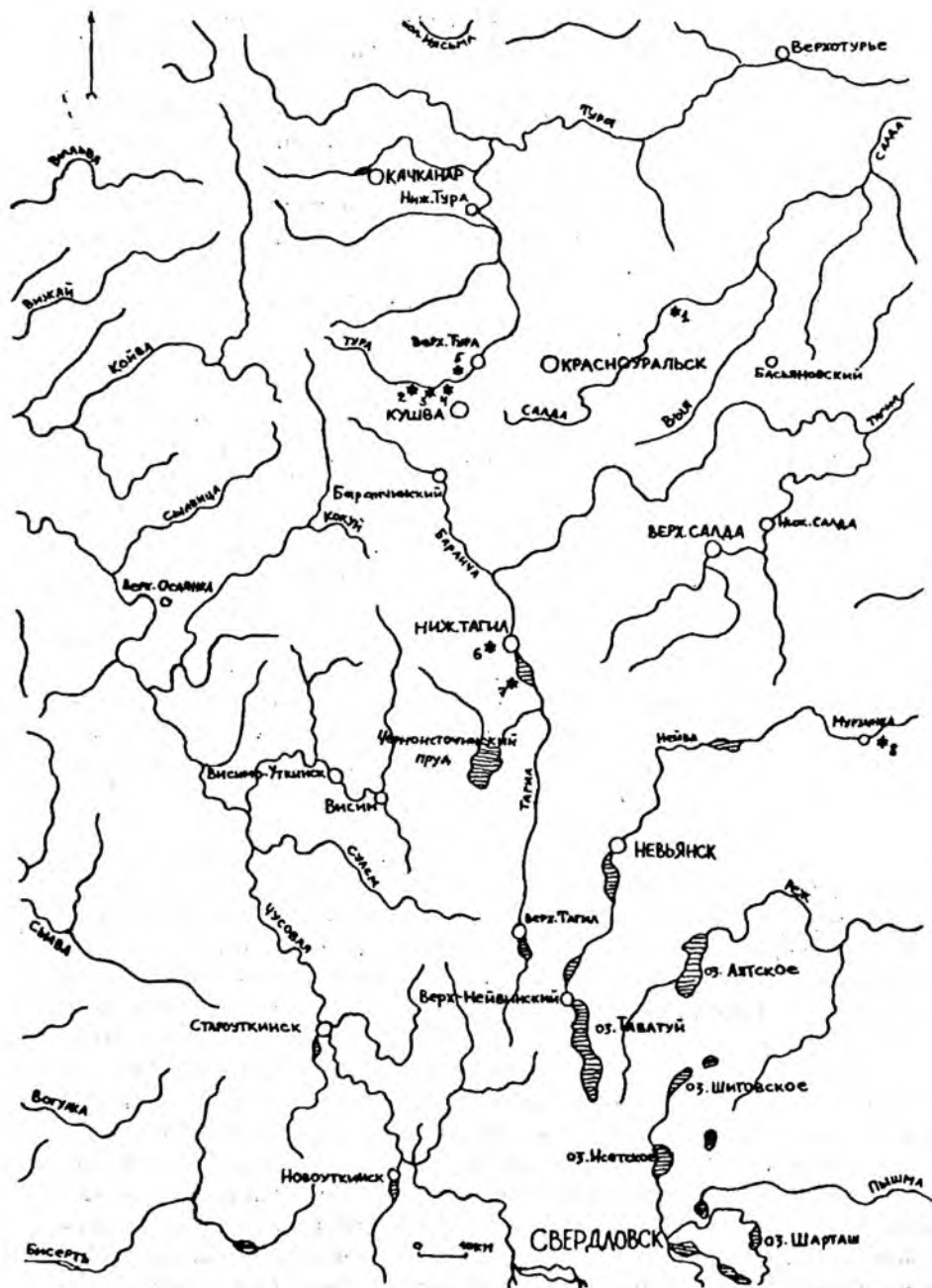
Р и с. 3. Каменные изделия: 1 – скребок; 2-4, 6-8 – ножевидные пластины; 5 – пуклеус из горного хрусталя; 9 – клык пещерного льва; 10-13 – отщепы. 1-4 – пещера на камне Дыроватые Ребра; 5-9 – пещера на камне Котел; 10, 11 – Голокаменская мастерская; 12, 13 – святилище на вершине г. Голый Камень

ли тут же на галечниках р. Чусовой. 12 отщепов (из них 7 с галечной коркой) происходят от одной кремневой гальки. Скребок и 2 отщепа также изготовлены из одного куска кремня.

Рядом с очагом, к востоку от него, найдено 2 мотыгообразных изделия из рога лося (рис. 2, 1, 3). Они лежали рядом, вогнутыми сторонами обращенные друг к другу. Вокруг изделий при их расчистке попадались миллиметровые кусочки охры ярко-малинового цвета. Обе мотыги изготовлены из массивного рога лося. Противоположные лезвию концы изделий сохранили следы перерубания рога каменным орудием. В одном случае рог был надрублен с трех сторон по периметру, а затем надломлен. В другом случае следы надрубания присутствуют только с одной (вогнутой) стороны мотыги. Техника изготовления мотыг одинакова. Вогнутая сторона обработкой практически не затронута. Выпуклой стороне мотыг каменным рубящим орудием придана серповидная форма. Лезвия мотыг с двух сторон оформлены шлифовкой. У одной мотыги в процессе раскопок повредили часть лезвия (рис. 2, 3). Лезвие у нее значительно уже, чем у другой — 2 см против 3,4 см. Да и обработана она менее тщательно, чем другая: у нее только пришлифовано лезвие на протяжении 3 см с одной стороны и 4,5 см — с другой. Вторая мотыга отшлифована на протяжении 8 см от кромки лезвия. Верхняя часть мотыги по всем четырем плоскостям украшена орнаментом в виде коротких насечек (рис. 2, 1). Причем это именно насечки, а не следы надрубания или надрезания, так как на выпуклой стороне насечки нанесены поверх обработанной поверхности. На лезвиях обеих мотыг присутствуют хорошо выраженные линейные следы, свидетельствующие о довольно интенсивном их использовании. Размеры мотыг довольно стандартны: длина 15,7 и 14,7 см, ширина лезвия 2 и 3,4 см, ширина в средней части соответственно 3,3 и 4,3 см, толщина — 3,3 и 2,8 см.

Остается непонятным, по какой причине 2 абсолютно целых орудия были оставлены в пещере ее обитателями. Забыть их не могли, потерять — тоже. Тот факт, что они лежали рядышком у очага в определенном положении позволяет допустить, что мотыги были оставлены намеренно и, следовательно, их появление в пещере связано с каким-то культовым обрядом.

В 20 км ниже пос. Усть-Койва находится самый крупный на р. Чусовой грот в камне Большом Глухом (рис. 1). Он расположен на высоте 32 м от уровня воды. Длина грота 21 м, ширина у входа 18 м, высота до 4 м. Вход экспонирован на юго-юго-восток. В привходовой части грота был вскрыт участок в 40 кв. м. Раскопками в гроте обнаружена многослойная палеолитическая стоянка. Выявлено 5 палеолитических слоев. Нижний слой авторы раскопок датируют средним плейстоценом, ашельской археологической эпохой. В нем найдено галечное орудие типа чоппера, 3 отщепа и осколок. Остальные слои относятся к позднему палеолиту. Три из них представлены остатками кратковременных стоянок. Среди находок единичные каменные изделия и расколотые кости пещерного медведя и лося. Еще в одном слое выявлены остатки верхнепалеолитического святилища. С ним авторы связывают пятна красной и желтой охры на восточной стенке грота, преобладание костяных изделий и наличие оригинальных украшений из позвонков змеи,

Р и с. 4. Местонахождение раннего палеолита: 1 – Прокопьевская Салда VI; 2 – Гаревая II; 3 – Уральские Зори-болото; 4 – Уральские Зори III; 5 – Уральские Зори V; 6 – местонахождение на г. Голый Камень; 7 – Береговая III; 8 – Амбарка I

амфибии, птицы и мелкого млекопитающего, а также почти полное отсутствие камешных изделий [Гуслицер, Павлов, 1987: 7–21].

Интересно отметить, что выразительные палеолитические комплексы обнаружены только в тех пещерах, которые хорошо просматриваются с воды – Котел, Дыроватые Ребра, Большой Глухой. Таких пещер на Чусовой немного, и во всех возможно ожидать открытия палеолита. Прежде всего это относится к первой пещере на камне Дыроватом – пещере Туристов.

Если же рассматривать палеолитические памятники р. Чусовой и проблеме первоначального заселения Урала в целом и Среднего Зауралья в частности, то необходимо отметить, что еще 25 лет назад считалось, что водноледниковые барьеры полностью отрезали Урал от основной территории Европы и Азии, вследствие чего заселение Урала могло произойти не ранее микулинского межледниковья [Любин, 1970: 21–24]. Этот традиционный взгляд на недоступность Урала в раннепалеолитическую эпоху сыграл отрицательную роль в развитии палеолитоведения Урала и на много лет задержал введение в научный оборот новых материалов по первоначальному заселению региона.

В последние годы на территории Урала и смежных с ним районов вскрыт целый пласт раннепалеолитических памятников, что свидетельствует о раннем проникновении человека на Урал. Некоторые археологи допускают первоначальное освоение территории Урала уже в лихвинское межледниковье и даже раньше [Гуслицер, Павлов, 1987: 21].

Если на территории Среднего Приуралья в настоящее время известно уже около десятка раннепалеолитических стоянок и местонахождений (Ганичата I и II, Борисово, Слудка, Тупица, Большой Глухой и др.) [Павлов, Денисов, Мельничук, 1995: 6], то в Среднем Зауралье всего одно – Гальянская стоянка [Петрин В.Т., Сериков, 1988].

Тем не менее наличие на западном склоне Урала заметного количества раннепалеолитических памятников пещерного и открытого типов дает нам возможность еще раз обратиться к вопросу о времени и путях первоначального заселения Среднего Зауралья.

Уже после публикации Гальянской стоянки автору стало известно еще одно орудие с данного памятника, в настоящее время находящееся в частной коллекции сына первооткрывателя стоянки И.П.Рикерта.

Изделие представляет собой средних размеров (10,2x5,5x3,7 см) ручное рубило подтреугольной формы (рис. 5, 2). Оно изготовлено из типичного для Гальянской стоянки кремнистого туфа, покрытого глубокой патиной. Рубило изготовлено посредством грубых сколов, образующими в профиле извилистую линию. Один из боковых краев рубила обработан серией мелких сколов. От типичных ашельских рубил его отличает разве что четко выраженная подтреугольная форма и меньшие размеры.

Следует отметить, что это не единственное рубило в коллекции Гальянской стоянки. В публикации 1988 г. еще одно подобное изделие классифицировано как нуклеус леваллуа [Петрин, Сериков, 1988: рис. 1, 2]. Оно также имеет подтреугольную форму и обработано с двух сторон крупными сколами. Его размеры – 11,5x8,0x4,2 см (рис. 5, 5). В публикациях Н.П. Кипарисовой и

В.М. Раушенбах приводятся рисунки подобных, но менее выразительных рубил. Н.П. Кипарисова отмечает особенно архаичный вид трех изделий. Одно из них имеет ромбовидную форму с заостренным углом и крупные размеры (около 20x15x10 см) [Кипарисова, 1956: рис. 5, 3]. Второе изделие (размером 12x10x3,3 см), по мнению Н.П. Кипарисовой, очень напоминает остроконечник ашельского типа [Кипарисова, 1956: рис. 5, 1]. В.М. Раушенбах одно из изделий Гальянской стоянки характеризует как «орудие, напоминающее по форме палеолитические рубила» [Раушенбах, 1961: 165, рис. 1, 2].

Раннепалеолитический возраст Гальянской стоянки в настоящее время уже не вызывает сомнений. Еще в 1988 г. было подчеркнуто, что данный комплекс не является одновременным в рамках раннего палеолита. Памятник представлен пятью местонахождениями, рассеянными на площади свыше 30 тыс. кв. м. Накопленные знания по первоначальному заселению Урала позволяют выдвинуть предположение, что самые ранние из описанных выше материалов могут датироваться ашельским временем.

Необходимо добавить, что в 1995 г. из двухметровой ямы, выкопанной садоводами на Гальянской стоянке, с глубины 0,7 м был извлечен отщеп из такого же кремнистого туфа и с такой же значительной патиной. Но в отличие от всех изделий Гальянской стоянки отщеп не имел заглаженных граней сколов, а выглядел достаточно свежим (рис. 5,3).

С горой Голый Камень связано еще 3 новых местонахождения раннего палеолита (рис. 4).

На юго-восточном склоне горы находится мезолитическая мастерская по первичному расщеплению камня. Использование мастерской прекратилось в конце мезолита и в более поздние эпохи уже не возобновлялось. Вопрос же о ранней дате мастерской оставался открытым [Сериков, 1988: 206–207].

Летом 1993 г. после продолжительных и сильнейших ливневых дождей склоны Голого Камня во многих местах оказались размыты на глубину до 0,8 м. В местах размывов на площади мастерской удалось собрать около десятка сильно патинированных изделий, ничем не отличающихся от изделий Гальянской стоянки. Следует отметить, что мастерская расположена на высоте около 30 м над уровнем р. Лебы, омывающей Голый Камень с юго-запада и юга, и находится в 1,5 км к югу от Гальянской стоянки. Коллекция находок содержит в основном нуклеидные формы и отщепы (рис. 3, 10, 11). Представляет интерес раннепалеолитический отщеп, который был использован вторично, но уже в мезолитическую эпоху (рис. 3,10). Отщеп размером 15,7x8,2 см имеет на спинке первичную корку и хорошо выраженный массивный ударный бугорок на брюшке. Вся поверхность брюшка сильно патинирована. Но сколы со стороны спинки (сверху и справа) имеют свежий характер, типичный для мезолита. Кстати, и сырье в данном случае другое, не кремнистый туф, а типичный для мезолитической мастерской голокаменский алевротуф. Подобные случаи использования ранних изделий в более поздние эпохи достаточно известны. Их характерны они прежде всего для камнеобрабатывающих мастерских.

Обследование горы Голый Камень в 1995 г. привело к открытию еще одного раннепалеолитического местонахождения. Находится оно на южном

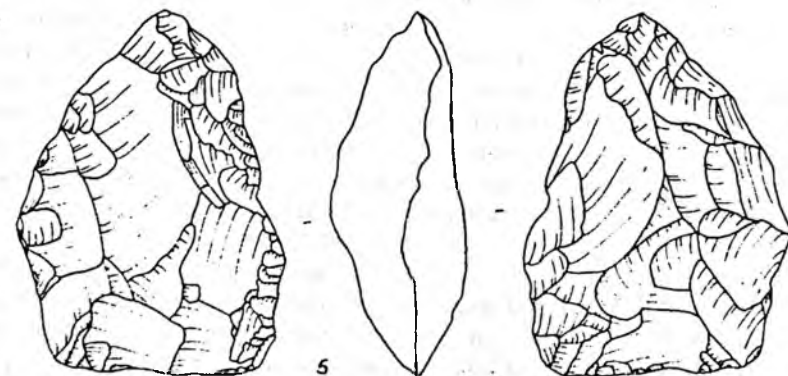
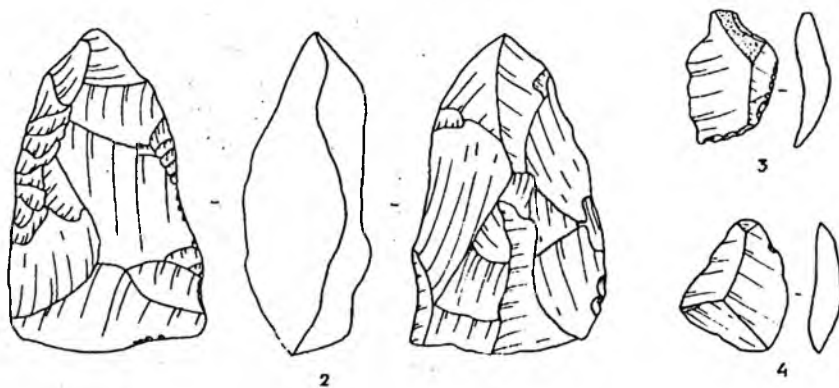
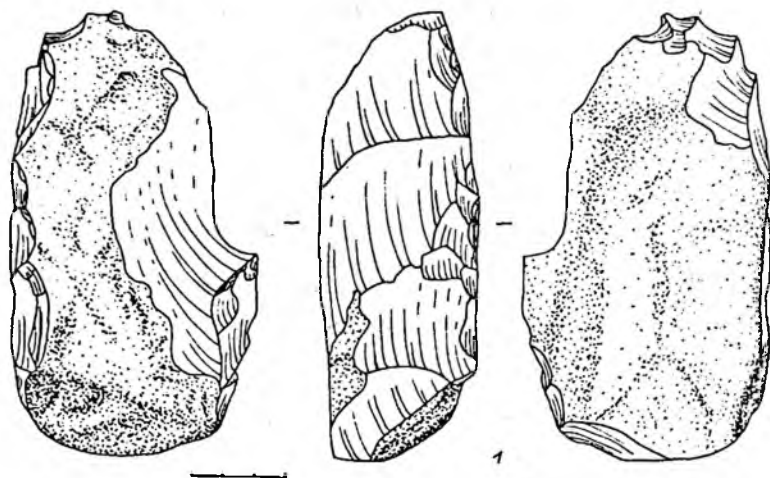
склопе горы в 1 км от вершины. Местонахождение связано с 1-й береговой террасой р. Лебы и находится на высоте около 10 м над уровнем реки. На одном из мысов обнаружена кратковременная стоянка, в материалах которой среди средневековой керамики и микропластинчатого комплекса эпохи мезолита выявлено два архаичных отщепов. Оба отщепов изготовлены из голокаменского алевротуфа, оба слегка патинированы и ничем не отличаются от отщепов Гальянской стоянки (рис. 5,4).

Вершина горы Голый Камень заканчивается скалистым шиханом, на котором находится святилище, функционировавшее в эпоху мезолита, раннего железа и средневековья. Но самой ранней находкой, обнаруженной на святилище, являются 2 отщепов голокаменского кремневого туфа. Один отщеп представляет собой сильно патинированное изделие с первичной коркой на спинке. Отщеп имеет хорошо выраженный ударный бугорок (рис. 3,12). Второй отщеп также патинирован, но грани сколов на нем в отличие от первого не заглажены (рис. 3,13). Подобные отщепов хорошо известны на Гальянской стоянке, которая располагается в 1 км к северо-востоку от святилища ниже по склону горы. Появление отщепов на святилище можно объяснить двояко. Либо он попал на шихан горы в древнюю эпоху, когда никакого святилища на шихане еще не существовало, либо их принесли на святилище в более позднее время. Этнографические материалы показывают, что местное население с почитанием относилось к древним предметам и часто использовало их в своей культовой практике [Гемуев, Сагалаев, 1986: 159–166].

Поскольку на Голем Камне имеются выходы как кремневого туфа, так и алевротуфа порфиритов, можно предполагать, что весь массив горы использовался в качестве мастерской. Состав находок не противоречит данному предположению. Вполне вероятно, что детально обследование склонов Голого Камня приведет к открытию новых раннепалеолитических местонахождений.

В 8 км к юго-востоку от г. Голый Камень находится Горбуновский торфяник (Пригородный район Свердловской обл.) (рис. 4). На его северо-восточном берегу в 1976 г. разведывательным отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством автора было открыто несколько новых береговых стоянок, и среди них – III-я Береговая [Сериков, 1984]. Она расположена на каменистом мысу коренного берега высотой до 5 м. Ее площадь около 500 кв. м. С 1977 по 1993 год памятник исследовался тагильским археологом П.К. Халяевым. Раскопками выявлены материалы четырех эпох: мезолита, неолита, энеолита и раннего железа. Стратиграфия стоянки: сразу под дерном залегают слои светло-коричневого суглинка мощностью до 40 см, в котором и залегают культурные остатки всех четырех эпох. Материком является скала.

Раскопками 1985 г. обнаружено около десятка каменных изделий, не характерных ни для одной из известных на стоянке эпох. В то же время эти изделия имели определенное сходство с материалами Гальянской стоянки – крупные и массивные отщепов имели четко выраженные ударные бугорки и скошенные под тупым углом ударные площадки. Среди отщепов архаичного облика выделяются два массивных изделия типа бифасов. К большому сожалению, в свое время комплекс не был опубликован, а после смерти П.К. Халяева и вовсе оказался утерянным.

Р и с. 5. Каменные изделия: 1 – скребло; 2-5 – ручные рубила; 3, 4 – отщепы.
1, 2, 3, 5 – Гальянская стоянка; 4 – стоянка Голый Камень III

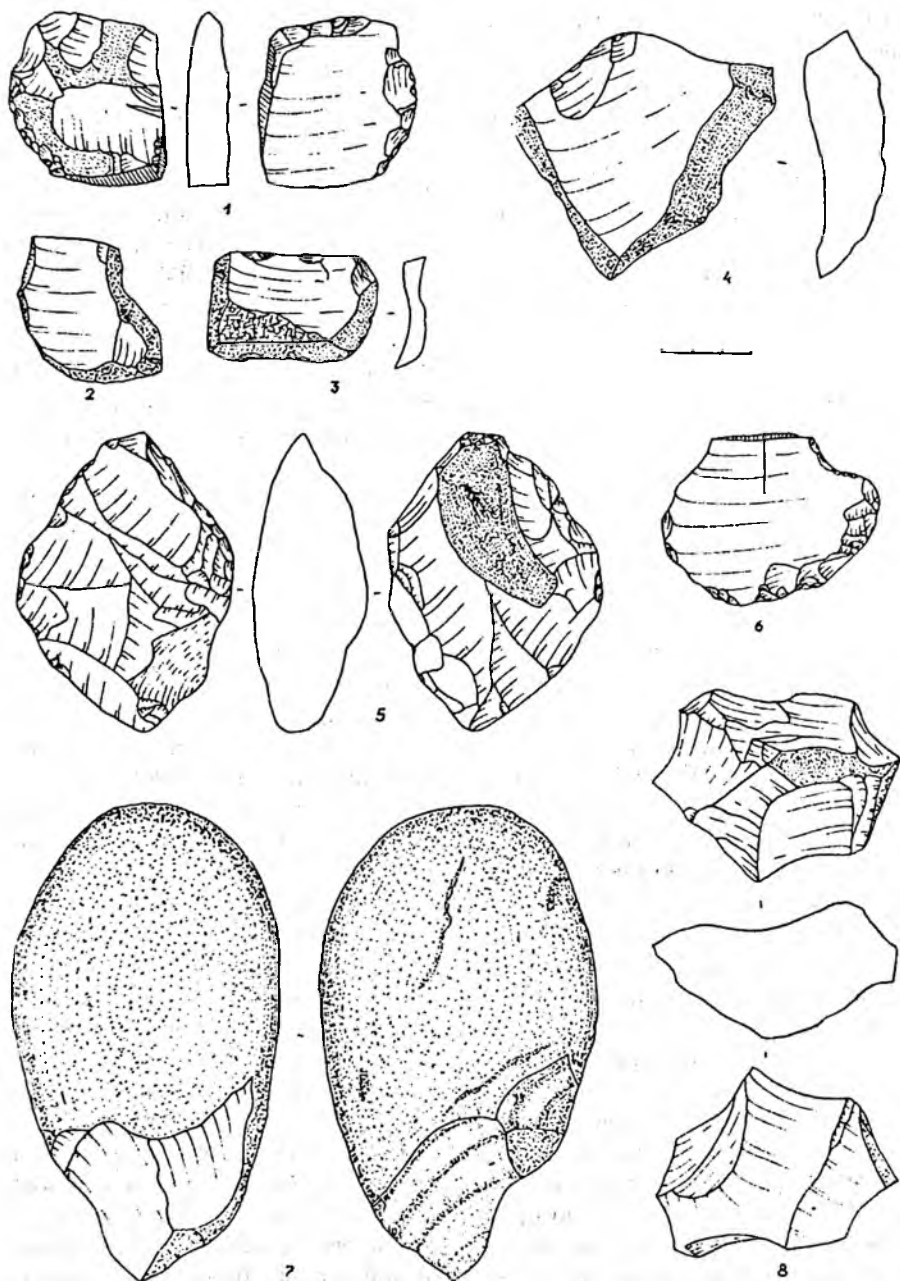
В 1985–1990 гг. проходили широкие исследования мезолитических памятников в верховьях р. Туры (Кушвилский район Свердловской обл.). На трех стоянках и одном местонахождении выявлена серия из нескольких десятков сильно заглаженных и патинированных изделий [Варанкин, Сериков, 1989]. Обнаружены они в мезолитических комплексах, но к мезолиту явно не относятся.

Стоянка Гаревая II находится на правом берегу р. Туры в 450 м ниже по течению от мест впадения р. Ближней Гаревки в р. Туру, в 6 км к северо-западу от г. Кушва Свердловской обл. (рис. 4). Памятник расположен на скалистом мысу высотой до 6 м. Площадь стоянки не более 200 кв. м. Стоянка Гаревая II исследовалась в 1985 и 1988 гг. экспедицией Нижнетагильского педагогического института под руководством Варанкина Н. В. Раскопками вскрыта площадь в 116 кв. м. Стратиграфия памятника очень простая: культурные остатки залегают сразу под дерном в слое буро-коричневого суглинка мощностью до 40 см. Материком является скала. Памятник однослойный и датируется эпохой мезолита.

На стоянке выявлено 36 предметов архаичного облика. 14 изделий из них имеют нуклеидные формы, 2 – можно отнести к скреблам, 6 – к пластинам и 14 – к отщепам. На одном из примитивных нуклеусов имеются следы вторичной обработки, которая была произведена в более позднее (мезолитическое) время – негативы сколов имеют свежий характер, сколы сняли патину, которая покрывает все изделие. Все отщепы массивные, довольно толстые, имеют ударную площадку, расположенную под тупым углом к плоскости скалывания (рис. 6, 2). Пластины очень невыразительны и довольно массивные. Все изделия изготовлены из местных алевротуфов, грани сколов заглажены, поверхность покрыта глубокой патиной [Варанкин, Сериков, 1989: 142].

В 2,6 км ниже по течению от Гаревой II находится стоянка Уральские Зори III (рис. 4). Она расположена не на береговом мысу, а над ним, на склоне горы, на высоте 12 м. Стоянка исследовалась в 1986 г. экспедицией Нижнетагильского педагогического института под руководством автора. Вскрыта площадь 104 кв. м. Памятник однослойный, датируется эпохой мезолита. Его стратиграфия полностью аналогична стратиграфии стоянки Гаревая II.

На поселении найдено 2 архаичных изделия. Одно из них – отщеп алевротуфа с заглаженными поверхностями. Второе – скребло. Оно выполнено на массивном отщепе серо-зеленоватого алевротуфа размером 5,5х5,1х1,3 см (рис. 6, 1). Лезвие скребла оформлено крупной ретушью со стороны брюшка (на рисунке лезвие находится сверху). Фасетки ретуши заглажены и покрыты тонкой патиной. Но на этом же отщепе находятся сколы, снимающие слой патины (на рисунке 5 сколов в верхней части отщепа со стороны спинки). Переоформление орудия могло произойти только в мезолитическую эпоху, так как памятник однослойный. Следовательно, его первичное использование можно связать с предыдущей палеолитической эпохой. Причем с ранним ее этапом, так как на изделиях позднего палеолита на территории Среднего Зауралья патина отсутствует. Да и сырье в позднем палеолите использовали уже другое [Сериков, 1989: 33–34].

Р и с. 6. Каменные изделия: 1 – скребло; 2-4, 6 – отщепы;
 5, 8 – нуклеусы; 7 – галечное орудие
 1 – Уральские Зори III; 2 – Гаревая II; 3, 5, 6 – Уральские Зори-болото;
 4 – Уральские Зори V; 7 – Прокопьевская Салда VI; 8 – Амбарка I

Еще километром ниже, при переходе реки в Верхнетуринский пруд, находится стоянка Уральские Зори V (рис. 4). Она расположена на хорошо выраженном мысу, образованном поворотом реки (пруда). Высота мыса над уровнем воды в пруду – 3 м. Площадь стоянки около 500 кв. м. Исследовалась автором в 1990 г. Вскрыта площадь 120 кв. м. Памятник практически однослойный и датируется эпохой мезолита, хотя на нем присутствует и незначительная примесь энеолита (6 находок) и средневековья (17 находок). Стратиграфия стоянки аналогична стратиграфии других мезолитических памятников туринского куста.

Среди находок выявлен массивный отщеп светло-серого алевротуфа размером 8,1x9,0x2,4 см. Он имеет массивный ударный бугорок и расположенную под тупым углом ударную площадку. Вся поверхность отщепла заглажена и патинизирована. По краям отщепла сохранилась галечная корка (рис. 6,4). По сырью, сохранности и технике изготовления он ничем не отличается от описанных выше архаичных изделий.

На полпути между Гаревой II и Уральскими Зорями III строители Новотуринского водохранилища изрыли пойму реки экскаватором с целью добычи русловых отложений р. Туры галечника, необходимого им для мощения дорог. Обследование многочисленных карьерчиков и куч галечника привело к находкам десятка каменных изделий. Местонахождение названо Уральские Зори-болото (рис. 4).

Из найденных изделий 3 заслуживают особого рассмотрения. Прежде всего это 2 отщепы синеватого алевротуфа с заглаженной и слегка патинированной поверхностью (рис. 6, 3, 6). Третье изделие представляет собой архаичный плоский нуклеус (рис. 6, 5). Оно довольно массивное, его размеры 9,8x7,1x3,6 см. Изготовлен нуклеус из местного синеватого алевротуфа. Все сколы изделия сглажены, но патина отсутствует. Изделие оформлено плоскими сколами, его боковые края сильно извилисты и забиты. На одной из сторон сохранилась первичная корка. Архаичный вид изделия позволяет связывать его с эпохой раннего палеолита.

Еще одно изделие раннепалеолитического облика было обнаружено при раскопках мезолитического поселения – мастерской Амбарка I. Поселение расположено на устьевом каменистом мысу при впадении р. Амбарки в р. Нейву, в 1,5 км к северо-востоку от с. Мурзинка Пригородного района Свердловской обл. (рис. 4). Мыс находится на правом берегу р. Амбарки и правом – р. Нейвы. Хорошо выраженная площадка у мыса отсутствует, он плавно повышается в глубь берега, где его высота достигает 20–25 м. Поселение расположено на высоте 8–9 м. Исследовалось оно в 1994 г. экспедицией автора. Раскопками вскрыта площадь 56 кв. м. Поселение датируется эпохой мезолита. Стратиграфия: сразу под дерном идет слой светло-коричневого суглинка мощностью до 30 см, который и содержит культурные остатки эпохи мезолита. Матриком является скала [Сериков, 1995].

Архаичное изделие, найденное на стоянке, представляет собой примитивный нуклеус поддискосодной формы (рис. 6, 8). Его размеры: 8,1x6,0x3,6 см. Местами на нуклеусе присутствует первичная корка. Все сколы сильно за-

глажены. Изделие полностью покрыто глубокой патиной. Изготовлено оно из серо-зеленоватого алевротуфа.

Интересная находка была сделана в 1976 г. на р. Салде (Красноуральский район Свердловской обл.) (рис. 4). Здесь на бичевнике было найдено галечное изделие типа чопинга (местонахождение Прокопьевская Салда VI) [Сериков, 1977: 42]. Выполнено оно на кварцевой гальке длиной 15,8 см и шириной 9 см. Заостренная часть изделия обработана сколами с двух сторон (рис. 6, 7). Но с одной стороны гальки эти сколы сильно заглажены, что и придает изделию архаичный облик.

Подводя итоги исследования столь редких для Среднего Зауралья находок, следует отметить несколько моментов.

Восемь раннепалеолитических местонахождений Голого Камня свидетельствуют о необычной для Зауралья топографии памятников – все они расположены на склонах горы. Топография памятников, их количество, а также наличие на горе выходов кремнистых туфов и алевротуфов позволяют видеть в данных местонахождениях серию стоянок-мастерских. Приуроченность данных стоянок-мастерских к выходам камня, на наш взгляд, бесспорна. Данный факт может сыграть решающую роль в выделении поисковых критериев для памятников раннего палеолита.

Вполне возможно, что аналогичная ситуация присуща и для памятников туринского куста. Анализ туринских материалов позволяет выдвинуть предположение, что где-то поблизости находится довольно крупная стоянка-мастерская эпохи раннего палеолита. Мезолитическое население знало про эту мастерскую и в условиях сырьевого кризиса неоднократно посещало ее для сбора с поверхности необходимого им сырья. Изделия приносились на стоянки и уже там переоформлялись в нужные орудия. Как и на Голом Камне, не найденная еще стоянка-мастерская могла быть приурочена к выходам камня, так как помимо древних изделий на мезолитические поселения попадало и чистое сырье. Об этом свидетельствует тот факт, что около 20% изделий в мезолитических комплексах верховьев р. Туры изготовлено из местных синеватых и серо-зеленоватых алевротуфов. Поскольку в результате обследования берега реки выходов сырья не было обнаружено, можно предполагать, что они находятся на большом удалении от реки, чем обычные памятники, и связаны, как и на Голом Камне, со склонами какой-то горы. Причем эта гора с палеолитической мастерской должна находиться выше по течению реки стоянки Гаревая II, так как чем дальше вниз по реке от Гаревой II, тем количество архаичных изделий убывает (на Гаревой II – 36 экз.; на болоте – 3 экз.; на Уральских Зорях III – 2 экз.; на Уральских Зорях V – 1 экз.). В пользу данного предположения (о наличии поблизости раннепалеолитической стоянки-мастерской) может свидетельствовать сразу несколько фактов: 1 – присутствие архаичных изделий сразу на 4-х местонахождениях; 2 – относительная «скупенность» данных местонахождений – все они расположены на участке р. Туры протяженностью 3,5 км; 3 – переоформление изделий характерно прежде всего для мастерских у выходов сырья.

Следующей особенностью раннепалеолитических комплексов является

сырье. За исключением чоппинга с Прокопьевской Салды VI все изделия раннепалеолитического облика со всех известных на настоящий момент местонахождений изготовлены из кремнистых туфов и алевротуфов. Эти породы при раскалывании дают менее острые края, чем яшма, кремль, кремнистый сланец и им подобные минералы. Края изделий из таких пород камня быстрее тупятся, стираются, заглаживаются. Тем не менее на территории Среднего Зауралья есть выходы подобных пород, где можно получить заготовки крупных и очень крупных размеров (на Гальянской стоянке на склоне Голого Камня из земли торчит валун кремнистого туфа размером с тумбочку со следами обкалывания). Выходов же яшмы и кремня в Среднем Зауралье неизвестно вообще – их получали из галечников рек и озер. Выходы кремнистого сланца известны, но они не дают крупных фракций. По всей видимости, именно отсутствие изотропного сырья крупных фракций вынуждало раннепалеолитического человека использовать сырье с неважными изотропными свойствами. И характерно это не только для территории Среднего Зауралья.

Есть еще одна особенность, характерная для всех береговых памятников, на которых присутствуют архаичные комплексы раннепалеолитического времени. Культурные слои на всех этих памятниках находятся на скальных выходах и перекрыты незначительным по мощности почвенным слоем (до 0,5 м). Возможно, что мы не находим ранне- и позднепалеолитических комплексов именно потому, что они растворены в материалах многослойных памятников. И выделить эти комплексы может только достаточно опытный археолог-каменщик. Очень вероятно, что тщательная ревизия хранящихся в музеях коллекций приведет к выявлению непонятых в свое время и отложенных в сторону изделий необычного или архаичного облика.

География распространения раннепалеолитических находок на территории Среднего Зауралья выглядит следующим образом. Гора Голый Камень находится на западной окраине г. Нижнего Тагила. Ее омывает р. Леба, которая является левым притоком р. Тагил. А Тагил в свою очередь является правым притоком р. Туры (рис.4). В 60 км к северу от Голого Камня находится «куст» туринских местонахождений, расположенных на левом и правом берегах р. Туры. В 85 км к северо-западу от Голого Камня находится местонахождение Прокопьевская Салда VI. Река Салда является левым притоком р.Туры. В 8 км к юго-востоку от Голого Камня на берегу Горбуновского торфяника находится III Береговая стоянка. Из торфяника вытекает р. Чашиха, которая впадает в Лебу перед ее впадением в р. Тагил (рис. 4). В 90 км к юго-востоку от Голого Камня на р. Нейве располагается стоянка Амбарка I. Река Нейва, сливаясь с р. Реж, под названием р. Ница впадает в Туру по правому берегу. Таким образом, все известные на настоящий момент местонахождения раннего палеолита так или иначе связаны с р. Турой (рис. 4). Верховья Туры близко подходят к верховьям рек Койва, Сылвица, Серебрянка, которые являются правыми притоками р. Чусовой. А р. Чусовая является единственной рекой, которая начинается на восточном склоне Урала, пересекает Уральский хребет и впадает в р. Каму на западном склоне Урала. Местонахождения р. Тагил через ее левый приток р. Баранчу также можно свя-

зять с р. Чусовой через р. Серебрянку (истоки рек Баранча и Серебрянка находятся в одном водораздельном болоте, по реки текут в разные стороны: Баранча – на юго-восток, Серебрянка – на юго-запад). Стоит вспомнить, что именно этим путем (по Чусовой, Серебрянке, Баранче, Тагилу и Туре) в 16 в. пришла в Сибирь дружина Ермака.

Не отрицая вероятный путь первоначального заселения Урала с юга [Матюшин, 1979; Матюшин, 1985], автор предлагает рассмотреть вопрос о первоначальном заселении Среднего Зауралья с запада.

Следы палеолита уже в 7 пещерах р. Чусовой позволяют предположить, что при продолжении исследований палеолитических памятников будет значительно больше. И не только пещерных, но и открытых. Уже сейчас в нижнем течении р. Чусовой известны стоянка Талицкого, Горная Талица, Пещерный Лог, Студенческий Лог, Школьный Лог, Заозерье и др. Кроме них в Пермском Приуралье выявлено около 40 верхнепалеолитических стоянок и местонахождений. На территории же Среднего Зауралья ранне- и позднепалеолитические памятники до сих пор единичны (кроме описанных в данной статье можно упомянуть грот на г. Медведь-Камень на р. Тагил и грот Безымянный на р. Пышме). Анализируя данную ситуацию, можно предположить, что первоначальное заселение Среднего Зауралья происходило с западного склона Урала вдоль р. Чусовой. С Чусовой через ее притоки палеолитическое население могло переходить на все основные реки Среднего Зауралья – Туру, Тагил, Нейву, Салду, Исеть, Пышму. Основная волна палеолитического населения несколькими потоками прошла вдоль Чусовой в эпоху верхнего палеолита. Но отдельные проникновения происходили, видимо, и раньше, в микулинское и даже в лихвинское межледниковье. Ранний возраст памятников в Среднем Приуралье, география раннепалеолитических местонахождений Среднего Приуралья и Зауралья дают возможность предположить еще один путь первоначального заселения Среднего Зауралья с запада – по реке Чусовой. А древнейшие материалы с Гальянской стоянки позволяют опустить дату первоначального заселения Среднего Зауралья до ашельской эпохи.

Литература

Варанкин, Сериков, 1989: Варанкин Н.В., Сериков Ю.Б. Исследования памятников каменного века на реке Туре // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.

Гемуев, Сагалаев, 1986: Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места (XIX – начало XX в.). Новосибирск.

Гуслицер, Павлов, 1987: Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Северо-Востока Европы. Сыктывкар.

Кипарисова, 1956: Кипарисова Н.П. Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Ученые записки ПГУ. Т. XI, вып.3.

Любин, 1970: Любин В.И. Нижний палеолит // МИА. Вып. 166.

Матюшин, 1979: Матюшин Г.Н. Некоторые вопросы первоначального заселения Урала и Сибири // КСИА. Вып. 157.

Матюшин, 1985: Матюшин Г.Н. Геология, периодизация и хронология каменного века Урала // КСИА. Вып. 181.

Павлов, Денисов, Мельничук, 1995: Павлов П.Ю., Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Палеолитические местонахождения с кварцитовым инвентарем в Верхнем Прикамье // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 13.

Петрин, Сериков, 1988: Петрин В.Т., Сериков Ю.Б. Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск.

Раушенбах, 1961: Раушенбах В.М. Мастерская каменных орудий на Голем Камне под Нижним Тагилом // СА. № 2.

Сериков, 1977: Сериков Ю.Б. Работы Нижнетагильской экспедиции в 1973–1976 гг. // Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов. VI Уральское археологическое совещание. М.; Н. Тагил.

Сериков, 1984: Сериков Ю.Б. Новые памятники Горбуновского торфяника // СА. № 2.

Сериков, 1988: Сериков Ю.Б. Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. № 4.

Сериков, 1989: Сериков Ю.Б. Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.

Сериков, 1993: Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург.

Сериков, 1995: Сериков Ю.Б. Исследование камнеобрабатывающей мастерской Амбарка I в Среднем Зауралье // АО 1994 г: М.

Сериков, 1996: Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на реке Чусовой // РА. № 4.

Сериков, 1997 а: Сериков Ю.Б. Палеолитические пещеры реки Чусовой и проблема первоначального заселения Среднего Зауралья // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции 9–15 сентября 1997 г. Уфа.

Сериков, 1997 б: Сериков Ю.Б. Новые данные по палеолиту Среднего Урала // РА. № 3.

Г.П.Григорьев*

ОТНОСИТСЯ ЛИ СТОЯНКА ТАЛИЦКОГО К СИБИРСКОМУ ПАЛЕОЛИТУ?

Поставленный в заглавии вопрос относится к основным вопросам палеолита Урала. Стоянка у д. Остров, исследованная сначала М.В. Талицким, а потом О.Н. Бадером, показалась исследователям более похожей на Сибирь или в чем-то похожей на Сибирь [Бадер, 1964]. Примерно такое же мнение высказал об инвентаре стоянки Талицкого и М.В. Воеводский, [см. Щербакова, 1994]. Конечно, постановка вопроса тогда, в середине века, была отличной от нынешней. О.Н. Бадер так формулировал свое мнение: «Материальная культура стоянки, по мнению, высказанному еще М.В. Талицким и поддержанному М.В. Воеводским, сближается с культурой сибирских стоянок» [Бадер, 1964]. Далее он перечисляет основания для этого: малый процент заготовок в виде пластин, почти полное отсутствие резцов, множество пластинок, которые, по его мнению, служили вкладышами, крупные скребловидные орудия из сланца и т.д. Интересно и следующее его суждение: «Все эти признаки, хотя и не столько выраженные, как в Сибири, все же указывают на близость стоянки Талицкого к сибирскому культурному миру» [Бадер, 1964: 5]. И ссылается он на характеристику сибирского культурного мира, данную С.Н. Замятниным [1951]. Надо сказать, что перечисленные признаки – свидетельства сибирского облика памятника – можно и сейчас принять, нужно отклонить только один из них – малое количество правильных пластин. Их количество в разных сибирских, а равно и европейских верхнепалеолитических памятниках колеблется весьма значительно, чтобы на основании этого можно было делать выводы такого рода. Доля пластин скорее зависит от

* Григорьев Геннадий Павлович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург.

© Григорьев Г.П., 2001.

природы памятника – от того, имеем ли мы дело с мастерской или с долговременной стоянкой, и не зависит от ее культурной принадлежности. В первые послевоенные годы работающие с сибирским материалом археологи представляли себе, что известным тогда сибирским памятникам в совокупности присущи некоторые черты, которые отличают сибирский палеолит от всего верхнего палеолита Европы, что различия между верхним палеолитом Европы и сибирским палеолитом – различия очень высокого ранга.

Уже С.Н. Замятнин, вслед за А. Брейлем, ощущал нетождественность сибирского палеолита и верхнего палеолита Европы и сформулировал эти отличия [1951], хотя и до него подобные взгляды выразили Г. фон Мерхарт и Г.П. Сосновский [Сосновский, 1934; ср. Замятнин о Сосновском: Замятнин, 1951]. Брейль, говоря об Азии, подразумевал скорее Китай, чем Сибирь. С.Н. Замятнин при этом ссылаясь, как и его современник Г.П. Сосновский [1934] еще раньше его, на присутствие мустьерских форм в сибирском (или шире: азиатском) палеолите, что несвойственно верхнему палеолиту Европы. Соответственно, уральские памятники оказывались между двумя великими областями: сибирско-китайской и европейской. Отсюда возникает вопрос: где же проходит граница между двумя областями и куда же все-таки относятся памятники палеолита Урала – к Сибири или к Европе? Вопрос этот стоит и по сию пору, хотя наши общие представления о верхнем палеолите Европы и о сибирском палеолите существенно изменились.

В послевоенные годы, в работах О.Н. Бадера или А.П. Окладникова, предполагалось, что оценка уральского памятника – это отыскание параллелей к основным формам его каменных орудий. И решение вопроса о том, к какой группе уральский памятник относится – это взвешивание, каких параллелей больше отыщется – сибирских или европейских [см.: Синицын, 1997]. А параллели стоянке Талицкого бывают, как оказалось, и в европейском верхнем палеолите, и в сибирском палеолите. Но теперь все осознают, что важно не просто присутствие той или иной формы орудия – чоппера или скребла, но еще более важен контекст, в котором выступает эта форма орудия.

Определение стоянки у с. Остров не может ограничиться только указанием на сибирскую вообще природу памятника. О.Н. Бадер сближает Островскую стоянку со стоянкой Красный Яр. При этом принято говорить о стоянке Красный Яр как о памятнике, в котором ослаблены сибирские черты [Бадер, 1964; Bader, 1965]. Но об этом несколько позже. Бадер говорит и о времени Островской стоянки – как о степени сродства со стоянками Сибири, положение которых во времени уже тогда предполагалось известным. Он помещает ее между стоянкой Мальта и Афонтовой горой. Собственно, собственно то, что при этом материал Островской стоянки не попадает ни в категорию Мальты (а теперь это – ранняя пора сибирского палеолита), ни в категорию Афонтовой горы – а это вторая половина, или даже поздняя пора, сибирского палеолита. И тут Бадер прав, говоря – так уж получается, что Островская стоянка не похожа на два этапа палеолита Сибири, а других этапов тогда еще не было, поскольку памятников возрастом около 30 000 тогда еще никто не знал. Собственно, М.М. Герасимов предполагал ориньяк-

ский возраст Мальты, но его мнение не принималось, поскольку оно было в противоречии с авторитетным мнением П.П. Ефименко. А по Ефименко Мальта (одновременная Мезину в Европе) относилась не к ранней поре, а ко второй половине верхнего палеолита.

Как было понятно с самого начала, в материале памятника есть и сибирские черты, и европейские. Ведь полный список форм на сибирских стоянках – без его разделения на мустьерские, или архаичные формы и на вполне верхнепалеолитические формы – не слишком отличается от списка европейских категорий верхнего палеолита. Есть формы, и не одна две, которые присутствуют постоянно и в европейских памятниках, и в сибирских (скребки, резцы, пластинки с притупленным краем, проколки, пластины с ретушью по всему обводу, двусторонне обработанные острия с округлым основанием, долотовидные орудия и т.д.). Правда, одни из них присутствуют постоянно, в любом памятнике и в достаточных количествах, как скребки, скребла, другие представлены только в одной разновидности памятников. Так, резцы есть в кокоревской группе памятников, а в афонтовских памятниках их нет или почти нет. Отсюда вполне европейский памятник на Доу – Городцовская стоянка (Костенок XV), как оказалось, содержит черты, присущие и сибирским памятникам [ср.: Сеницын, 1997]. Этот материал относится к первой половине верхнего палеолита. Городцовская стоянка, безусловно, предшествует верхнему слою Костенок 1 по геологическим данным и по своему ориньяк-идному облику. Она, как и Островская стоянка, тоже в заметной доле содержит мустьерские формы, в ней есть долотовидные орудия, и в этом случае и стоянка Талицкого может быть отнесена к европейскому верхнему палеолиту [Астахов, 1958; Сеницын, 1997]. Учитывая присутствие в материале Городцовской стоянки скребел и остроконечников, ее можно считать даже более сибирской, чем стоянка Талицкого – вот к какому выводу можно прийти, если исходить только из того, каков набор орудий категорий на данном памятнике, без учета контекста. Когда я говорю о контексте, я имею в виду, что нельзя сравнивать два мира, верхний палеолит и сибирский палеолит – на уровне стоянок. Необходимо получить общую характеристику этих миров, их структуру, периодизацию палеолита тут и там и пространственное членение палеолита. Необходимо выяснить ступени эволюции сибирского палеолита и верхнего палеолита, присутствие или отсутствие территориальных групп в Сибири и Европе, существование только такой категории анализа, как археологическая культура. Следует поставить вопрос, можно ли там выделить такие единицы анализа как путь развития. Лишь после этого, и на этом уровне, можно сравнивать Сибирь с Европой, и уж тогда гадать, относится ли та или другая стоянка на Урале к сибирскому миру или она представляет собой верхний палеолит Европы.

Открытие палеолитической живописи на Урале, сильное, чем что-либо другое, показывает, что разные концы Евразии не были разделены непроходимой стеной. Эта условная формула означает, что между разными концами – может быть, европейского верхнего палеолита, или даже между Европой и краем азиатского мира – имел место обмен информацией. Но эта информа-

ция здесь пам дапа только в виде художественного явления самого явления искусства как росписи на стенах пещер, и образов, особенностей художественного плана. Опыт Европы показывает, что распространение образцов искусства, его норм происходило до известной степени независимо от распространения форм орудий и структуры палеолита.

Даже те формы, которые были призваны различить Сибирь и Европу, т.е. те самые архаичные, или мустьерские, формы – встречаются и там, и тут – и чопперы, и скребла, и даже прежние нуклеусы-скребки, теперь называемые клиновидными ядрищами. Присутствие сибирских форм (архаичных) заслуживает внимания. Собственно верхнепалеолитические формы в сибирской стоянке – на Енисее или на Чулыме – похожи на верхнепалеолитические формы на Дону или Дунае. Однако присутствие этих форм – будь то даже ножи костенковского типа или скребки тарновской сопряженной группы – само по себе не есть доказательство европейского происхождения этих форм, этих категорий.

Большинство исследователей обратили внимание на немногие формы стоянки Талицкого, которые можно считать сибирскими. Они же отметили, что собственно форм в этом материале не так уж и много. Под собственно сибирскими формами я здесь понимаю формы, которые представлены в большинстве сибирских стоянок и в таком контексте, как в Сибири. Однако, как я старался уже ранее показать, в сибирских стоянках классического образца (типа Афонтова/Кокорева) сибирских форм в общем списке форм/категорий также не слишком много. За сибирскую принадлежность стоянки Талицкого выступали многие авторы, сибирские формы там по преимуществу, согласно взглядам тогдашних исследователей – архаичные формы. Конечно, и долотовидные орудия – форма, распространенная в Сибири. Но ведь одной Сибирью распространение этой категории не ограничивается, поэтому долотовидные орудия не пригодны для целей различения двух огромных миров – Сибири и Европы. Исследователи палеолита Урала принимали во внимание и неправильные пластинки, и скребла, и чопперы, и рубилообразные орудия [Бадер, 1964; ср.: Щербакова, 1994]. На что нельзя не обратить внимание – так это отсутствие резцов в материале стоянки Талицкого. Но, как известно, с отрицательными признаками надо быть очень осторожным, они далеко не всегда так же доказательны, как положительные признаки. И опять же – в Сибири много памятников с малым количеством резцов, но есть и памятники, где резцы достаточно выражены. Их много в большой группе стоянок на Енисее, которые были определены З.А. Абрамовой как кокоревские.

Примечательно, что их много в памятниках кокоревского типа, но мало в памятниках афонтовского типа [Абрамова, 1979]. Разнице между этими группами памятников придавалось большое значение, их отнесли к разным археологическим культурам. И в самом деле, отсутствие/присутствие резцов, наверное, очень важный момент для оценки группы памятников. К числу различающих эти группы форм отнесен был и остроконечник, как будто тоже форма редкая. Известно, что даже в мустьерских памятниках эта категория, хотя и редкая – есть не во всех памятниках, а если есть, то представлена двумя –

тремя процентами. Однако она для разных территорий может различать пути развития внутри мустьерской эпохи. Однако существенно разобраться в сходных признаках двух групп памятников, поскольку до сих пор З.А. Абрамова, главный автор такого различения, использовала различия между ними. А общих признаков для двух групп оказывается, как отметила З.А. Абрамова, много больше, чем различных. Так, скребла в равной степени характерны для обеих групп, их характеризуют одинаковые скребки, хотя, наверное, в памятниках афонтовской разновидности коротких укороченных скребков будет больше. Однако я не в такой степени верю в проценты групп как средство культуроразличения, как французские авторы, а вслед за ними и некоторые наши специалисты по палеолиту. В спорах о принадлежности материала Талицкой стоянки, пожалуй, мало кто затруднил себя формулированием общих свойств сибирской области или европейской области в противопоставлении сибирскому палеолиту. В работах разных авторов можно найти указания на общие для всей Сибири формы или категории, но чаще это скорее признаки только одного варианта сибирского палеолита. Это кокоревские и афонтовские памятники с их обилием выразительных скребел, с чопперами. Когда обнаружилось, что скребла есть и в донских памятниках, что и на Дону или на Днестре можно найти памятники с архаичными элементами – в технике раскалывания, и формах орудий, это привело к отрицанию жестких границ между Сибирью и европейским верхним палеолитом. Того же мнения А.А. Сеницын: «Такие понятия, как палеолит Европы или палеолит Сибири, сейчас настолько расплывчаты и неопределенны...» [Сеницын, 1997]. Отмеченная Сеницыным расплывчатость границ есть следствие отсутствия жестких дефиниций у специалистов по Сибири и Европе. Скорее всего, дело было в том, что сибирская природа памятников палеолита определялась уже самим положением памятника на Енисее или на Лене. Поэтому не требовалось напряженной мысли, особенных аргументов, чтобы доказать сибирскую природу памятника, раз уж он и так расположен на Белой или на Ангаре. Но попозже совершенно определенно обнаружилось, что те формы, что считались сибирскими, могут встречаться и на европейских стоянках, и даже все вместе. Такovy и чопперы, и скребла, и клиновидные пуклеусы. Но по этому списку – а он достаточно полон – уже можно видеть, что сибирские формы – это формы, которые более присущи разновидности сибирского палеолита, которая получила название афонтовской и кокоревской. Хотя по общему мнению Мальта – очень сибирский памятник, но с его открытием не появилось ничего нового в списке форм, присущих сибирскому палеолиту (я имею в виду каменные орудия). Мальта на момент ее открытия показалась П.П. Ефименко [1934] скорее европейским памятником, чем сибирским, он видел в ней аналог, и притом самый полный, Мезину. Естественно, что Мальта попала в группу памятников с европейскими чертами [Абрамова и др., 1991], а в Мальте при такой трактовке не обнаружишь сибирских форм. Так уж получилось, что исследователи естественным образом, взяли те формы, которые отличали Сибирь от Европы, отсутствовали в европейских памятниках. Казалось, что сибирского скребла никогда никто не найдет в европейских памятниках, а кли-

повидный нуклеус или нуклеус-скребок также никогда не встретится в Европе. Позднее исследователи заметили, что собственно, различающим моментом служит не форма сама по себе, а более позиция этой формы (или категории) в последовательности сибирского палеолита и европейского палеолита. Если в сибирском палеолите скребла существуют на протяжении всего палеолита, от начала до конца (и далее в неолите) [см.: Васильев, 1996], то в верхнем палеолите Европы скребла отмечены только в начале его, а далее они исчезают. Длительность их существования (на протяжении всех подразделений сибирского палеолита), а скребла сами по себе служат различающим моментом между сибирским палеолитом и верхним палеолитом Европы. Точно также (частично) двусторонне обработанные острия с овальным основанием существуют в Сибири в разновременных памятниках (в Мальте, в Красном Яре), а в Европе листовидные двусторонне обработанные острия представляют собой каждый раз только один отрезок его существования, в частности в Средней и Восточной Европе – они представляют раннюю пору верхнего палеолита. Сибирские признаки существуют на протяжении всего сибирского палеолита и в совокупности. Это не означает, что нет сибирских памятников без некоторых сибирских признаков. Теперь уже известно несколько памятников, где, например, нет скребел поперечных с выпуклым лезвием на массивной заготовке – скребел, столь типичных для памятников Енисея [Абрамова, 1979]. Собственно, такой памятник давно известен – это Мальта, и все были согласны с тем, что он – не сибирский, т.е. не похож на соседние сибирские памятники (или на верхний слой этого же памятника). Он – сибирский, когда нужно доказать, что и в Сибири жили художники, которые могли вырезать женские фигуры. Он – сибирский, когда надо продемонстрировать ранний этап развития сибирского палеолита. Его было предложено считать результатом миграции населения из Европы. Правда, еще раньше Ефименко считал, что это – параллель Мезину на Черниговщине, но говорить о миграциях в те годы не было принято. Оттого С.Н. Замятин отрицательно отнесся к такого рода предположениям. Миграция – объяснение, предложенное уже А.П. Окладниковым [1951] для объяснения разницы между памятниками Енисея, известными по работам Г.П. Сосновского, и Мальтой и Буретью, которая стала известна примерно в то же самое время. Теперь памятники без енисейских признаков, свойственных памятникам типа афонтово / кокоревы, стали принимать за хронологическую ступень. Так, у С.А. Васильева (тут он следует за З.А. Абрамовой) Мальта, Буреть, Ачинская, Тарчиха вместе с Красным Яром и Макарово III составляют вторую стадию сибирского палеолита, занимающую среднюю позицию. Эта средняя стадия представлена, как видно из списка, только памятниками без афонтовских / кокоревских признаков. Правда, непонятно, откуда известен возраст большинства стоянок этой группы. Скорее всего, и Абрамова, и Васильев полагаются именно на (отрицательный) типологический признак. Все эти стоянки были взяты за одни скобки по признаку отсутствия кокоревских / афонтовских черт. Если сибирские признаки не ограничиваются только скреблами и рубящими орудиями, то что же еще есть в запасе у нас, когда мы хотим

выделить сибирские признаки? Имеются признаки, которые не столь популярны, поскольку не бросаются в глаза с первого взгляда, а иногда и такие признаки, которые отрицаются некоторыми исследователями.

Во-первых, это плоские ядрища. Они есть и в материалах Островской стоянки. При раскалывании ядрища мастер вел дело так, что остаток ядрища имел плоский фронт раскалывания, когда собственно с него уже нечего было и сколоть, настолько в своем остаточном виде он был тонок. Эта форма в сечении сближает их с теми ядрищами, которые в Европе принято называть леваллуазскими. Собственно, они не просто близки, а не отличаются от леваллуазских ничем. У них несколько негативов сколов с параллельными гранями, подправленные края, как у обычных леваллуазских ядрищ, а тыльная сторона ядрища обычно корка или поверхность гальки. При достаточно систематическом скалывании, т.е. когда скалывание идет удачно, негативы сколов могут съедать негативы подправки краев. Напротив, в Европе, в верхнем палеолите раскалывание велось так, что фронт, как говорят археологи из Иркутска, (или плоскость раскалывания, как говорили до них) – выпуклый. В этом – единственная разница между верхним палеолитом Европы и сибирским палеолитом. И такая же разница между ядрищами призматическими и ядрищами леваллуазскими. Так вот, ядрища (в остаточном виде) в сибирских памятниках – плоские, и в Островской стоянке ядрища – плоские.

Есть еще одна заметная разница между сибирским палеолитом и верхним палеолитом, как он нам известен в Европе. В Европе памятники в огромном большинстве с пластинками с притупленным краем. Они очень разные, но у них есть один общий морфологический признак – один, как правило, притупленный край и обязательно обработанные концы. Этот признак появляется в Европе, правда, не с самого начала верхнего палеолита, а только с средней его поры. До этого пластинки типа кремс / дюфур не имеют обработанных концов, они приострены часто на конце, а основание у них не обработано. А вот с граветийскими памятниками в употребление входят пластинки, у которых обработаны оба конца, и поперек или наискось, или конец / концы имеют окончания слабо выпуклые.

В Сибири очень мало памятников, где бы выступали в заметном количестве пластинки с притупленным краем. В Островской стоянке много пластинок с притупленным краем, которые у разных исследователей идут под разным наименованием, в частности их называют вкладышами, поскольку обнаружен наконечник с сохранившимися вкладышами. И оказывается, даже у этих гарантированных вкладышей концы не обработаны. Пластинки, которые были найдены в Кокореве вставленными в костяной наконечник, оказались без ретуши, без притупления края. Если уж они и встречаются в немногих памятниках, то у них концы не обработаны, вторичная обработка ограничена только крутой ретушью края. Что касается пластин, то они не отличают сибирский палеолит от верхнего палеолита Европы. Такой очень сибирский памятник, как Кокорев, содержит много пластин, и все они достаточно правильной формы, т.е. с параллельными краями. Такую же картину можно получить, если посмотреть под этим углом зрения ядрища, где негативы и

длинные, и с параллельными ребрами.

Другое дело, как и в каком количестве эти пластины использовались. В памятниках афонтовского типа, мало отличающихся от памятников кокоревского типа, преобладающее количество орудий сделано на обломках пластин, и можно думать, что заготовку – достаточно длинную пластину – делили на две / три части, и из каждой части / обломка делали скребок. Очень часто использовали отщепы, хотя ядрищ для отщепов нет в инвентаре, они получались только при формировании ядрищ. Видно по негативам, что оббивка краев ядрищ давала такие отщепы.

Рассмотрение категорий каменных орудий недостаточно для определения культурной принадлежности памятника или группы памятников, то есть для определения того, принадлежит ли памятник к сибирской совокупности или к верхнему палеолиту, известному в Европе. Важна приуроченность этих категорий, этих форм орудий к определенным стадиям развития палеолита (для Европы – в пределах верхнего палеолита Европы).

Из этого следует, что, во-первых, сначала нужно рассмотреть вопрос, что такое сибирский палеолит, как шло его развитие и есть ли основания различать на самом высоком уровне верхний палеолит Европы с его давно установленными и недавно уточненными ступенями развития и соответствующего времени палеолитические памятники Сибири. Без ответа на этот вопрос нельзя ставить вопрос: к какому кругу памятников относится стоянка Талицкого. Разница между сибирским палеолитом и верхним палеолитом Европы заключается в том, что развитие европейского палеолита несколько раз прерывается, происходит смена основных форм – например листовидных, что позволяет отличать раннюю пору, например, острий с овальным основанием или треугольных двусторонне обработанных острий, которые больше уже не появляются в Европе. Точно так же большое количество орудий высокой формы есть показатель ранней поры верхнего палеолита в Европе, или ориньякских памятников, которые распространены во всей Европе. Разница в периодизации – это разница, которая имеет отношение к структуре сибирского палеолита, как целого, и верхнего палеолита в Европе. Таким образом, получается, что у сибирского палеолита и у верхнего палеолита Европы периодизация различается существенно. Я бы предпочел говорить о временной неделимости палеолита Сибири. Это не означает, что между одновременными памятниками Сибири нет никакой разницы. Конечно, они различаются по времени. Но разница между ними недостаточна для определения этих различий как основания для выделения ступеней развития. Напротив, в Европе в пределах верхнего палеолита уже если солютрейские памятники занимают среднее положение и если они существуют после 20 тыс. лет, то те же солютрейские накопечники в Италии, где нет солютрейской ступени, или солютрейской культуры, будут занимать то же положение во времени. Они не появятся позже, как их не может быть раньше 20 тыс. лет. В качестве нормы для того, какова должна быть разница, чтобы быть основанием для выделения ступеней развития, приходится, конечно, брать ступени развития палеолита в Европе. Иного примера развития в пределах целого материка пока в нашем распоряжении нет.

Другим показателем разницы в структуре двух интересующих нас явлений может служить отсутствие пространственного распределения в Сибири. После того как мы все с восторгом обнаружили две разновидности сибирского палеолита и признали их за археологические культуры, увлечение археологическими культурами уже прошло, и самое время подумать, а что же такое – эти единицы анализа, выделенные для среднего Енисея З.А. Абрамовой? Раньше не было возможности сделать это, поскольку в списке понятий, обозначающих территориальные разновидности, не было ничего кроме понятия: археологическая культура. Естественно, что пришлось определить два пространственных варианта как археологические культуры. Позже З.А. Абрамова исходила как из данности, что есть кокоревская и афонтовская культуры, а есть еще и южно-сибирская область развития – совокупность нескольких археологических культур [Абрамова, 1984]. Но ведь и афонтовская культура – ранг которой, на мой взгляд, пока не установлен (до появления дефиниции археологической культуры, равно как и исторической общности) – вряд ли археологическая культура. Она, как показывают материалы из Саян и Забайкалья, скорее в понятиях З.А. Абрамовой равняется исторической общности, судя по ее распространению. Интересно обратить внимание, что ранее существование несибирского памятника – Мальты – не служило поводом для выделения археологической культуры или для объявления южносибирской культурной общности. Хотя этот памятник явно противостоял и енисейским, и алтайским памятникам, известным к тому времени. Один объявляли Мальту древним (ориньякского времени) памятником и поэтому таким странным [Герасимов, 1931], другие – результатом миграции европейских групп населения в Прибайкалье [Окладников, 1951]. И то, и другое было объяснением несходства Мальты и Бурети с памятниками типа Афонтовой горы / Кокорева. Надо сказать, что и теперь проблема несходства внутри сибирского палеолита – камень преткновения для нового поколения исследователей. Самым простым доказательством несходства структуры европейского палеолита и палеолита Сибири является неоспоримый факт, что во всей Восточной Европе не найти такого района, такой группы однородных типологических стоянок, как в Сибири. Нормой для Восточной Европы является инокультурность каждого вновь появляющегося памятника, тогда как в долине Енисея или в Саянах однокультурные памятники преобладают и удивление вызывают лишь инокультурные памятники. Видимо, именно по этой причине, согласно З.А. Абрамовой [1984], существование мальтинской культуры не вызывает ни у кого сомнения, хотя это только два памятника, а материалом все располагают только с одного – с Мальты, да и он еще пока не опубликован, поэтому некоторые авторы и могут писать, что в Мальте нет чопперов, скребел или клиновидных ядрищ, и что это – не сибирский памятник. А вот существование множества весьма сходных памятников на большой территории, которые сходны с кокоревской разновидностью на среднем Енисее, требует от автора доказательств что это именно археологическая культура, а не какая-то другая, большего масштаба единица классификации. В последнее время представле-

ние о сибирском палеолите сильно изменилось, он оказался разнообразнее, чем казалось ранее на основании уже существовавшего и известного, т.е. опубликованного, материала. В частности, появился палеолит в Западной Сибири, весьма отличный от Кокорева или от Афонтовой. Появился палеолит Зауралья [Петрин, 1985]. Стоянка Черноозерье произвела впечатление более всего своим костяным орудием – кинжалом или острием – с орнаментом. Но этого мало для того, чтобы решить, есть ли в этом материале сходство со стоянкой у села Остров. Существенные для сравнения каменные орудия не слишком многочисленны. Они не включают скребел, хотя есть резцы. В кинжале все вкладыши – неретушированные, как и у наконечника из Кокорева. Это имеет существенное отношение к вопросу о том, представляется ли уральский палеолит сибирским вариантом памятников между 25 и 15 тыс. лет, или это – европейский верхний палеолит. После исследования енисейских стоянок укрепилось мнение, что для сибирского палеолита обилие изделий из кости и бивня нехарактерно, но в некоторых, правда, редких, случаях, наблюдается достаточно развитая техника обработки кости и бивня. Таковы случаи: Мальта на востоке и Черноозерье на западе. Надо сказать, что в пышных сочинениях отразился географический подход к решению археологических проблем. Я имею в виду, что если памятник по эту сторону Уральских гор, то его считают относящимся к сибирскому палеолиту. Но ведь возможно, что в палеолите граница между сибирским палеолитом и европейским палеолитом проходила не по Уралу. Поэтому интереснее обратиться к памятникам, которые расположены ближе к стоянке Талицкого и по обе стороны Уральского хребта – и к востоку, и к западу, к Черноозерью, недавно раскопанному В.Т. Петриным, и к Постникову оврагу, давно известному, но опубликованному сравнительно недавно. Можно думать, что граница между сибирским палеолитом и палеолитом Европы необязательно была неподвижной, сибирские памятники могут оказаться на Волге, а европейские – на Иртыше. Это все допускали, но искали все-таки неколебимую границу между двумя регионами, которая не могла двигаться. А вполне вероятно и другое положение дел: граница была, и она воплощена в типологии. Здесь в итоге получается иная картина развития верхнепалеолитической культуры, чем в Европе. Однако в пространстве эта граница могла двигаться в разные отрезки времени верхнего палеолита, могла в раннюю пору проходить в одном месте, а в позднюю пору верхнего палеолита могла проходить восточнее или западнее на 200 км. Но, чтобы это утверждать, надо определить, что же такое сибирский палеолит.

Сибирский палеолит – это мир, где развитие от 30 до 10 тыс. лет шло без перерывов, известных в Европе, и где нет ступеней развития палеолита, обозначаемых как ранняя и поздняя пора верхнего палеолита [см. Рогачев, 1958]. Это не означает, что в Сибири нет ранних памятников верхнего палеолита и поздних памятников. Они есть, и между ними и более поздними памятниками есть различия. Однако каждый новый отрезок верхнего палеолита здесь продолжал развитие форм, свойственных предшествующему времени. Напротив, уже на Дону (и далее к западу) двусторонне обработанные острия с вогнутым основанием, исчезнув с концом ранней поры верхнего палеолита, больше

уже никогда не появлялись. Точно так же наконечники с боковой выемкой, присущие средней поре верхнего палеолита, в позднюю пору никогда уже не появятся. Признаками хронологического свойства в Сибири считались – в то или иное время – то микронуклеусы, то листовидные острья, то та или иная форма заготовки / ядрища. Но от всего этого пришлось отказаться, как от деления сибирского палеолита на территориальные группы, сходные с археологическими культурами верхнего палеолита в Европе. Это позволяет определить особенности в наиболее общем виде палеолита Сибири. В отличие от верхнего палеолита в Европе сибирский палеолит не делится на хронологические ступени, различающиеся присутствием / отсутствием определенных форм. В нем культурные особенности не распределены территориально, не приурочены к определенным географическим подразделениям Сибири.

На совещании специалистов по палеолиту Урала в 1997 г. было высказано мнение, что палеолит Урала – не сибирский и не европейский, он – уральский. Это суждение соблазнительно, спасительно, но опрометчиво, ибо предполагает уравнивание палеолита нескольких стоянок и двух трех областей с палеолитом всего европейского региона и всей северной Азии. Есть граница, относительно которой располагаются разные памятники. По одну сторону этой границы есть памятники с двусторонне обработанными треугольными острьями, по другую – нет таких памятников. По одну сторону границы двусторонне обработанные острья есть только в раннюю пору верхнего палеолита, по другую – двусторонне обработанные острья в небольших количествах существуют от 30 до 10 тыс. лет. Во-вторых, среди уральских памятников есть, и сейчас уже это нам ясно, памятники неуральские, то есть памятники, не свойственные Уралу / Сибири и известные к западу от Урала. Если большинство памятников Урала не содержат двусторонне обработанных форм, то на севере есть памятники с двусторонней обработкой и с наконечниками треугольной формы. Памятники с двусторонне обработанными острьями важны и с другой точки зрения. Они могли бы, будь они распространены более широко, обозначить раннюю пору верхнего палеолита на Урале. Другими словами, их повсеместное присутствие означало бы, что на Урале в начале верхнего палеолита развитие шло так, как на среднем Дону, и что на Урале памятники, присущие ранней поре, позже не встречаются, а сменяются памятниками другого типа. Но памятники с двусторонне обработанными острьями известны на северном Урале только, а весь прочий Урал пока что от них свободен. С моей точки зрения, это означает, что на Урале развитие шло так, как в Сибири. Граница между Сибирью и верхнепалеолитической Европой проходила по восточной границе памятников с двусторонне обработанными острьями треугольной формы.

Эти памятники немногочисленны и приурочены к северу интересующего нас региона. Но есть одна находка, которая расположена неподалеку от стоянки Талицкого. Я имею в виду так называемое рубильце, найденное Талицким у Пещерного лога. (Институт / Музей антропологии МГУ, колл. 513). В первой половине нашего века этим термином определяли вещи весьма разные по своей морфологии: и ашельские рубила, и ножи типа прондник, и иные

двусторонне обработанные предметы из Крымского мустье. Правда, и теперь термин бифас может вместить еще большее число разных категорий. При взгляде на это рубильце (бифасик в теперешней терминологии) становится ясно, что перед нами незаконченный обработкой треугольный наконечник с выемкой в основании. Некоторая зауженность его в основании определяется повреждениями и справа, и слева в углах при основании. Основание его прямое, и при этом оно недоработано, так что процесс уплощения еще не закончен. Довольно широкая площадка в основании позволяла еще более, уплощать это незаконченное изделие.

Такое определение этой давнишней находки ставит ее в связь с европейским ранним верхним палеолитом, и в равной степени с находками на северном Урале [Павлов, 1993]. Теперь известны находки двусторонне обработанных наконечников на Волге [Захариков, 1992]. Если наконечник с Урала – с вогнутым основанием и треугольный, то наконечники, найденные на Волге – листовидной формы, и кажется преждевременным соединять эти два явления, разделенные значительными расстояниями. Однако теперь известно, что обе категории острий встречаются вместе – на Суугире, на Северном Дону (несколько пунктов Бирючьей Балки), да и на Дону, на костенковских стоянках в Покровском логу. Одним словом, в наконечнике из Пещерного лога, с моей точки зрения, можно видеть свидетельство проникновения культуры европейского склада на Урал, но не далее того, в ту раннюю пору верхнего палеолита, которая в Европе характеризуется треугольными и листовидными двусторонне обработанными наконечниками. Примерно в том же месте в другое время существовали другие памятники, уже без двусторонне обработанных наконечников. На Урале существуют другого типа памятники, о которых самое лучшее представление можно составить по материалам стоянки Талицкого. Самое последнее сочинение о ней, и самое полное – это работа Т.И. Щербаковой [1994]. Надо полагаться на ее анализ разных коллекций, когда она утверждает, что резцов в стояке Талицкого нет, хотя есть пластины с (плоским) резцовым сколом. По ее данным, здесь более всего скребков. Как и во всех памятниках, скребков средних пропорций больше всего, но они менее интересны, чем более редкие скребки – короткие и укороченные. Они совпадают с набором тарновских скребков [Schild, 1960]. Это короткие двойные укороченные скребки, короткие и укороченные с ассиметричным лезвием, скребки с угловатым лезвием.

Орудий, которые бы можно было отнести к скреблам, я не вижу. Это не более чем пластины с ретушью (с выемками) по краю. Но удовлетворительного определения скребла не существует, и оттого можно и пластины с ретушью относить к скреблам, если держаться определения, данного Ф. Бордом. Сибирскими, архаичные формами на стоянке Талицкого могут считаться лишь чопперы, и они подробно описаны Т.И. Щербаковой, хотя она и разделила их на чопперы и на рубящие орудия, что, с моей точки зрения, одно и то же. Ничего специфического в проколках Островской стоянки нет. Если принять во внимание, что Островская стоянка – стоянка с некоторым количеством сибирских признаков, то к этому с большим основанием тогда следует доба-

вить и отсутствие резцов, как показатель восточного, сибирского характера этой совокупности орудий. Конечно, отсутствие резцов, строго говоря, не очень сибирский признак. Пожалуй, только в памятниках афонтовского типа резцы редки. Но в Европе нет памятников без резцов, даже если речь идет о памятниках и начала верхнего палеолита. Есть памятники почти без скребков, но памятников без резцов не бывает, и это еще одно наблюдение в пользу неевропейской природы этого памятника.

Я все-таки вижу, что предположение о не европейской природе памятника не убедит всех. Во-первых, в наборе орудий все-таки нет скребел и скажем, листовидных орудий, известных в Сибири (Мальте). Во-вторых, набор скребков выглядит тарновским, а стало быть скорее европейским, чем сибирским. Но, строго говоря, в нашем распоряжении нет доказательств заимствования скребков тарновского типа из Европы. Ведь применительно к ножу костенковского типа из Кокорева З.А. Абрамова также не рискует предположить, что он – результат заимствования из верхнего палеолита Европы. Она при этом могла бы сослаться, уж если бы нужно было аргументировать сибирское бытие ножа, на хронологию Кокорева – оно в любом варианте заметно моложе, чем время существования ножей костенковского типа на Дону. Во всяком случае, в остальном совокупность орудий с Островской стоянки выглядит как нечто сибирское. Перечислим такие признаки. Ядрища, найденные на стоянке, относятся к числу плоских ядрищ. Конечно, плоские ядрища есть в стоянках верхнего палеолита на Дону, но они встречаются исключительно в немногих пока памятниках начала верхнего палеолита, например, в 5 м слое Костенок 1, и не встречаются в более поздних памятниках. В Сибири же плоские ядрища встречаются на протяжении всего сибирского палеолита. В совокупности орудий находят свое место сибирские орудия типа чопперов, изготовленных из массивных кусков сланца. В Европе такие формы редки, а в Восточной Европе их, кажется, и нет вовсе. А Островская стоянка никак не может относиться к началу верхнего палеолита. Скребки высокой формы (условно называемые скребками орудия, скорее всего служившие ядрищами) есть в сибирских памятниках второй половины сибирского палеолита, а что касается Восточной Европы, то они не встречаются в костенковское время и позже. Известно, что орудия высокой формы есть в коллекции Мальты. Присутствие долотовидных орудий различает Островскую стоянку и Мальту, но долотовидные орудия известны в других памятниках этой группы сибирского палеолита (Могочино). Наконец, теперь уже известно, что столь своеобразные скребки, как в Островской стоянке, не одиноки – они представлены в сибирских памятниках.

Поскольку теперь к востоку от уральских памятников существует некоторое количество памятников, на них следует обратить внимание. Богаче других форм может быть (я сужу только по публикациям) стоянка Черноозерье [Петрин, 1986]. Памятник расположен на р. Иртыш, в 700 км от Урала. Материал разделен по трем отдельным слоям, но, видимо, его можно рассматривать как единое целое, поскольку его немного и автор раскопок не отмечает различий между изделиями из разных слоев. Ядрища, правда их всего семь

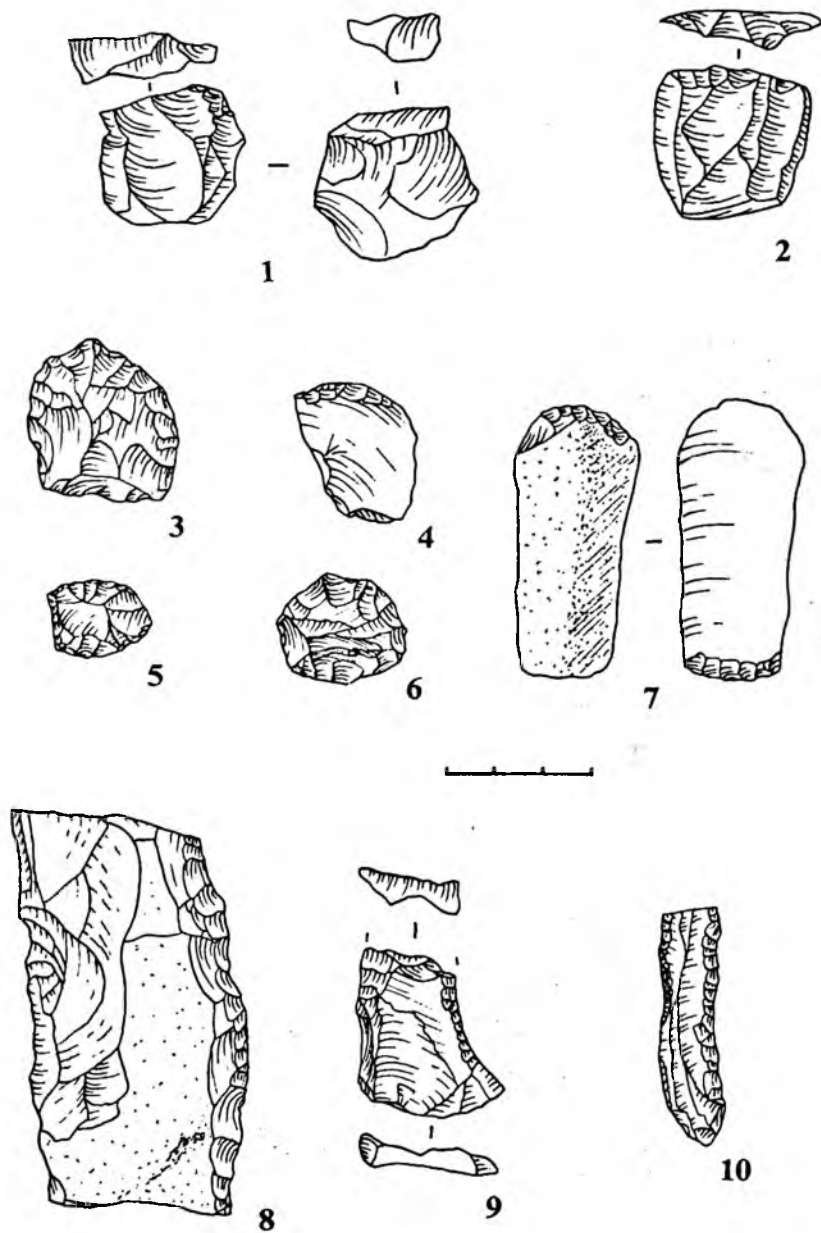
штук, не плоские, как в Островской стоянке, а напротив, с выпуклой плоскостью раскалывания. Может быть, до нас дошли только ядрища для микропластинок, которые служили вкладышами, но во всяком случае известны только ядрища с выпуклой поверхностью раскалывания. Зато скребки Черноозерья вполне совпадают с набором скребков из стоянки Талицкого. Это – та же совокуиность, которую в Европе принято называть тарновской совокупностью. Она здесь даже может быть полнее, чем совокупность скребков в Островской стоянке. Сначала о тех скребках, которые являются общими формами для двух стоянок. Это короткие и укороченные скребки, двойные укороченные скребки, асимметричные укороченные скребки, короткие или укороченные скребки, асимметричные укороченные скребки, короткие или укороченные скребки с угловатым лезвием, короткие / укороченные скребки с коркой, и лишь одна разновидность, которая не представлена в стоянке у с. Остров – это двойные скребки с противолежащей ретушью лезвий. Некоторые формы скребков имеют ретушь по краям. Неизвестно, есть ли скребки более вытянутых пропорций. Если скребков много (более, чем других категорий), то резцов В.Т. Петриш насчитал 6 экземпляров (на рисунках их 9). Часть из них – это пластинки со сколами – повреждениями, но часть, безусловно, резцы. Есть и несколько проколов. Казалось бы, в наборе орудий нет ничего сибирского, но есть десяток чопперов, которые называются у В.Т. Петрина рубящими орудиями. Нет сведений о долотовидных орудиях. Далее к востоку, уже на берегах Оби находится стоянка Могочино. Это – самая восточная стоянка из палеолитических стоянок Западной Сибири, и она же одна из самых полных по материалу – если иметь в виду каменные орудия. Ядрища, судя по рисункам, разные, всех возможных разновидностей, в том числе и клиновидных – тех, которых не было в Черноозерье, есть и плоские ядрища, но не видно ядрищ с выпуклой поверхностью раскалывания, таких, как в Черноозерье. Но полной картины и в Могочино нельзя получить – ядрища все больше сработанные, остаточные и мелкие. Что касается клиновидных, то они – собственно основания клиновидных ядрищ. Скребки в Могочине близки к скребкам Черноозерья, тут много коротких и укороченных, есть с противолежащими лезвиями, асимметричные. В Могочине есть и долотовидные орудия, чего не отмечено в Черноозерье. Автор пишет о резцах, но в иллюстрациях резцов нет. В Черноозерье же было несколько резцов, и они не вызывали сомнения в нескольких случаях. Массивные чопперы в Могочино носят названия лещка, но, судя по рисункам, они там есть. Чем еще Могочино отличается от Черноозерья, так это скреблами. И эти скребла сделаны на массивных кусках породы и обработаны крутой ретушью или оббивкой. Они не полностью соответствуют скреблам кокоревской или афонтовской группы, но это скребла, а не орудия на пластинах, которые лишь с большим трудом можно отнести к скреблам. Перед нами довольно оригинальный памятник. Его истолкование (для наших целей) может быть разным. Одним из вариантов может быть установление западносибирского варианта развития палеолита, как можно истолковать и Островскую стоянку (вариант развития – только уральский). В самом деле, если не считать немногих скребел, в Могочине и в Черноозерье

сибирские черты (здесь понимаемые как кокоревско-афонтовские) единичны. Из этих памятников можно сделать особый вариант, с обилием долотовидных орудий, с пластинками с притупленным краем, с тарновской группой скребков. Можно соединить эту группу со стоянкой Талицкого и так же точно отделить ее от сибирского палеолита.

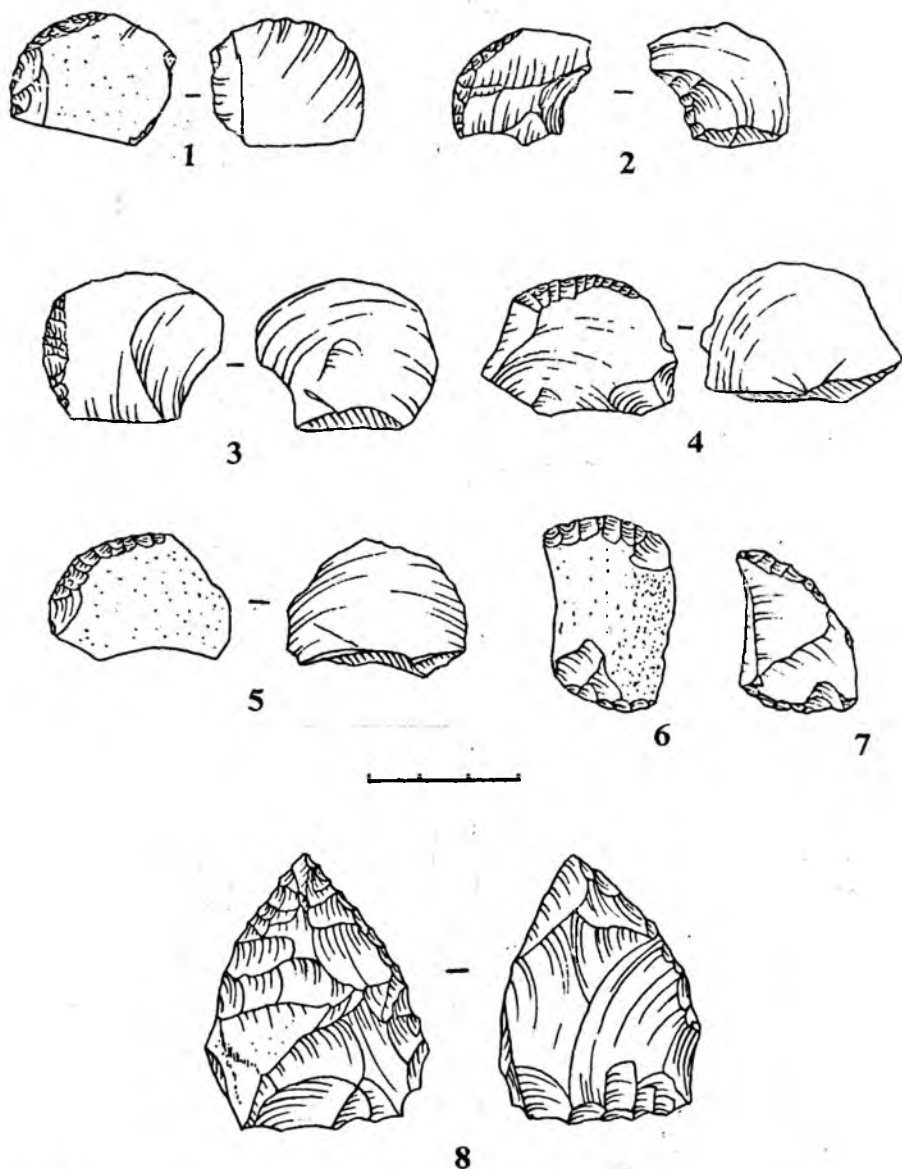
Однако даже скромный материал из западной Сибири, разбросанный по огромному пространству, не позволяет это сделать. Даже два памятника, которые известны для огромных просторов западной Сибири, как на грех, существенно разнятся, так что их нельзя соединить в единое целое. Если в Могочине есть бесспорные признаки снисейских памятников, то в Черноозерье такие признаки есть в меньшей степени, чем в материалах Островской стоянки, две стоянки приходится делить между двумя районами, которые – один с востока, другой с запада – примыкают к западной Сибири. Пример с Могочинским и с Черноозерьем показывает, как сложно проводить выделение областей развития в бескрайней Сибири, и не только потому, что она – бескрайняя, а потому, главным образом, что методика выделения областей развития никак не выработана.

Вместе с тем выясняется, что Западная Сибирь не составляет особого района внутри обширной зоны сибирского палеолита. Все параллели, которые были представлены исследователями западносибирских памятников, помещаются внутри Сибири. И вряд они ошиблись. Помимо доказательств, ввиду категорий орудий или форм, свойственных Сибири, как-то скребел или плоских ядрищ, отсутствия резцов, можно указать на отсутствие в Западной Сибири памятников с листовидными (с овальным основанием) или треугольными острями с двусторонней обработкой, которые известны к западу от Урала.

До известной степени можно воспользоваться западносибирскими памятниками в качестве образца для определения подхода и к уральским памятникам. Ведь и западносибирские памятники – Черноозерье, например, не обладают полнотой форм, которые свойственны афонтовским или кокоревским памятникам. И про Островскую стоянку О. Н. Бадер сказал, что там список сибирских форм (то есть тех же афонтовских и кокоревских) не слишком полный. Теперь обратимся к единственному памятнику на Волге, в Самаре – к Постникову оврагу [Кузнецова, Скупова, 1987]. Памятник этот, его несколько пунктов в пределах одного оврага, не богат орудиями, но материал этот содержит показательные формы и его следует привлечь для наших целей. В нем, во-первых, хорошо выражены те особенные сибирские черты, которые не являются кокоревскими. Л. В. Кузнецова несколько раз подчеркивает существование плоских ядрищ, конечно, наряду с призматическими. Это признак общий для всей Сибири, а также и для Островской стоянки. Во всех пунктах отсутствуют резцы, правда, Л. В. Кузнецова говорит о них. Однако при этом она выражает сомнения в надежности определения, и представленные ею рисунки [Кузнецова, Скупова, 1987: рис. 6] заставляют вместе с исследовательницей сомневаться в существовании там резцов.

Т а б л. 1. Островская стоянка: 1 — плоское ядрище; 2 — плоское ядрище; 3 — скребок двойной короткий; 4 — скребок асимметричный (ретушь с брюшка); 5 — скребок двойной укороченный; 6 — скребок укороченный с ретушью по краям; 7 — скребок двойной; 8 — пластина с ретушью; 9 — пластина с усеченным концом (усечение — плоский резовый скол); 10 — пластина с выемками

Т а б л. 2. Постников овраг: 1 – скребок укороченный; 2 – скребок укороченный асимметричный; 3 – скребок укороченный с ретушью по краю (ретушь с брюшка); 4 – скребок укороченный; 5 – скребок укороченный; 6 – скребок двойной; 7 – скребок асимметричный; 8 – острие, двусторонне обработанное, из Пещерного Лога

Наиболее выразительный элемент и здесь, как в коллекциях к востоку от Волги – это скребки. Не то чтобы они похожи полностью на те, что известны из Могочино или из Островской стоянки, но сходство между совокупностями есть, и оно простирается довольно далеко. К сожалению, рисунки, опубликованные Л.В. Кузнецовой, не идеальны и не дают полного впечатления материала, насколько я могу судить. Но можно говорить об укороченных скребках, асимметричных скребках, есть и двойные скребки. Обращает на себя внимание и орудия, относящиеся к разновидности высокой формы [Кузнецова, Скупова, 1997. рис. 4, 11-3]. Они здесь, как принято говорить, в уплощенной разновидности. Удивительным образом, здесь есть и орудия из плиток и галек. К их числу относятся чопперы, скребла. В итоге, перед нами вполне сибирская коллекция, поскольку тут есть и архаичные изделия (чопперы, скребла) и неархаичные формы, как скребки короткие и укороченные, орудия высокой формы. К тому же в этом наборе форм очень мало резцов (табл. 2). Вместе с тем я бы не согласился с тем, что Западная Сибирь – это всегда территория с ослабленными сибирскими чертами, ибо и там есть и памятники с более выраженными признаками сибирского палеолита, как Могочино, и с менее выраженными чертами. Дело обстоит так же, как в Восточной Сибири. Можно сказать, что количество собственно сибирских черт непостоянно в любой совокупности памятников сибирского палеолита. Палеолит западной Сибири ничуть не более сибирский, чем палеолит Урала. В качестве различающего свойства поэтому лучше пользоваться периодизацией палеолита, будь то палеолит Енисея или палеолит Забайкалья. Палеолит Сибири различается не только по признакам афонтовско-кокорева, но и по другим, всеобщим в пределах Сибири, признакам. Это более всего, конечно, плоские ядрища и признаки, выраженные количественно. В сибирском палеолите мало памятников с резцами и мало памятников с пластинками с притупленным краем. Своеобразие сибирского палеолита лучше всего выражено через его структуру, но данные, на которых основано заключение о его структуре, ограничены главным образом восточной половиной Сибири. Только там известны, предположительно, и ранняя половина его, и поздняя часть. Только там, на Алтае, в Туве, Забайкалье, на Енисее и Ангаре можно говорить о местных особенностях палеолита Сибири. В западной половине Сибири стоянки катастрофически редки, и там, конечно, нельзя установить структуру, как она обнаруживает себя через периодизацию палеолита. Приходится ограничиться показателями структуры, основанными на пространственном распределении памятников. Обычно говорят об археологической культуре, как показателе пространственной организации палеолита, применительно к верхнему палеолиту Европы, например. Однако в Сибири нет археологических культур, хотя многие говорят о мальтинской культуре или афонтовской культуре. Впрочем, понятие мальтинской культуры поразительным образом совпадает с европеоидными памятниками сибирского палеолита, где уже есть и Тарачиха, и Красный Яр, Афанасьева гора [Абрамова, 1984: 316, 331]. Основной структурной единицей сибирского палеолита является то, что в Европе я предложил называть путем развития. Это подразделение, которое экстерриториально, во-пер-

вых, и не обладает изменчивостью во времени, во-вторых. Отсюда – существование таких культур (по мнению их открывателей), как мальтинско-ачинская или афонтовская, которые простираются через пол-Сибири и которые суть экстерриториальные единицы анализа.

Продолжительность их во времени также во многих случаях великовата для археологической культуры. А принцип построения, или выделения, этих культур – это противопоставление одного памятника – другому, с выводом, если они несхожи, значит, это разные культуры. Отсюда и то неполное сходство, которое еще О.Н. Бадер отметил для отношения между стоянкой Талицкого и сибирскими материками, или сходство с разными памятниками.

Итак, материалы стоянки Талицкого обладают сходством с сибирским палеолитом. Это сходство – неполное, что и естественно, поскольку оно отражает принадлежность к одному пути развития. Если же судить не по материалам одной стоянки, а по материалам целого района, то для этого недостает сведений как новых стоянок, так и хронологической позиции для многих из них. Имеющиеся стоянки ограничены в материале. Понятие: неполное сходство отражает не столько меру сходства, сколько уровень наших суждений о сибирском палеолите. Уже несколько авторов, занятых проблемами сибирского палеолита, отметили, что сибирский палеолит состоит из двух, скорее всего, проявлений. Одно из них – сибирский палеолит вроде Афонтовой и Кокорева, в виде многослойной Майны или Могочина. Именно неполнота признаков этой разновидности сибирского палеолита в стоянке Талицкого и делает сходство ее с сибирским (афонтовским) палеолитом не полным. Но если обратиться к другой разновидности сибирского палеолита (у Абрамовой – это пласт), то сходство можно считать полным. Естественно, сравнивать следует со всем этим пластом, а не с Мальтой, или не с Могочинным даже, хотя он и ближе к Уралу. Совокупность памятников, которая является пластом, по Абрамовой, несет признаки, с одной стороны, свойственные сибирским памятникам, с другой – не попавшие (и напрасно) в их число.

Стоянка Талицкого, по совокупности признаков каменного инвентаря, относится к сибирскому палеолиту. Урал же был не границей между верхнепалеолитической Европой и Сибирью, а областью, где (видимо, в разное время) обитали и носители сибирского палеолита и проникавшие туда группы европейского населения. Сибирские памятники проникали вплоть до Волги, свидетельством чему – несколько пунктов в Постниковом овраге на территории города Самары.

Литература

Астахов, 1958: Астахов С.Н. Палеолитическая стоянка им.Талицкого. Тезисы докладов на 4 всесоюзной археологической студенческой конференции. М.

Бадер, 1964: Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение Севера. М.: Наука.

Щербакова, 1994: Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург.

Замятнин, 1951: Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Тр. Института этнографии АН СССР. Т. 16. М.

Сосновский, 1934: Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Тр. II международной конф. АИЧПЕ. Вып. V. Л.; М.

Синицын, 1997: Синицын А.А. Проблема аналогий и культурной атрибуции стоянки Талицкого // Пещерный палеолит Урала. Уфа.

Астахов, 1958: Астахов С.Н. Палеолитическая стоянка Талицкого // Тр. 2 студенческой конференции.

Абрамова, 1979: Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Новосибирск.

Ефименко, 1934: Ефименко П.П. Дородовое общество. Л.; М.: Огиз.

Абрамова, 1991: Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Н.Ф. Лисицын. Палеолит Енисея. Л.: Наука.

Окладников, 1951: Окладников А.П. Некоторые вопросы изучения верхнего палеолита СССР в свете новейших исследований. Советская археология. Т. XXI.

Герасимов, 1931: Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка. Иркутск.

Абрамова, 1984: Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. М.: Наука.

Петрин, 1986: Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск.

Рогачев, 1957: Рогачев А.Н. Многослойные стоянки костенковско-боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, вып. 59, Наука. М.

Павлов, 1993: В. Guslitzer P. Pavlov. Man and Nature in Northeastern Europe in the Middle and Late Pleistocene // From Kostenki to Clovis. New York & London. Plenum Press.

Schild, 1960: Schild R. Extension des elements de type tarnovien dans les industries de l'extreme fin du Pleistocene // Archeologia Polona t. III. 1960.

Т.И. Щербакова*

КАМЕННЫЙ ИНВЕНТАРЬ ГРОТОВ СТОЛБОВОГО И БЛИЗНЕЦОВА НА ФОНЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ УРАЛА

Интерес специалистов к палеолиту Урала уже с самого начала его исследования, когда появились первые результаты раскопок Островской стоянки на р. Чусовой, принял несколько специфический характер¹. Внимание главным образом было акцентировано на тех признаках каменного инвентаря, которые находили аналогии в восточноевропейских или сибирских материалах, сближая уральскую стоянку с европейским или сибирским кругом культур. В известной мере это можно объяснить пограничным положением Урала между этими большими географическими регионами и желанием определить место данного памятника в системе культур верхнего палеолита. Такой постановке вопроса способствовало отсутствие на Урале других материалов, пригодных для сопоставления. Дискуссия затянулась на несколько десятилетий [Воеводский, 1942; Бадер, 1947, 1960, 1965; Рогачев, 1961; Абрамова, 1978; Синицын, 1982] и даже сейчас продолжают обращаться к этой теме [Григорьев, 1997]. Однако в настоящее время, признавая безусловную уникальность инвентарного и жилого комплекса Островской стоянки, который вот уже полувек остается эталонным для Урала благодаря своей полноте, нужно в первую очередь сконцентрировать внимание на изучении облика всех известных здесь палеолитических индустрий, а также выявлении их сходства – различия между собой. Накопленный материал достаточно обширен, это уже не единичные находки 40–50-х годов; появились новые стратифицированные памятники, значительные коллекции собраны на разрушенных местонахождениях, но, к сожалению, все эти материалы плохо отражены в литературе, что затрудняет как зна-

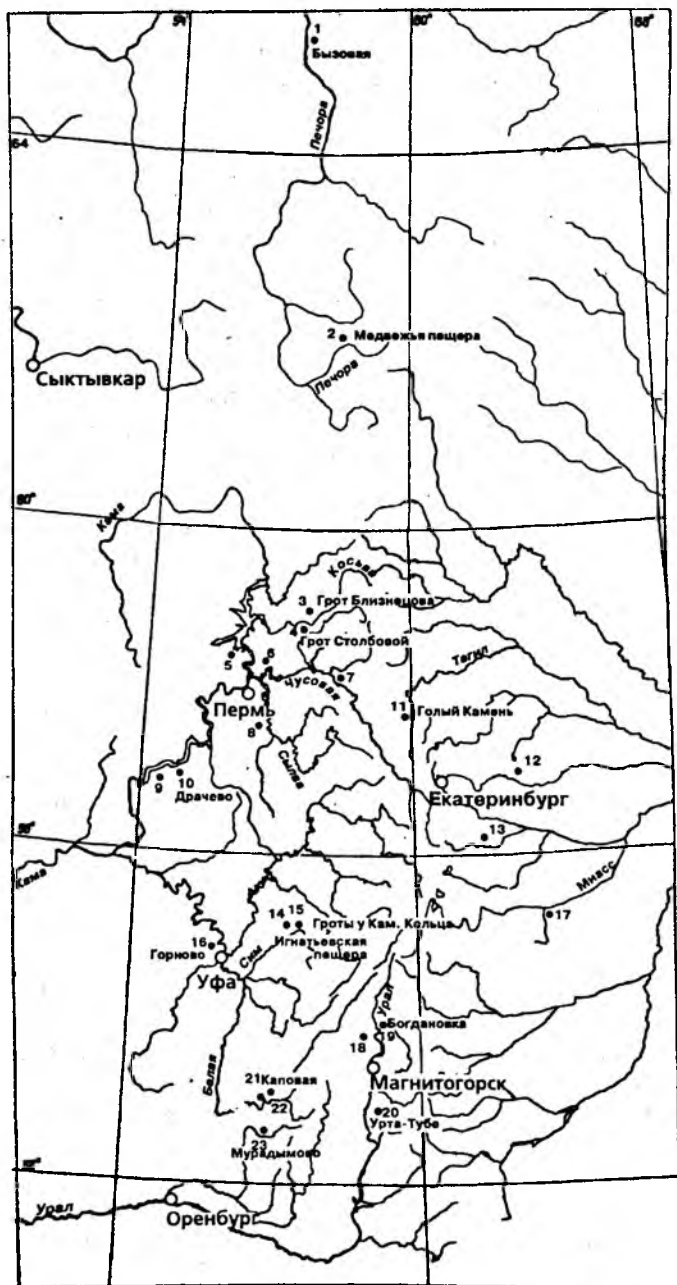
* Щербакова Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея религии. Санкт-Петербург.

© Щербакова Т.И., 2001.

комство с ними, так и обращение к ним. Уже неоднократно отмечалась необходимость подробного освещения существующих на Урале палеолитических комплексов и введения их в научный оборот, что может стать единственно реальной основой для суждений о характере уральского палеолита и его связях с культурами сопредельных территорий. Анализ коллекций прошлых лет, не получивших в свое время развернутой характеристики, одна из задач, стоящих перед исследователями Урала. Этому посвящена и настоящая статья, целью которой является рассмотрение каменного инвентаря гротов Столбового и Близнецова, которые раскапывались О.Н. Бадером в 60-е годы. Фаунистический материал этих комплексов был изучен И.Е. Кузьминой, и именно ее заключения о составе фауны были использованы в работе [Кузьмина, 1975]. По образцам костных остатков, представленных И.Е. Кузьминой в ИИМК РАН, Ю.С. Свеженцевым в 1983 г. получены радиоуглеродные даты. Что же касается каменного инвентаря, то ему была дана только предварительная оценка [Бадер, 1967]. Предлагаемый обзор коллекций, хранящихся в Институте археологии РАН (Москва), дополнит имеющиеся сведения и позволит более продуктивно оперировать данными этих пещерных стоянок.

Грот Столбовой находится в бассейне р. Чусовой, на правом берегу ее притока р. Усьва, немного северней Островской стоянки (табл. 1,4). Он расположен на высоте 120 м над уровнем реки и ориентирован на север, что уже предполагает кратковременность находившейся здесь стоянки; грот неглубокий, ширина входа 15 м. Раскопками О.Н. Бадера 1965–1967 гг. было вскрыто 54 кв.м; культурные остатки залежали на глубине от 1 м 45 см до 1 м 70 см от поверхности. В среднем их мощность составляла 25 см, однако в глубине грота она достигала 65 см. Здесь О.Н. Бадер отмечал наличие впадины с большой концентрацией фаунистического материала при полном отсутствии кремня, предполагая какое-то ее специальное назначение [Бадер, 1965а, 1967а]. Общее количество костных остатков, составивших около 3 тыс. экз., принадлежит следующим видам животных: северный олень, заяц, лемминг, лошадь, песец, сайга, шерстистый носорог, бизон; также выявлены кости птиц [Кузьмина, 1975]. Наличие в фауне холодолюбивых видов, в особенности многочисленных остатков леммингов, свидетельствует о достаточно холодных климатических условиях, хорошо согласуясь с полученной радиоуглеродной датой – 22890±200 (1E-2773) [Свеженцев, Щербакова, 1997]. Все это позволяет связывать время существования стоянки в гроте Столбовом с периодом последнего вюрмского похолодания.

Число каменных изделий насчитывает порядка 200 экз., но часть их была передана О.Н. Бадером в Пермский областной краеведческий музей; в Москве хранятся только 104 экз. В этом составе представлено всего три орудия: два концевых скребка на пластинах (табл. 2, 2,3) и концевой скребок с усеченным концом на пластинчатом сколе (табл. 2, 5). Не исключено, что среди того материала, который оказался в Перми, орудий больше. Основную часть рассматриваемой коллекции составляют нуклеусы в разной стадии сработанности – всего 22 экз., а также продукты расщепления – всего 79 экз. Из этих последних к сколам систематического расщепления относятся 7 пластин; ос-

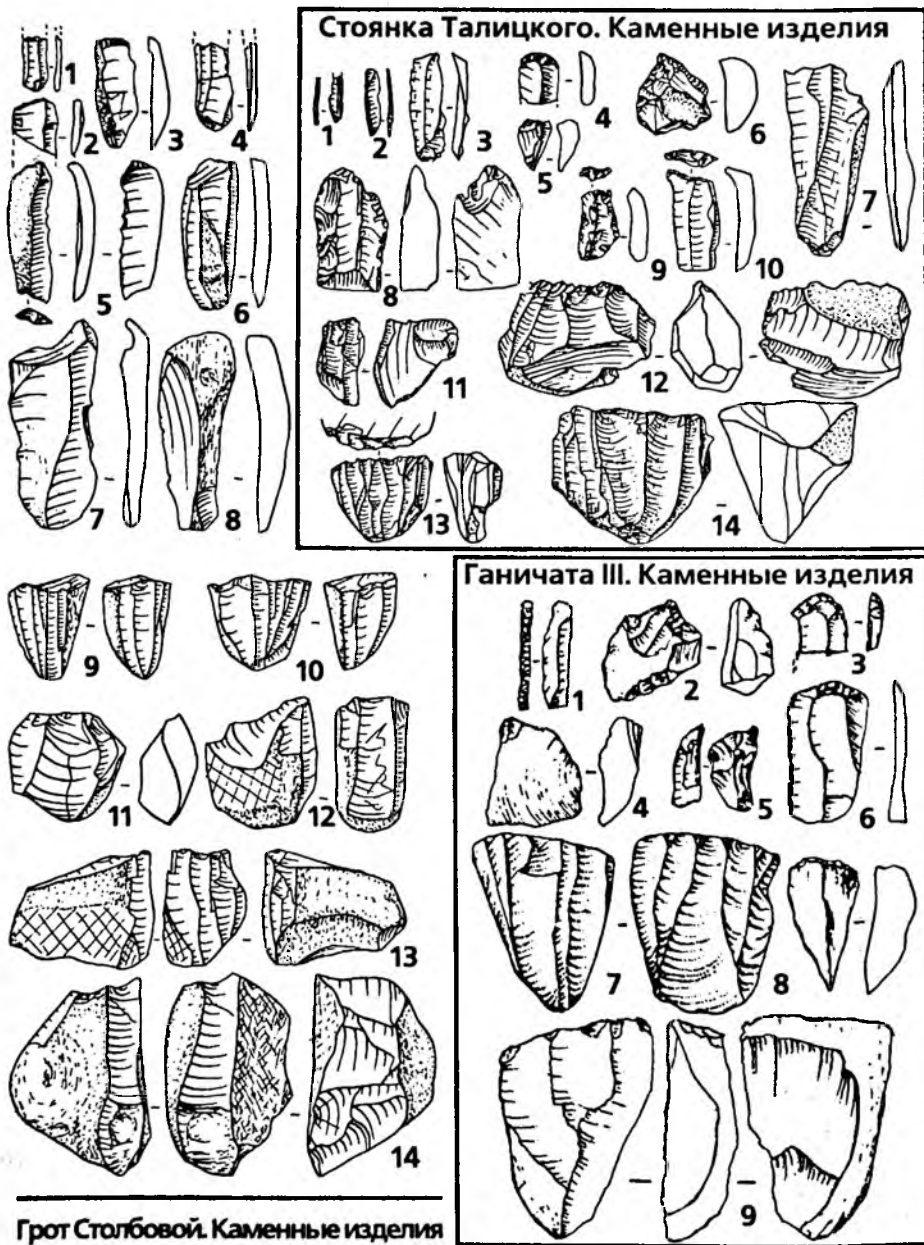
- 1 – Бызовая;
- 2 – Медвежья пещера;
- 3 – Грот Близищева;
- 4 – Грот Столбовой;
- 5 – Группа стоянок на Камском водохранилище;
- 6 – Группа стоянок в нижнем течении р. Чусовой;
- 7 – Грот Большой Глухой;
- 8 – Ельники;
- 9 – Сосновское II;
- 10 – Драчево;
- 11 – Голый Камень;
- 12 – Грот Безымянный;
- 13 – Грот Зотинский;
- 14 – Игнатиевская пещера;
- 15 – Гроты у Каменного Кольца;
- 16 – Горново;
- 17 – Навес Устиново;
- 18 – Пещера Смеловская II;
- 19 – Богдановка;
- 20 – Урта-Тубе;
- 21 – Каповая пещера;
- 22 – Кульюрттамак;
- 23 – Мурадымовская пещера

Т а б л. 1. Карта-схема основных палеолитических местонахождений Урала:

тальные представляют собой сколы оформления-подправки ядрищ, включая аморфные обломки и осколки. Такое соотношение артефактов свидетельствует, с одной стороны, о том, что в гроте производился достаточно активный процесс первичного раскалывания, с другой – что наиболее ценные орудия и заготовки скорее всего были унесены отсюда, когда люди покидали это временное стойбище.

Нуклеусы и продукты расщепления иллюстрируют применение в гроте Столбовом принципа параллельного раскалывания. Нуклеусы представлены тремя формами: конической (табл. 2, 9, 10); торцовой (табл. 2, 12, 13); призматической (табл. 2, 11) и одним ядрищем с продольно-поперечным снятием (табл. 2, 14). Наиболее развитой является форма конических ядрищ, у которых скалывание велось почти по всему периметру. Негативы снятий у них узкие, частично накладывающиеся друг на друга и создающие четкую параллельную огранку фронтальной плоскости. Именно они послужили причиной того, что О.Н. Бадер датировал индустрию грота Столбового достаточно поздним временем и в целом отнес к завершающим этапам палеолита, близким к голоцену, несмотря на ярко выраженный холодолюбивый состав фауны [Бадер, 1967]. С этих ядрищ снимали микропластинки шириной от 3 до 6 мм и, судя по негативам, их пропорции и очертания были аналогичны микропластинкам со стоянки Талицкого. Нужно отметить, что на стоянке Талицкого есть нуклеусы для микропластинок с суженным основанием, имеющие достаточно протяженный выпуклый фронт, которые, в известной мере, могут быть сопоставимы с коническими ядрищами грота Столбового (табл. 2, 13 – ст. Талицкого). На обеих стоянках встречено по одному экземпляру сравнительно редких нуклеусов с продольно-поперечным снятием, где представлено сочетание скалывания как с широкой плоскости, так и с узкого торца (табл. 2, 14 – гр. Столбовой; табл. 2, 12 – ст. Талицкого).

Призматические ядрища грота Столбового имеют уплощенный фронт со следами достаточно широких пластинчатых сколов; их незначительная толщина свидетельствует о сильной работанности (табл. 2, 11). Торцовые – самые многочисленные, обычно не имеют никакой дополнительной подправки, кроме оформления ударной площадки, и выполнены на обломках удачно подобранной формы (табл. 2, 12, 13). И с тех, и с других снимали пластины шириной, в среднем, от 0,9 до 1,5 см и длиной до 5 см. Такие размеры и несколько укороченные пропорции заготовок были обусловлены характером используемого сырья, в качестве которого выступал местный галечник. Основная масса изделий изготовлена именно из него. Небольшой процент крупных для этого комплекса форм – длиной более 8 см – связан с использованием кремнистого сланца. Характерные пластины из кремнистого сланца изображены на рис. 7, 8 таблицы 2. Нельзя не обратить внимания на сходство сырьевой базы, которой пользовались в гроте Столбовом и на стоянке Талицкого, что можно объяснить не столько территориальной близостью этих пунктов, сколько их принадлежностью к одной культурной традиции. Они близки также по видовому составу фауны и, вероятно, были оставлены группами охотников на северных оленей, кочевавших в этих местах в

Т а б л . 2

очень холодное время, приближенное к оптимуму последнего вюрмского похолодания (радиоуглеродная дата стоянки Талицкого – 18700 ± 200 , ИГАН–1907). Несмотря на неполноту инвентарного комплекса в гроте Столбовом, он, безусловно, имеет определенные черты сходства с индустрией стоянки Талицкого, что частично уже было отмечено. В качестве сближающих характеристик укажем на: а) сочетание мелких и крупных орудийных форм, б) применение исключительно параллельных способов расщепления, в том числе микропластинчатой техники, в) относительную укороченность пластинчатых снятий, связанную с галечным сырьем, г) размеры изделий, не превышающие в большинстве 5 см.

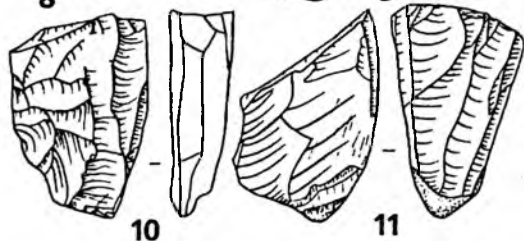
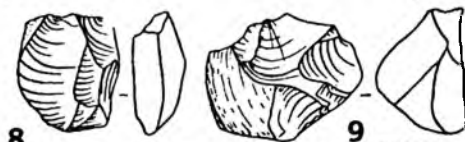
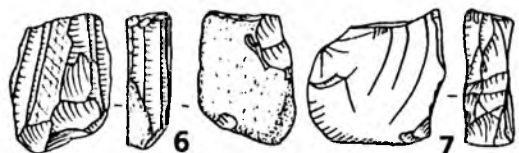
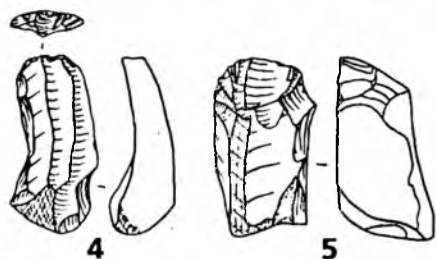
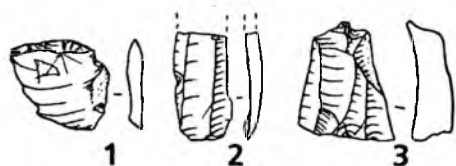
Индустрия стоянки Талицкого выступает эталоном одной из традиций в технике обработки камня, фиксируемой на уральских материалах [Щербакова, 1985]. К ней кроме грота Столбового есть основания относить Медвежью пещеру и, согласно данным П.Ю. Павлова, разрушенные местонахождения Драчево и Ганичата III, расположенные в бассейне Камы на водохранилищах [Павлов, 1988]. Очень интересным представляется сравнение орудийного набора Ганичата III и стоянки Талицкого. Большое сходство обнаруживается в достаточно специфических формах шиповидных изделий (табл. 2, 6, 9 – ст. Талицкого; табл. 2, 5, 2 – Ганичата III); некоторых форм скребков (табл. 2, 5 – ст. Талицкого; табл. 2, 8 – Ганичата III); микропластинок с ретушью (табл. 2, 1 – ст. Талицкого; табл. 2, 1 – Ганичата III). Тщательная проработка коллекций этих памятников в плане выяснения их сходства – различия может привести к получению новых сведений, уточняющих эволюцию тех или иных технических приемов в рамках наметившейся традиции. На мой взгляд, не следует строго ограничивать пространственные рамки ее распространения, как это предлагает П.Ю. Павлов, выделяя «среднеуральский вариант» верхнего палеолита, тем более, что Медвежья пещера, входящая в круг памятников «типа стоянки Талицкого», территориально значительно оторвана от среднеуральских [Павлов, 1988]. Вероятно, сейчас лучше говорить о сходной традиции в технике обработки камня, приемах вторичной обработки, выборе сырья, объединяющих ряд верхнепалеолитических местонахождений Урала. Их сближение оправдывается также тем, что на уральских материалах прослеживается и несколько иная традиция или направление в развитии каменных индустрий, к которой, в частности, принадлежит грот Близнецова. Характеристика каменных изделий этого комплекса приводится ниже.

Грот Близнецова находится в бассейне левого притока Камы – р. Косьвы (табл. 1, 3). Он расположен на высоте около 30 м над уровнем воды и вместе с гротом Столбовым входит в число пещерных пунктов, выявленных Е.П. Близнецовым в этом районе Пермской области [Блинецов, 1968]. Назван его именем. Раскопки проводились О.Н. Бадером в течение одного полевого сезона – в 1967 г. Было вскрыто 58 кв.м, обнаружено более 300 каменных изделий и около 3000 обломков костей животных, абсолютное большинство которых принадлежало мамонту. Также были представлены: северный олень, лошадь, заяц, песец, носорог, сайга, овцебык, бизон, лось [Бадер, 1967а; Кузьмина, 1975]. Обращает на себя внимание, что в отличие от грота

Столбового и стоянки Талицкого здесь нет леммингов, но появляются такие виды, как лось и овцебык, являющиеся показателем более теплых климатических условий. Полученная радиоуглеродная дата – 28540 ± 300 (LE-2766) связывает стоянку в гроте Близнецова с предпоследним вюрмским интерстадиалом. В качестве сырья здесь предпочитали меловой кремль; речной галечник и кремнистый сланец практически не использовались. В коллекции, хранящейся в Институте археологии в Москве и насчитывающей 230 экз. (остальные были переданы в краеведческий музей города Кизела), отмечена только одна галька-отбойник из кварцитового песчаника и один предмет из кремнистого сланца. В составе артефактов представлено: 15 орудий, 27 нуклеусов и нуклевидных обломков; остальной материал относится к продуктам расщепления. Причем среди сколов систематических снятий есть не только пластины – 12 экз., но и отщепы, полученные с радиальных нуклеусов – 9 экз., весь облик которых свидетельствует о целенаправленности их получения. В коллекции представлены и сами радиальные ядрища (табл. 3, 9). Наиболее многочисленными являются сколы оформления и подправки нуклеусов, которые вместе с обломками и осколками составляют основную часть материала – 166 экз. Здесь, как и в гроте Столбовом, фиксируется активный процесс первичного раскалывания и сравнительно невелико количество орудий. Нуклеусы представлены следующими формами: торцовой (табл. 3, 6, 7); клиновидной (табл. 3, 10); призматической (табл. 3, 8, 11); радиальной (табл. 3, 9). Самыми многочисленными являются ядрища с торцовым характером снятий, среди которых есть вторичные, выполненные на массивных отщепах (табл. 3, 7). Выделяется своей развитой формой нуклеус с двумя торцовыми плоскостями раскалывания и узкими удлиненными негативами снятий (табл. 3, 6). Среди призматических форм есть сильно сработанные уплощенные экземпляры (табл. 3, 8), а также нуклеусы, вытянутые по саггитальной линии с приостренным ребром на тыльной стороне (табл. 3, 11). На такую особенность некоторых призматических ядрищ указывала еще М.З. Паничкина, которая по этому признаку сближала их с клиновидными нуклеусами [Паничкина, 1959: 67]. Наличие радиальной системы снятий, кроме грота Близнецова, отмечается еще на стоянках Бызовая, Заозерье и в гротах у Каменного Кольца.

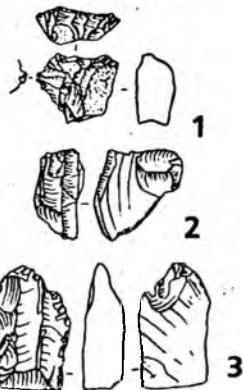
Среди орудий грота Близнецова преобладают скребки высокой формы, изготовленные на массивных обломках (табл. 3, 4, 5). Характерно, что подобные изделия не отмечаются среди достаточно многочисленной группы скребков стоянки Талицкого, так же как и особенность размещения скребкового лезвия на проксимальном конце заготовки. При всей незначительности орудий в гроте Близнецова, этот признак проявляется здесь сразу у двух скребков (табл. 3, 1, 4) и у единичного изделия с подтеской. Прием подтески, выделение шипа с помощью выемок – эти элементы вторичной обработки, типичные для индустрии стоянки Талицкого, представлены и в оформлении орудий грота Близнецова, но наложены они не на пластинчатые заготовки, а преимущественно на отщепы, массивные обломки, сколы оформления – подправки ядрищ. По крайней мере именно такая тенденция прослеживается на имеющемся материале, хотя в коллекции представлены пластины и, судя по негатив-

вам ядрища, изображенного на рис.6, табл. 3, должны были быть и микропластины. Возможно, анализ той части коллекции, что находится в г. Кизеле, позволит откорректировать данные наблюдения.

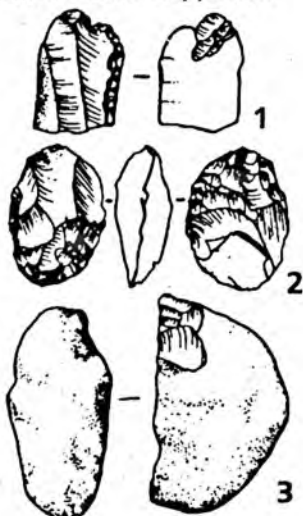

Грот Близнецова. Каменные изделия

Стоянка Талицкого.
Каменные изделия

Заозерье.
Каменные изделия

Т а б л. 3

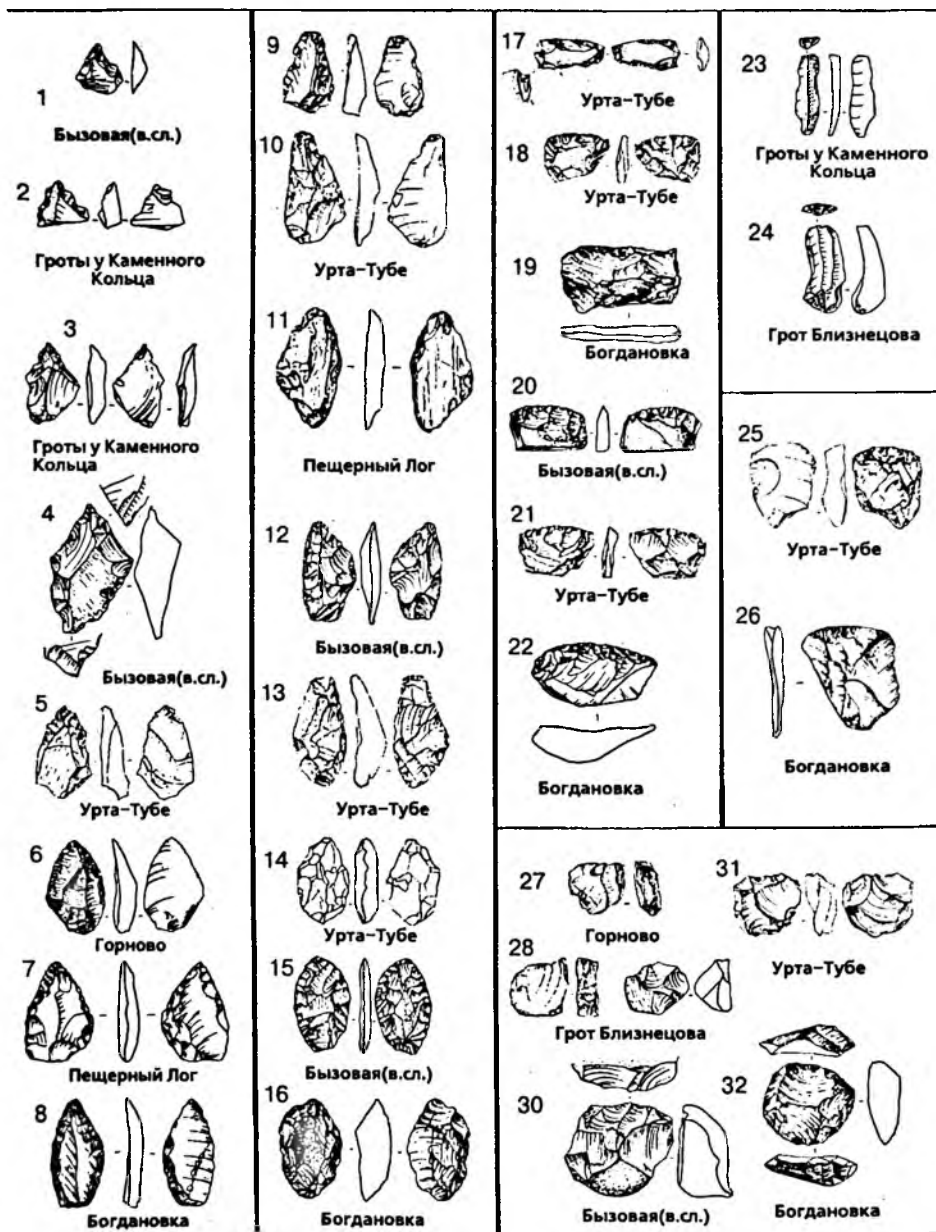
При сравнении каменного инвентаря грота Близнецова с инвентарем стоянок типа Талицкого, в первую очередь проявляются их отличия, что выражается: а) в выборе сырья; б) в более крупном и более равномерном по величине наборе артефактов, где нет очевидного разделения на мелкие и крупные формы; в) в использовании радиального принципа расщепления; г) в наличии массивных скребков высокой формы. Собственно по этим признакам индустрия грота, несмотря на неполноту комплекса, по моему мнению, сближается с индустриями стоянок Бызовая и Заозерье². Эти два местонахождения П.Ю. Павлов относит к одной традиции в технике обработки камня, предлагая рассматривать их как вариант, отличный от индустрии типа стоянки Талицкого, что совершенно справедливо [Павлов, 1988]. Мне представляется возможным расширить этот круг памятников и включить сюда грот Близнецова, гроты у Каменного Кольца и Горново (?). Коллекции Бызовой и Заозерья достаточно многочисленны и могут служить основой для наиболее полной характеристики этого типа индустрии на Урале. Сопоставление с ними стоянок с малочисленным инвентарем можно производить только по каким-то отдельным параметрам. И здесь очень важную роль играют специфические изделия или диагностические формы, а также особенности первичного расщепления и вторичной отделки. По мнению ряда исследователей, именно это, а не массовый материал, имеет решающее значение при определении культурной принадлежности стоянки, причем отсутствие той или иной группы изделий может быть связано с типом памятника [Праслов, 1968: 141; Коробков, 1971: 93; Мочанов, 1977: 74; Васильев, 1996: 181].

Обратимся к конкретному материалу. Обобщенная характеристика индустрии Бызовой и Заозерья, по П.Ю. Павлову, следующая:

- сочетание параллельного и радиального принципов раскалывания;
- основной тип заготовки – отщеп;
- бифациальность;
- наличие скребков высокой формы, остроконечников, острий;
- отсутствие техники резцового скола и чешуйчатой подтески [Павлов, 1988: 18].

В коллекции грота Близнецова отсутствуют остроконечники и бифасы, но представлено сочетание радиального и параллельного принципов раскалывания, а также серия скребков высокой формы. В материалах гротов у Каменного Кольца есть отщепы с радиальными негативами на спинке, что косвенно свидетельствует о применении здесь радиальной системы снятий наряду с параллельными раскалыванием [Щербакова, 1985: 120], но самыми выразительными в этом комплексе являются остроконечники, один из которых, полностью сохранившийся, заслуживает особого внимания. Он изготовлен на укороченном отщепе, ориентированном таким образом, что основная ось орудия получается удлиненной, а два противоположных конца зауженными. Верхний обработан глубокой чешуйчатой ретушью со стороны спинки и слегка подтесан с брюшка, что и формирует остроконечную часть изделия; нижний также имеет подтеску с брюшка, что подчеркивает его уплощенность по отношению к средней части (табл. 4, 3). Своеобразие данному орудию прида-

ет его контур с одним резко выступающим краем, который представляет собой проксимальную часть отщеп-заготовки. Этот остроконечник из гротов у Каменного Кольца по общей форме и деталям вторичной обработки близок остроконечнику с Бызовой, отличаясь от него лишь несколько меньшими размерами (табл. 4, 5). Трудно отнести это сходство к простому совпадению. На этих памятниках представлены и обломки изделий с аналогично оформленной остроконечной частью (табл. 4, 1, 2). Очень выразительной является подтеска концов на остроконечнике со стоянки Бызовой, что не позволяет говорить о полном отсутствии в этой индустрии техники чешуйчатой подтески. Еще одно замечание касается размещения скребкового лезвия на заготовках, которое обитатели гротов у Каменного Кольца, как и обитатели грота Близначева, размещали на проксимальном конце (табл. 4, 23, 24). На всех этих памятниках предпочтение отдавалось меловому кремню. Что касается датировки комплекса из гротов у Каменного Кольца, то она, безусловно, требует уточнений. Сейчас можно ориентироваться только на свидетельство О. Н. Бадера о том, что каменные изделия в гротах залежали вместе с плейстоценовой фауной на глубине от 80 см до 1 м 40 см при общей мощности рыхлых отложений 1 м 40 см. Из видового состава фауны здесь отмечены: носорог, бизон, лошадь, северный олень, медведь. Ярко выраженные холодолюбивые виды отсутствуют [Бадер, 1960 а, 1961, 1964]. В целом такая характеристика не противоречит сближению гротов у Каменного Кольца с кругом памятников типа Бызовой, индустрия которых наиболее четко прослеживается в период предпоследнего вюрмского интерстадиала и, вероятно, была связана с охотниками на мамонтов, лошадей, бизонов, сумевших в условиях наступившего потепления продвигаться далеко на север³. Это направление может иметь отношение к более ранним уральским комплексам Урта-Тубе и Богдановке. К такому предположению приводят следующие наблюдения: а) техника радиального снятия, присутствующая в Богдановке и Урта-Тубе, сохраняется в Бызовой, Заозерье, гроте Близначева, гротах у Каменного Кольца, наравне с развитием здесь верхнепалеолитических приемов расщепления (табл. 4, 29, 30, 31, 32); б) сохраняется техника двухсторонней обработки, что фиксируется на материалах Бызовой и Заозерья (табл. 4, 12, 13, 14, 15, 16). Причем некоторые формы бифасов, представленные в Урта-Тубе и на Бызовой, достаточно специфичны (табл. 4, 12, 13); в) также сохраняется традиция изготовления наконечников и близких к ним форм (табл. 4, с 1 по 8). В связи с этой группой орудий, как уже отмечалось, встает вопрос об отношении к данному направлению Горновского местонахождения [Щербакова, 1985: 132–133]. Что касается материалов Пещерного Лога, где тоже есть остроконечники, то они требуют специальной проработки, особенно с учетом новых сборов на этом памятнике [Лычагина, 1996]. Сейчас отмечу некоторые орудия из Пещерного Лога, по общей форме и деталям вторичной обработки имеющие аналогии в материалах Урта-Тубе. Речь идет о скребловидных изделиях с закругленным концом, подтесанным со стороны брюшка, выполненных на крупных отщепах (табл. 4, 9, 10, 11); г) прослеживается сходство единичных изделий с шипом из Богдановки и Урта-Тубе (табл. 4, 17, 18, 19), а также

Т а б л. 4. Специфические формы каменных изделий, встречающиеся на стоянках Урта-Тубе, Богдановка, Пещерный Лог, гроты у Каменного Кольца, Горново, Близначева, Бызовая

своеобразных орудий с широкой бифасиальной обработкой лезвия, представленных как в Бызовой, так и в Урта-Тубе (табл. 4, 20, 21). Если достаточно редкие орудийные формы повторяются и воспроизводятся в течение длительного времени, то за этим, по-видимому, стоит какая-то устойчивая традиция. В данном случае, когда речь идет о конкретном регионе и определенном хронологическом периоде, есть основания предполагать неслучайный характер таких повторений.

Итак, в развитии палеолитических индустрий Урала наметились два направления. Одно объединяет памятники типа стоянки Талицкого, куда входят грот Столбовой, Медвешья пещера, а также, согласно характеристикам П.Ю. Павлова, Ганичата III, имеющая «несомненное сходство с комплексом стоянок Талицкого и Медвешьей пещеры», и местонахождение Драчево, «близкое по характеру каменного инвентаря к группе стоянок типа стоянки Талицкого» [Павлов, 1988: 12, 14]. Второе объединяет памятники типа Бызовой, к которым я на основании известных мне данных отношу грот Близначева, гроты у Каменного Кольца, Горново (?) и Заозерье, имеющее «анalogии в кремневом инвентаре стоянки Бызовая», хотя П.Ю. Павлов уточняет, что «элементы сходства указывают, скорее всего, на общую техническую основу индустрии этих стоянок, а не культурную близость» [Павлов, 1988: 13]. Также по технико-типологическим признакам каменная индустрия этой группы местонахождений, как было показано, может быть соотнесена с более ранними палеолитическими памятниками Урала – Богдановкой и Урта-Тубе. Вопрос об отношениях этих двух линий развития между собой и с индустриями сопредельных территорий требует дальнейших исследований, пока же, по-видимому, не следует жестко отделять их друг от друга. В частности, трудно объяснимо сейчас удивительно сходство единичных изделий, происходящих со стоянки Талицкого и Заозерья: это фрагменты скребловидных орудий с уплощенным подтеской концом, выполненные на пластинчатых заготовках (табл. 3, 3 – ст. Талицкого; 1 – Заозерье). Более строгие и обоснованные выводы возможны только на основании непосредственного сравнительного анализа всех уральских коллекций, а не только того круга материалов, который был здесь затронут.

¹ В 1998 г. исполняется шестьдесят лет с открытия этой стоянки: в 1938 г. Михаил Васильевич Талицкий, обследуя место находки орнаментированного бивня мамонта, найденного школьниками, установил наличие в береговом склоне четко выраженной линзы культурного слоя. Впоследствии этот памятник был назван его именем.

² П.Ю. Павлов считает, что грот Близначева стоит особняком и не входит ни в один из выделенных вариантов верхнепалеолитических индустрий Урала [Павлов, 1988].

³ П.Ю. Павлов ссылается на следующие абсолютные даты Бызовой стоянки: 25 ± 380 (ТА - 121 - Б), 1972 г.; и $25\ 740 \pm 500$ (ЛЕ - 3047), 1987 г. [Павлов, 1988 : 11].

Литература

Абрамова, 1978: Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука.

Бадер, 1947: Бадер О.Н. Первоначальное заселение Урала и Волгокамья человеком // УЗ ПГУ. Т.5, вып.2. Пермь.

Бадер, 1960: Бадер О.Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеографии Урала // МИА. № 79.

Бадер, 1960 а: Бадер О.Н. Отчет о работе Уральской палеолитической экспедиции в 1960 г. Рукопись // Архив ИА РАН. № 2207.

Бадер, 1961: Бадер О.Н. Отчет об археологических раскопках Уральской палеолитической экспедиции в 1961 г. Рукопись // Архив ИА РАН. № 2370.

Бадер, 1964: Бадер О.Н. Палеолит Урала и заселение Севера. М.: Наука.

Бадер, 1965: Бадер О.Н. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии // Четвертичный период и его история. М.: Наука.

Бадер, 1965 а: Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1965 г. Рукопись // Архив ИА РАН. № 3121.

Бадер, 1967: Бадер О.Н. Палеолит Урала и его значение для изучения древнейшего прошлого Евразии // 5-е Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар.

Бадер, 1967 а: Бадер О.Н. Отчет об археологическом изучении пещер в Пермской области в 1967 г. Рукопись // Архив ИА РАН. № 3596.

Близнецова, 1968: Близнецова Е.П. Обследование пещер в Пермской области // АО. М.: Наука.

Васильев, 1996: Васильев С.А. Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.

Воеводский, 1942: Воеводский М.В. Каменный инвентарь Островской стоянки из раскопок 1942 г. Рукопись // Рукописный архив ИИМК РАН. Личный фонд А.А. Иессена. №6. кп – 2762.

Григорьев, 1997: Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту? // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа.

Коробков, 1971: Коробков И.И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа. МИА. № 173.

Кузьмина, 1975: Кузьмина И.Е. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // БКИЧП. № 43.

Лычагина, 1996: Лычагина Е.П. Исследование приустьевой части р. Чусовой // АО. М.: Наука.

Мочанов, 1977: Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука.

Павлов, 1988: Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист.наук. Л. 20 с.

Паничкина, 1959: Паничкина М.З. Палеолитические нуклеусы: экскурс в область первобытной техники обработки камня // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 1.

Праслов, 1968: Праслов Н.Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона // МИА. № 157.

Рогачев, 1961: Рогачев А.Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы. (О принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // ТКИЧП. Вып. 18.

Синицын, 1982: Синицын А.А. Городцовская палеолитическая культура и ее место в палеолите Русской равнины: Дисс. ... канд. ист. наук / ИИМК РАН. Л.

Свеженцев, Щербакова, 1997: Свеженцев Ю.С., Щербакова Т.И. Радиоуглеродные даты палеолитических памятников Урала // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа.

Щербакова, 1985: Щербакова Т.И. Палеолит Южного Урала и Среднего Урала (к вопросу о характере и связях уральского палеолита): Дисс. ... канд. ист. наук / ИИМК РАН. Л.

С.А.Кулаков*

ИССЛЕДОВАНИЯ АХШТЫРСКОЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ в 1996 г.

В сентябре 1996 г. Причерноморский палеолитический отряд Института истории материальной культуры РАН и Музей Адлерского района г. Сочи произвел работы на Ахштырской пещерной стоянке, которые в первую очередь были нацелены на спасение этого уникального памятника первобытной археологии, наряду с этим преследовались и некоторые научные задачи. Кроме того, был проверен вопрос о возможности музеефикации стоянки и превращении ее в научно подготовленный объект для экскурсионного показа.

Ахштырская пещерная стоянка расположена на территории Адлерского района Большого Сочи в 15 км по прямой от берега Черного и в 11 км на северо-запад от сочинского аэропорта, приблизительно в 1 км на юго-восток от селения Казачий брод и в 1 км на восток от поселка Форелевого хозяйства. Памятник находится в Большой Казачебродской пещере (спелеологическое название), которая расположена в правом скалистом берегу р. Мзымта на участке Дзыхринского ущелья, в лесу на территории Сочинского национального парка, в 200 м вниз от дороги, ведущей на село Галицыно, и в 300 м вверх от последних домов поселка Форелевого хозяйства и висячего моста через р. Мзымта. Таким образом, в настоящее время этот уникальный археологический памятник находится практически на окраине г. Адлер и до него чрезвычайно просто и легко добраться.

Стоянка первобытного человека открыта была в пещере в 1936 г. сотрудниками МАЭ АН СССР С.Н. Замятниным, им же в 1937–1938 гг. было произведено первое исследование памятника, в результате работ было вскрыто

* Кулаков Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург.

© Кулаков С.А., 2001.

около 90 кв. м. пещерных отложений (рис. 1). Исследователь выделил в пещере два культурных слоя эпохи мустье – «верхний и нижний», уровни обитания человека в позднем палеолите – неолите, энеолите – бронзе и средневековье [Замятнин, 1940, 1961].

В 1961 г. исследование стоянки продолжили Е.А. Векилова, научный сотрудник ЛО ИА АН СССР и М.З. Паничкина, сотрудник Государственного Эрмитажа. Им удалось восстановить квадратную сеть и глубинные отметки 1937 г., тем самым привязать свой раскоп в 8 м² и в плане, и по глубинам к площади, вскрытой С.Н. Замятниным (рис.1). Стратиграфия культурных слоев и их атрибуция рассматривались исследователями в русле выводов С.Н. Замятнина [Векилова: Отчет, 1961; Паничкина, Векилова 1961].

В 1962–1963, 1965 годах работы на памятнике велись Е.А. Векиловой, в результате было вскрыто около 40 кв. м культурных отложений (рис.1). В это время начинается комплексное изучение памятника, большие работы были произведены на стоянке геологом М.Н. Грищенко [Грищенко, 1971; Векилова, Грищенко, 1972]. Результатом этих исследований стал новый взгляд на стратиграфию и геологию стоянки. Были введены более дробные подразделения не только пещерных, но и культурных уровней. Так, вместо 7 литологических подразделений С.Н. Замятнина было выделено 15. Вместо ранее выделяемых двух мустьерских слоев стали выделять четыре, вероятно, более сложная стратиграфия верхов пещерных отложений (практически ее отсутствие) не позволила исследователям пересмотреть выделение более поздних уровней обитания по С.Н. Замятнину [Векилова: Отчет, 1962; 1965; Векилова, Грищенко, 1972]. М.Н. Грищенко высказал предложение о том, что галечник в низах отложений совпадает с галечником высоких террас р. Мзымта, но в пещеру попадал не с речным потоком, вообще в образовании пещерных отложений участие «речного потока горного типа... исключается» [Грищенко, 1971:56]. Исследователь приурочивал открытие карстовой полости ко времени «после образования уступа от верхней террасы (расположенной над пещерой) к более низкой, IV террасе (расположенной под пещерой)», с концом влажного и теплого периода образования «красноцветных пород на поверхности» и временем прорыва «через карстовую полость в пещеру гальки» он связывал первое появление в пещере человека с архаичными кремневыми орудиями [Грищенко, 1971:60].

В 1978 г. для демонстрации на совместном советско-французском поле-вом семинаре Е.А.Векиловой на Ахштырской стоянке было прирезано, как выяснилось в 1996 г., 1,5 кв. м площади и был подготовлен новый ступенчатый разрез пещерных отложений (рис. 1). По всей видимости, этот разрез и послужил основой для сводного разреза, описанного и опубликованного в 1978 г. [Векилова и др., 1978]. К этому же времени группой специалистов-естественников был утвержден новый взгляд на стратиграфию стоянки, согласно которому количество пещерных напластований является большим, чем у С.Н. Замятнина, но не столь дробное, как у М.Н. Грищенко, хотя вслед за ним вся толща отложений подразделяется «на три четкие пачки» [Векилова и др., 1978; Гричук и др., 1970]. Авторы считают, что галька в низах пещерных

отложений принадлежит «аллювию р. Мзымта», а «вскрытие карстовой полости... и начало формирования самой пещеры, вероятно, совпадают со временем формирования третьей пачки» и относится к раннему плейстоцену; вторая пачка отложений формировалась в условиях близких к нижневюрмским; верхи отложений, первая пачка – это поздневюрмские отложения [Векилова и др., 1978:47].

Тогда же в 1978 г. Ахштырская пещерная стоянка была признана уникальным памятником первобытной археологии и истории мирового значения. Вход на стоянку был закрыт и коридор пещеры был перегорожен металлической решеткой по западным сторонам квадратов 72Ав, 72г, 73д, 74е, 75ж (рис.1).

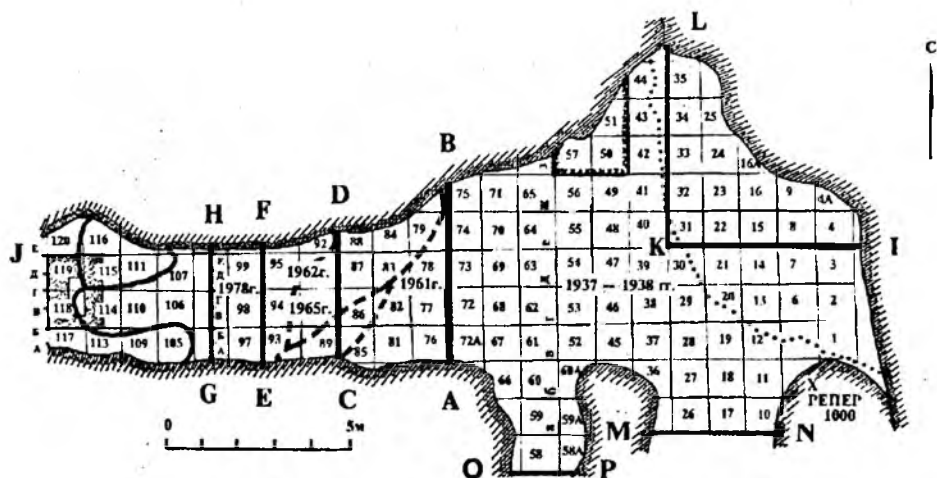

Рис.1. Ахштырская пещерная стоянка. План.

- Границы раскопов стоянки
- Разрезы отложений
- Линии квадратов
- Шурф 1961 г.
- Капельная линия в 1996 г.
- Разрушения дневной поверхности пещерных отложений в 1996 г.
- Границы осыпи 1996 г.
- A - A...** – Профили пещерных отложений 1996г.

В конце 80-х начале 90-х годов большие работы по неоструктурному районированию северо-западного Кавказа проводил С.А. Несмеянов, уделяя большое внимание попутно геоморфологии палеолитических памятников этого региона [Несмеянов, 1992а, 1992б, 1993]. Подобная работа впервые была проделана в таком объеме для этого района Кавказа. Согласно исследователю вход (97 м над рекой) в Ахштырскую пещеру мог открыться в среднем плейстоцене (в 1-й половине ресса), осадконакопление началось в пещере вскоре после ее вскрытия (Q II-?, [Q2а/2], R-2), в процессе которого активно уча-

ствовала река, отсюда и аллювиальный галечник в низах пещерных отложений. Сами отложения не дают свидетельств о «мощной эрозии, которая неоднократно уничтожала пещерные отложения». Автор считает, что «правильнее допускать локальные размывы, обуславливающие вложение или прислоение разновозрастных пещерных осадков» [Несмеянов, 1992б:72-76].

Согласно «Кадастру карстовых полостей Западного Кавказа» [Комплексные..., 1987], Большая Казачебродская пещера с Ахштырской пещерной стоянкой по типу полости относится к «коррозионно-эрозионным пещерам-поярам» и образовалась «при частичном или полном очаговом инфлюационном поглощении стока» р. Мзымта [Комплексные..., 1987: 48-55].

По нашему прогнозу, общая площадь стоянки в Большой Казачебродской пещере составляет около 150 кв. м, общая мощность отложений, вмещающих культурные остатки, достигает 5–6 м. Ахштырская пещерная стоянка включает в себя культурные слои среднего палеолита («верхний мустьерский слой» и «нижний мустьерский слой»), эпох позднего палеолита, неолита, бронзы и средневековья. Для памятника имеются две радиоуглеродные датировки культурных отложений:

1) 35000 ± 2000 лет для верхов «верхнего мустьерского слоя» [Чердынцев и др., 1965 а];

2) 19000 ± 500 лет для середины позднепалеолитических отложений 2-го слоя [Чердынцев и др., 1965б].

К большому сожалению, все охранные мероприятия на стоянке не принесли желаемого результата. Решетка была сломана возле северной стены пещеры (рис. 1) и сквозь образовавшийся лаз на памятник стали проникать любознательные посетители и просто грабители, а в последние годы коммерческие туристические агентства стали подпольно и очень активно водить в пещеру туристско-экскурсионные группы, проделав для этого минимальную подготовку, в виде лестниц и перил. Еще во время первого посещения Ахштырской пещеры автором в сентябре 1983 г. стало ясно, что сохранность культурных слоев на памятнике аварийная. В сентябре 1991 г. при повторном посещении автором памятника еще более резко бросилась в глаза аварийность его состояния из-за постоянных бесконтрольных проникновений на стоянку неспециалистов. При посещении пещеры в октябре 1995 г. стало очевидным, что стоянка первобытного человека находится под угрозой уничтожения. Совершенно бесконтрольные посетители вытоптали и разрушили разрез пещерных отложений 1978 г. по центру, тем самым были уничтожены поздние слои и верхушка «верхнего мустьерского слоя» (рис. 1–3). Обращение с этой тревогой нашло поддержку только у адлерской музейной общественности и у главы администрации г. Адлер г-на А. К. Асатурова, который сумел найти возможность выделить в 1996 г. небольшие средства на проведение первоочередных спасательных работ и проверку возможности музеефикации стоянки. В сентябре 1996 г. такие работы были произведены С.А. Кулаковым при поддержке Отдела культуры и Музея истории Адлерского района г. Сочи.

Тщательное обследование пещеры в поисках репера – условного нуля (отметка 1000 в 1937 г.) и остатков обозначения на стенах пещеры квадрат-

ной сетки 1961–1965 гг., к счастью, дало результат, на стенах пещеры сохранились глубинные отметки 800 и обозначения некоторых квадратов. На основании этого удалось восстановить и привязать к сетке 1961–1965 гг., заново сделанную, подвесную квадратную сеть на глубине 850 от условного репера.

Для более удобной работы с планиграфией стоянки и состыковки разновременных планов мною были введены некоторые усовершенствования:

1) введение буквенных обозначений – строчные буквы русского алфавита – по линиям южных сторон квадратов на общей квадратной сети стоянки, разбитой еще С.Н. Замятниным (рис. 1);

2) обозначение буквами – заглавные буквы латинского алфавита – всех опубликованных разрезов пещерных отложений стоянки (рис. 1).

3) буквами I–J обозначен предполагаемый генеральный продольный разрез, отрезок I–K которого зафиксирован еще С.Н. Замятниным в 1937 г. (1961: Табл. XLV. A) (рис. 1). Далее в глубь пещеры этот разрез не фиксировался.

После этого было произведено тщательное обследование состояния памятника. Было выявлено, что верх пещерных отложений с вмещающими культурными остатками уничтожен на площади более 10 кв. м, на глубину более 2 м от дневной поверхности (рис. 2,3) и снесен («стоптан») вниз в виде огромной осыпи, входящей возле северной стены пещеры почти до загораживающей вход решетки (рис. 1). Наиболее сильно пострадали отложения в центре разреза, верхняя «щебеночная» начка отложений (рис. 2,3) (слои 1, 2/1, 2/2, 2/3) вытоптана почти полностью на всю глубину, т.е. от 30 см до 2,2 м, а на квадрате 102г, т.е. по линии разреза 1978 г. кроме этого разрушению подверглись слой 3/1 и верхушка «верхнего мустьерского слоя» – слоя 3/2 (рис. 1–3). Таким образом, пещерные отложения с культурными остатками поздних эпох и верхнего палеолита в центре пещеры были уничтожены – стоптаны в виде тропинки для более удобного проникновения вглубь. Поэтому отложения должны были сохраниться наиболее полно только в пристенных участках, так и было в октябре 1995 г., а в 1996 г. было обнаружено, что наиболее полный останец отложений сохранился только у южной стены пещеры (рис. 1–3). Возле же северной стены на месте останца верха отложений была зафиксирована свежая яма, судя по выбросу грабителя вырыли ее летом 1996 г. (рис. 1–3). Ямой, на квадратах 111д, 112е, 115д, 116е, уничтожены верхи толщи «щебеночных» отложений, слои 1, 2/1, 2/2, на глубину более 1 м (рис. 1–3).

После выявления и фиксации размеров разрушений пещерных отложений было решено произвести разборку осыпи для выяснения состояния низов и последнего разреза пещерных отложений и обнаружения границ последнего раскопа стоянки в 1978 г. Разборка осыпи была начата примерно от середины линии квадратов 85в, 86г, 87д, 88е (рис. 1). Заполнитель ее выносился на привходовую площадку и тщательно перебирался. По составу осыпь представляла собой буро-серый легкий суглинок, в основном рыхлый, но местами плотный (утопанный) с обилием разновеликого и разноокатанного щебня и более крупной обломочной фракции. Возле северной стены пещеры, на квадратах 79е, 80ж, 83д, 84е, 87д, 88е, 91д, 92е, 95д, 96е, 99д, 100е

(рис. 1), осыпь почти полностью состояла из щебня. Примерно по линии восточной стороны квадратов 97в, 98г, 99д, 100е (рис. 1), на глубине около 650 от условного репера при разборке осыпи были обнаружены нетронутые пещерные отложения. После этого разборка продолжалась согласно поверхности этих отложений. Приблизительно по середине квадратов 101в, 102г, 103д, 104е (рис. 1–3) были зафиксированы остатки поперечного разреза, осыпь была снята до границы разрушенной и нетронутой частей сохранившегося разреза пещерных отложений, который получил наименование – G–H (рис. 1, 3), после этого были тщательно зачищены остатки разреза и поверхности сохранившихся пещерных отложений на квадратах 93–113 по линии – в, 94–118 по линии – г, 95–115 по линии – д, 96–116 по линии – е. Совершенно намеренно была оставлена утоптанная в виде корки осыпь на наиболее разрушенном участке, на квадратах 101в, 102–114 по линии – г (рис. 1–3) – это было сделано с целью более лучшей сохранности культурных слоев стоянки до проведения больших спасательных работ на памятнике, средства же и силы в 1996 г. позволяли проведение только самых первоочередных минимальных спасательных и рекогностировочных работ. С этой же целью была сохранена и присыпка грабительской ямы на квадратах 107–115 по линии – д, 108–116 по линии – е (рис. 1–3).

Для более точной фиксации разрушений стоянки были составлены профили этих разрушений через каждые 50 см (рис. 1, 2). Профиль А–А по середине квадратов 93–117 по линии – в, профиль Б–Б на квадратах 94–118 по линии г и т. д. Восточные части профилей Г–Г, Д–Д и Е–Е недостроены (рис. 2) потому, что на квадратах 94г, 95д, 96е осыпь, перекрывающая низ пещерных отложений по разрезу Е–F 1965 г. специально не разбиралась, чтобы как можно больше и лучше сохранилась самая интересная и малоисследованная нижняя часть отложений стоянки (рис. 2, 3).

В результате детального изучения и сопоставления опубликованных и сохранившихся частей и поверхностей пещерных отложений и архивных данных о предыдущих годах раскопок можно предположить следующую картину состояния памятника на 1996 г. (рис. 1–3). Судя по всему, в 1978 г. состояние разреза Е–F пещерных отложений 1965 г., размеры его разрушений всего за 12 лет были удручающими, что заставило немедленно организовать закрытие входа на стоянку решеткой. Для демонстрации памятника на совместном советско-французском полевом семинаре, по всей видимости, пришлось прирезать 1,5 м отложений в глубь пещеры, разобрать их удалось, очевидно, только до верхней границы 7 слоя (рис. 1–3), про консервацию памятника в 1978 г. трудно сказать что-либо определенное. Поэтому на сегодняшний день мы имеем на стоянке ступенчатый поперечный разрез G–H пещерных отложений на квадратах 101в, 102г, 103д, 104е (рис. 3), верх которого, вмещающий культурные остатки послепалеолитического времени, сильно разрушен и уничтожен, низ же, напротив, сохранился довольно хорошо, особенно слой 7, как предполагается самый древний стратифицированный культурный слой не только Ахштырской стоянки, но и пока всего палеолита Западного Кавказа.

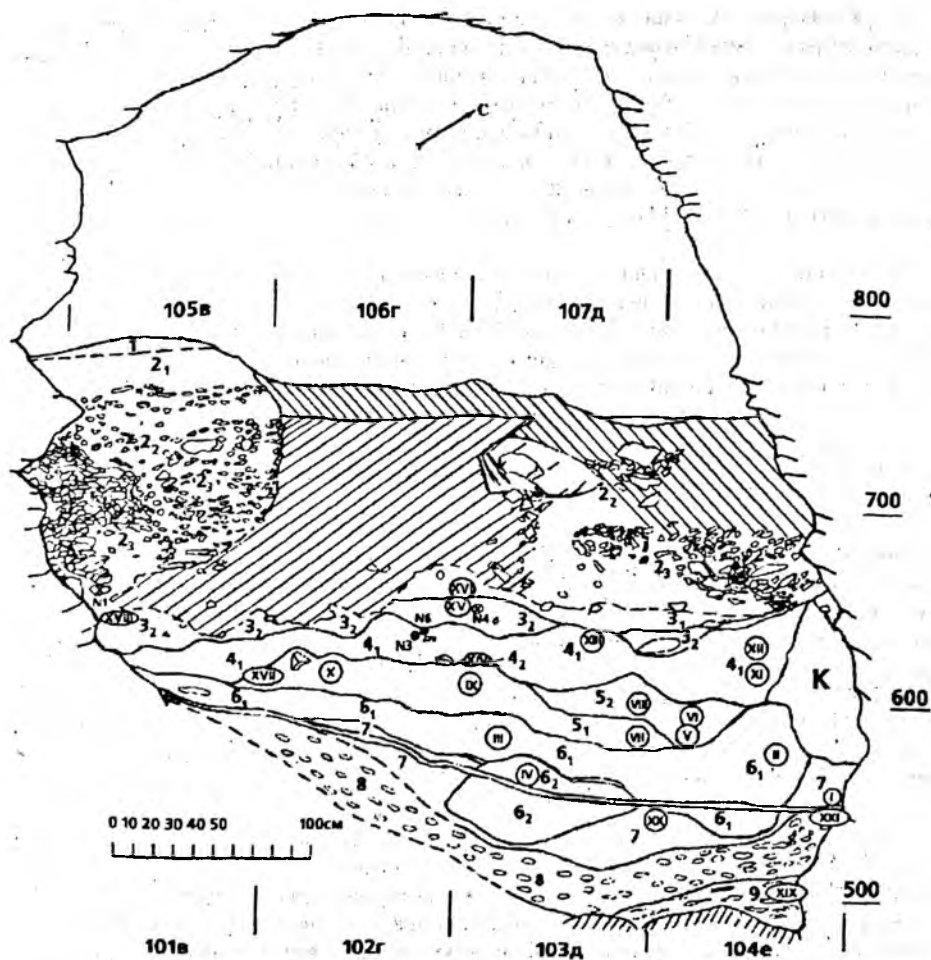

Рис. 3. Ахштырская пещерная стоянка 1996г.

Разрез пещерных отложений G - H.

101в - 107д - Номера квадратов;

500 - 800 - Глубинные отметки

1 - 9 - Номера слоев

— - Границы стратиграфических подразделений

--- - Ступенька в разрезе

⊗ № 1 - Местоположение находок in situ

⊗⊗ - Номера и местоположение образцов на спорово-пыльцевой анализ

///-\\ - Площадь разрушений верхов пещерных отложений (Осыпь)

2/1 Слой (рис. 3). Темно-серый легкий суглинок, обильно включающий мелкий и средний остроугольный известняковый щебень. Выделен только на квадрате 105в (рис. 1,3). Щебень в основном лежит на плоских гранях и ориентирован субгоризонтально с легким провисанием в центре разреза, согласно общему провисанию слоев и наклону дна пещеры. Нижняя граница горизонта выделена по более темному прослою. По С.Н. Замятнину [1961] – неолит; М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой [1962] – неолит; Е.А. Векиловой [1967] – энеолит и более позднее время; Е.А. Векиловой и М.Н. Грищенко [1972] – энеолит.

– до 25 см

2/2 Слой (рис. 3). Суглинок более темно-серый, чем вышележащий, местами до черного, легкий с обилием мелкого и среднего легкооглаженного известнякового щебня, залегающего в основном как и в слое 2/1. Горизонт выделен главным образом по встречающимся в нем мелким и средним глыбам известняка, залегающим, как представляется (судя также и по опубликованным разрезам), в основании этого горизонта слоя 2. По С.Н. Замятнину [1961] – неолит; по М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой [1962] – верхний палеолит; по Е.А. Векиловой [1967] – верхние отделы плейстоцена; по Е.А. Векиловой и М.Н. Грищенко [1972] – верхний палеолит и мезолит.

– до 20 см

2/3 Слой (рис.3). Суглинок еще более темно-серый до черного, легкий, с обилием мелкого, среднего и крупного известнякового щебня, слегка оглаженного и выветрелого. Щебень залегают также приблизительно, согласно общему залеганию слоев, но более хаотично, чем в слоях 2/1 и 2/2. Нижняя граница слоя выделена условно, так как, видимо, это не естественная граница с нижележащим слоем 3/1, потому что на квадратах 101в, 102г, 103д, 104е (рис. 1,3) слой 3/1 разрушен и снесен почти до границы со слоем 3/2 (рис. 3). В данном месте зона контактов слоев была оставлена под плотной утопанной осыпью, для лучшей сохранности культурных остатков. По С.Н.Замятнину [1961] – верхний палеолит; по Е.А.Векиловой [1967] и др. [1962; 1972; 1978] также верхний палеолит.

– до 70 см

3/1 Слой (рис. 3). Суглинок темно-буро-серый, легкий, включающий мелкий оглаженный известняковый щебень. Сохранился только на квадратах 106г, 107д в виде тонкой (до 10 см) прослойки (рис. 1,3). Возле южной стены пещеры, на квадрате 101в, по всей видимости, слой упирался в выступ скалы, так как это место практически полностью забито разновеликим щебнем, сохраняющим и повторяющим конфигурацию стены. А нижележащий слой 3/2 в этом месте резко поднимается вверх – задвигается под эту щебеночную массу. Возле же северной стены пещеры, на квадрате 107д, наоборот, слой 3/1 выклинивается. По С.Н.Замятнину [1961] – мустьерский; верхний палеолит и мустье по М.З. Паничкиной и Е.А.Векиловой [1962]; 1-й мустьерский слой по Е.А. Векиловой – [1967] и др. [1978].

– до 10 см

3/2 Слой (рис.3). Суглинок коричнево-бурый, средний, включающий оглаженный и выветрелый мелкий и средний известняковый щебень, а также мелкие черные пятна железисто-марганцевистых стяжений. Верх горизонта, особенно на квадратах 101в, 102г, сильно разрушен осыпью. Залегают субгоризонтально с резким поднятием возле южной стены пещеры (квадрат 101в), к северной стене – выклинивается. Контакт с нижележащим слоем волнистый. В 1996 г. только в этом слое обнаружены все находки (каменные изделия и обломки костей животных) (рис. 3,4), залегавшие *in situ*. Верхний мустьерский слой, по С.Н. Замятнину [1961]; 2-ой мустьерский слой – по Е.А. Векиловой [1967] и др. [1972, 1978].

– до 25 см

4/1 Слои (рис. 3). Суглинок коричнево-сизый, тяжелый, плотный, включает отдельный сильно выветрелый мелкий и средний известняковый щебень. Залегает субгоризонтально, утончаясь к южной стене пещеры. Контакт с нижележащим слоем волнистый четкий. По С.Н. Замятину [1961] – стерилен; 2-й мустьерский слой – по Е.А. Векиловой [1967].

– до 10–45 см

4/2 Слои (рис. 3). Суглинок сизый, тяжелый, плотный. Выделен в виде небольшой линзы только на границе квадратов 106г–107д (рис. 1,3). Контакт четкий. По всем авторам в археологическом отношении – стерилен.

– 20 см

5/1 Слои (рис. 3). Суглинок темно-бурый, тяжелый, плотный, включает отдельный сильно выветрелый известняковый щебень. Выделяются пятна железисто-марганцевистых стяжений, в подошве отмечается целая линза таких стяжений мощностью до 2 см. Выделен в виде крупной линзы в центре разреза, в основном на квадратах 102г–103д (рис. 1,3). Контакт с нижележащим слоем волнистый четкий. Нижний мустьерский слой – по С.Н. Замятину [1961]; мустьерский слой – по Е.А. Векиловой [1967] и др. [1962,1978]; 3-й мустьерский слой – по Е.А. Векиловой и М.Н. Грищенко [1972].

– до 25 см

5/2 Слои (рис. 3). Суглинок буро-коричневый, тяжелый, плотный, включающий пятна очень сильно выветрелого известнякового щебня. Выделен в виде небольшой линзы на квадратах 103д–104е (рис. 1, 3). Контакт везде четкий. Нижний мустьерский слой – по С.Н. Замятину [1961]; мустье – по М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой [1962]; 4-й мустьерский слой – по Е.А. Векиловой и М.Н. Грищенко [1972].

– до 25 см

6/1 Слои (рис.3). Суглинок зеленовато-серый, тяжелый, плотный, под ножом рассыпается на угловатые комочки, с большим количеством марганцево-железистых стяжений размерами более 1 см. Слои были сильно подвержены процессу оглинения. Включает сильно преобразованные известняковые обломки. Контакт волнистый четкий. По С.Н. Замятину – [1961] содержит в верхней части единичные мустьерские кремни; по Е.А. Векиловой и др. – [1962;1972;1978] – стерильный.

– 10–50 см

6/2 Слои (рис. 3). Суглинок серо-сизый, тяжелый, плотный, под ножом колетя. Залегает в виде линзы на квадратах 102г–103д (рис. 1, 3), с большим количеством марганцево-железистых стяжений размерами более 1 см. Слои были сильно подвержены процессу оглинения. Бронирована сверху черной марганцево-железистой корочкой. По Е.А. Векиловой и др. [1978], слой стерилен в археологическом отношении.

– до 20 см

7 Слои (рис. 3). Глина ярко-рыжего цвета, пластичная, включает остатки сильно преобразованного щебня известняка. Выделен на квадратах 98г, 102г, 99д, 103д, 100е, 104е (рис. 1,3). Контакт с нижележащим слоем нечеткий. По С.Н. Замятину [1961] – в слое находок нет; по М.З. Паничкиной и Е.А. Векиловой [1962] – в самой верхней части включает единичные кремневые изделия и кости животных; по Е.А. Векиловой и др. [1978] – слой содержит мустьерские изделия.

– видимая до 7–25 см

8 Слои (рис. 3). Галечный горизонт с красновато-охристой глиной в качестве заполнителя, с сильно лимонитизированной по поверхности (крупная) и полностью (мелкая) галькой. Галька хорошо окатана, в основном диабазовая, т.е. не пещерного происхождения. Переход в нижележащий слой постепенный. По Е.А. Векиловой и М.Н. Грищенко [1972] – это костеносный конгломерат.

– видимая до 20–30 см

9 Слой (рис.3). Темно-рыжая порода, с пятнами марганцевисто-железистых стяжений, представляющая сильно выветрелые и лимонитизированные коренные известняки пещеры, с четкой слонстостью, отражающей отчетливо-горизонтальное залегание известняков.

– видимая до 10–25 см

К («Карман») (рис. 3). Суглинок темно-сизый, тяжелый. Это выделенный в виде линзы пристенный участок южного окончания слоев 4/1 и 5/2, которые возле стены, по всей видимости, подверглись преобразованиям и потеряли присущие им различия. Даже контакт между слоями не читается.

В разрезе G–H 1996 г. были взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ из всех стратиграфически четко выраженных слоев пещерных отложений, по возможности образцы брались из верхов, середины и низов слоя. Всего был взят – 21 образец (рис. 3).

По окончании всех предусмотренных работ 1996 г. разрез пещерных отложений Ахштырской стоянки был тщательно законсервирован. Заместитель директора Сочинского национального парка г-н В.А. Асартя обязался привести в порядок решетку, закрывающую вход в пещеру, и усилить надзор за сохранностью памятника со стороны лесников этого участка.

Работами на Ахштырской пещерной стоянке в 1996 г. (при разборке осыпи и зачистке разреза и поверхностей отложений) была получена новая коллекция находок, состоящая только из каменных изделий и фаунистического материала.

Фаунистическая коллекция насчитывает 565 экз., 122 из них – определимые кости, 443 экз. представлены крупными, средними, мелкими обломками костей и осколками. Как обычно в Ахштыре, приблизительно до 90% среди определимых костей составляют остатки пещерного медведя (?) [Векилова и др., 1978], среди которых наибольшим количеством представлены кости и обломки костей суставов – 42 экз. Большим количеством выделяются также зубы – 35 экз. На третьей позиции находятся эпифизы крупных костей и их обломки – 18 экз., значительной серией выделяются еще и фаланги – 12 экз. Остальные определимые кости представлены единичными экземплярами.

Коллекция каменных изделий, собранная на Ахштырской пещерной стоянке в 1996 г., насчитывает всего 41 экземпляр, которые в основном происходят из осыпи, т.е. депаспортированы. Стратифицированных, найденных *in situ*, только 4, из них 3 – каменные артефакты и один средний обломок кости (рис. 3). За исключением одного изделия, происходящего из слоя 2/3, все эти находки сделаны при зачистке разреза G–H, на поверхности слоя 3/2 – «верхнего мустьерского слоя» (рис. 3, 4).

Опишем все стратифицированные находки отдельно.

1. Чоппер (рис. 4:16), 15,5x12,5x5,5 см. Уникальное изделие, изготовленное на крупной, уплощенной «алевролитовой» (диабазовой) гальке серо-зеленого цвета. Патины глубокая светло-серая, на поверхности изделия имеются пятна ожелезнения и глинистой рубашки. Для придания орудию подтреугольной формы левый край гальки был оббит. Лезвие орудия, сформированное как бы на основании этого треугольника,

имеет прямую форму и оформлено крупными и средними плоскими сколами. Кромка лезвия несет негативы ретуши чешуйчатой пологой, полукрутой, крутой, вертикальной и даже обрывистой, разновеликой и многорядной, частично двусторонней. Возможно, это последствия утилизации изделия. Угол заострения лезвия распределяется в пределах 70–72 градусов. Специально зауженный низ гальки (вершина треугольника) является удобной аккомодационной частью – рукоятью. Стратиграфическое положение изделия очень интересно, оно было найдено в верхах слоя 3/2 («верхнего мустьерского слоя» по С.Н. Замятнину), практически на границе со слоем 3/1 (слоем контакта нижней глинистой и верхней щебнистой пачек отложений) (рис. 3:16). Планиграфическое положение орудия не менее интересно – оно находится возле южной стены пещеры, под ясно выраженным скоплением известнякового щебня (рис. 3). В этом скоплении хорошо читаются остатки разрушавшегося выступа стены, который как бы естественно отделял нижнюю пачку отложений с более древними остатками от более поздних слоев и артефактов. Таким образом, чоппер бесспорно относится к «мустьерским отложениям». Кроме того, очень хочется думать, что попал он под этот выступ стены не случайно. Подобное «чопперовидное орудие – нуклеус» было опубликовано Е.А. Векиловой (1967: рис. 29:10). Орудие происходит из того же «второго мустьерского (верхнемустьерский слой по С.Н. Замятнину) слоя», изготовлено также «из крупной светло-зеленоватой гальки» – «алевролит» (диабаз) [Векилова, 1967: 82], на этом видимое сходство закапчивается. Изделие опубликованное в 1967 г. – это все-таки сработанное ядрище на диабазовой гальке, имеющее все необходимые для этого признаки: подготовку (подправку) ударной площадки, подготовку (подправку) поверхности расщепления, систему скалывания и пр. В коллекции Е.А. Векиловой (1961–1965 гг.) имеется еще одно такое же диабазовое ядрище. Орудие же коллекции 1996 г. – это все же чоппер, согласно всем признакам описанным выше, который, однако, вполне мог впоследствии использоваться как ядрище. В коллекции 1961–1965 гг. также имеется аналогичное изделие, хотя и не такое выразительное. Примечательно то, что подобные диабазовые гальки широко встречаются в 8-м галечном слое пещерных отложений.

2. Комбинированное орудие (рис. 4:19), 5x3x0,7 см. Изготовлено на хорошем пластинчатом отщепе из «алевролита» (диабазы) серого цвета с патиной светло-серой, глубокой. Судя по огранке спинки, скол был снят по левому краю поверхности расщепления ядрища, о чем свидетельствуют негативы сколов подготовки (подправки) поверхности расщепления, сохранившиеся по левому краю отщепя. В пользу такого заключения говорит также хорошо ретушированная, выпуклая, длинная ударная площадка скола, которая также смещена влево от оси скалывания. Это изделие можно рассматривать как комбинированное орудие – скребло двойное поперечно-боковое противоположащее плюс выемчатое. По левому краю скола с брюшка ретушью чешуйчатой полукрутой разновеликой однорядной выделено прямое боковое лезвие скребла, по поперечному краю на спинке ретушью чешуйчатой полукрутой разновеликой однорядной сформировано вогнутое лезвие скребла. На правом краю скола с брюшка ретушью чешуйчатой полукрутой средней и мелкой сделана и глубокая выемка.

3. Обломок скола с участком ретуши (рис. 4:20), 2,9x5x1,5 см. Светло-серого хорошего кремня, патина белая, глубокая. Медиальный обломок крупного скола, по левому краю на спине которого сохранился участок ретуши,

Коллекция каменных находок 1996 г., происходящая из осыпи, по морфологии изделий была условно разделена на две группы: 1-я – изделия более древнего «мустьерского» облика (рис. 4: 17,18,21,22); 2-я – изделия более

позднего «верхнепалеолитического» облика (рис. 4: 1 – 15). Такое разделение смешанных коллекций вполне правомочно для палеолита Причерноморья Кавказа (Туапсе–Сочи–Сухуми). Оно основывается главным образом на том наблюдении, что в раннем и среднем палеолите здесь для изделий использовался местный кремь (точнее окремненный известняк) в основном серого и светло-серого тонов и плохого качества, в единичных случаях присутствуют изделия из более высококачественного разноцветного кремня, происходящего, по всей вероятности, из галечников многочисленных здесь рек и ручьев. Начиная же с позднего палеолита и далее, основная масса находок изготовлена из этого качественного разноцветного кремня, появляются изделия из коричневого «имеретинского» – ? кремня и даже обсидиана. Как правило, в массе предметы более мелких форм (рис. 4: 1–15). Но наряду с этим в это же время используется и местный причерноморский кремь, но в очень малой степени.

Среди находок 1996 г. из мустьерской группы следует особо выделить ряд наиболее показательных форм.

1. Скребло (рис. 4:17) полукина, поперечное, прямое, изготовленное на массивном, подтреугольной формы отщепе серого типично причерноморского кремня хорошего качества, с глубокой светло-серой патиной. Поперечное лезвие орудия сформировано ретушью чешуйчатой крутой и полукрутой, разновеликой, многорядной. На левом углу скола мелкой разнообразной подработкой выделен «клюв» в виде небольшого острия (возможно утилизация).

2. Скребок (рис. 4:18) угловой на массивном, подтреугольной формы отщепе серого типично причерноморского кремня достаточно хорошего качества, с глубокой светло-серой патиной. Лезвие орудия оформлено на левом углу скола ретушью скребковой и чешуйчатой крутой и полукрутой разновеликой и многорядной.

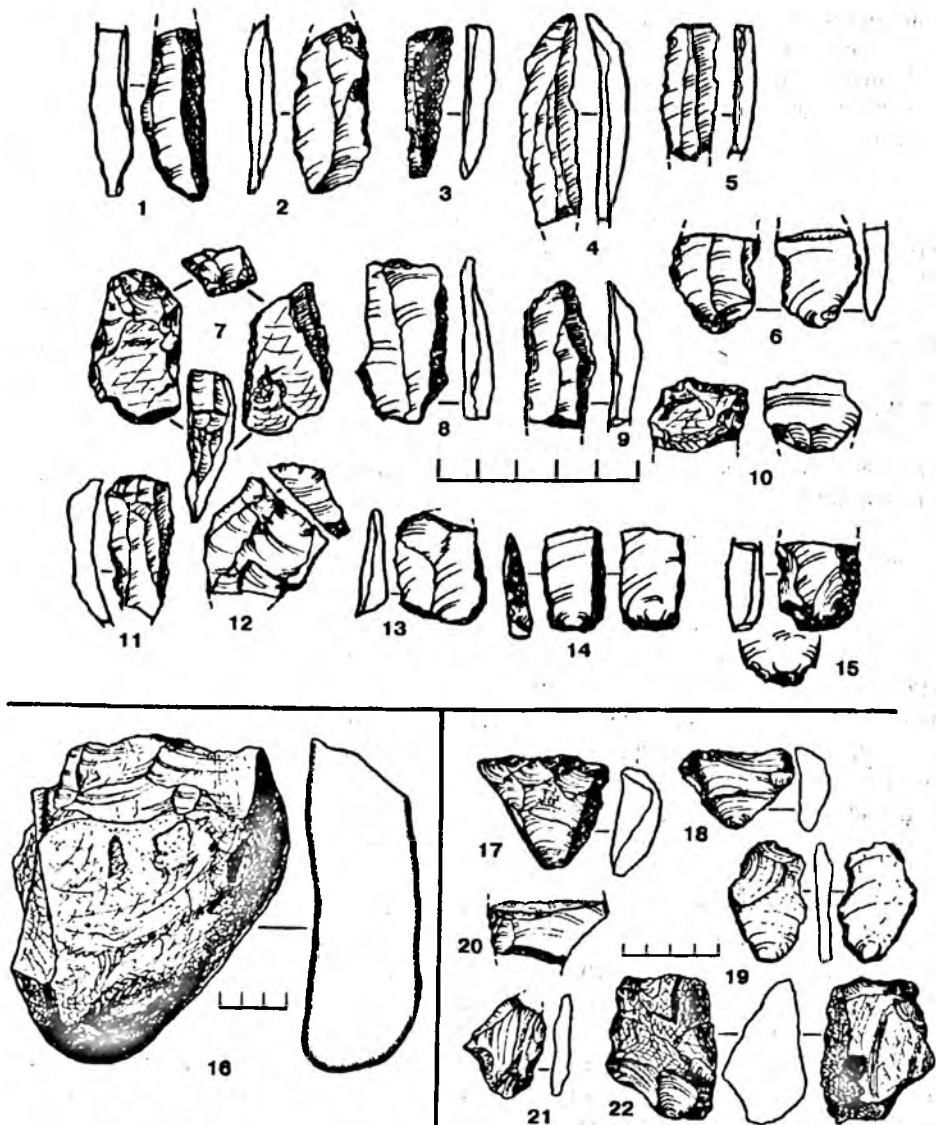
3. Пробное ядрище (рис. 4:22) на обломке желвака темно-серого кремня, хорошего качества, с глубокой светло-серой патиной. На одной из узких сторон подготовлена ударная площадка, с которой был снят один пробный скол, который оказался неудачным. На противоположной стороне желвака с неподготовленной ударной площадки были сняты два мелких отщепов, по всей видимости – сколы подготовки поверхности расщепления. Кроме этого, на левом краю предполагаемой поверхности расщепления имеются остатки ретуши чешуйчатой крутой и полукрутой разновеликой многорядной, которые, возможно, свидетельствуют об использовании этого изделия в качестве орудия.

4. Скол подправки поверхности расщепления – ударной площадки ядрища (рис. 4:21) серого типично причерноморского кремня очень хорошего качества, с глубокой светло-серой патиной. Скол был снят с правого угла поверхности расщепления ядрища с целью подживления угла скалывания и исправления заломов на поверхности расщепления.

Среди изделий позднего облика коллекции 1996 г. выразительна группа обломков пластинок (рис. 4: 1, 2,4,5,8,9,11), некоторые из них несут следы ретуши (рис. 4: 2,8,9). В качестве орудийных форм выделяются:

1. Концевой скребок (рис. 4:11) на дистальном обломке пластинки серого типично причерноморского кремня хорошего качества с легкой серой патиной.

2. Две пластинки с притупленным краем (рис. 4: 1, 3) хорошего коричневого кремня с легкой патиной.

Р и с. 4. Ахтырская пещерная стоянка. Каменные изделия 1996 г.

1-15, 17, 18, 21, 22 – осыпь; 16, 19 – слой 3/2; 20 – слой 3/1.

1-15, 17, 18, 20-22 – кремний; 16, 19 – алевролит (диабаз)

3. Два скребловидных орудия (рис. 4: 14, 15). Одно на базальном обломке пластинки (рис. 4: 15) серого кремня хорошего качества с легкой патиной, правый край которой обработан ретушью крутой и вертикальной. Другое на мелком пластинчатом отщепе хорошего светло-серого кремня с легкой патиной (рис. 4: 14), левый край которого на брюшке также обработан ретушью крутой и вертикальной.

Кроме этого, интересны также и обломки орудий (рис. 4:6,9,10), которые вполне выразительны, но не столь определимы как целые орудия.

Торцовое ядрище (рис. 4:7) из хорошего коричневого кремня с легкой патинной очень выразительно и, по всей видимости, все же относится к более позднему, чем верхний палеолит, времени, возможно мезолит—неолит.

Таким образом, небольшая коллекция каменных изделий 1996 г. в общем подтвердила устоявшиеся мнения, во-первых, о своеобразном («зубчатом») характере индустрии и, во-вторых, о превалировании в коллекции орудийных форм [Векилова, 1967, 1973; Вскилова, Грищенко, 1972; Векилова и др., 1978; Любин, 1989; Чистяков, 1996]. С другой стороны, эта же малочисленная коллекция дала нам впервые хорошо выраженный чоппер и пополнила коллекцию поздних изделий стоянки.

Работы 1996 г. на Ахштырской пещерной стоянке окончательно показали, что в настоящее время спасение этого уникального всемирно известного памятника первобытной эпохи возможно только через его музеефикацию и использование как контролируемого экскурсионного объекта.

Адлерскими энтузиастами — сотрудниками Кавказского биосферного заповедника и НТЦ «Джуга» (спелеологами, геологами, зоологами, географами и др.), под руководством Л.А. Плоткина уже давно разрабатывается план создания на базе Ахштырской пещерной стоянки комплексного историко-природоведческого музея под открытым небом. Он основывается на удачном строении и месторасположении этой пещеры коридорного типа, которая, при небольшой общей протяженности, около 160 м, состоит из двух удобных привходовых площадок с прекрасным видом на долину р. Мзымта, главного коридора длиной до 35 м, где и расположен археологический памятник, и двух последовательных, достаточно просторных залов площадью более 1000 кв.м.

В общих чертах предложения по организации общего и специализированного (археологического, спелеологического, географического и пр.) туризма на Ахштырскую пещерную стоянку сводятся к следующему.

1. Комплексное доизучение памятника, что предполагает археологическое доисследование стоянки на всей оставшейся площади (около 70 кв. м), с сохранением и консервацией максимально возможного контрольного участка с продольным разрезом Q—J вдоль северной стены пещеры, который станет продолжением продольного разреза I—K, начатого и зафиксированного еще С.Н. Замятниным в 1937 г. [1961] (рис. 1). Проведение на современном уровне всего возможного комплекса естественно-научного изучения памятника (палеогеография, палеозоология, палинология, палеоэкология, датирование и др.). Итогом всего этого будет полная монографическая публикация результатов изучения этой, одной из уникальнейших, стоянок древнего человека в России.

2. Оборудование и показ на оставшемся контрольном участке небольших раскопов по всем уровням обитания человека в пещере, начиная с самого древнего, с консервацией всех находок *in situ*.

3. Оборудование в глубине пещеры, в залах, временных экспозиций по карстоведению, спелеологии, истории первобытного общества и др., с возможным созданием панорам или макетов.

4. Оборудование на современном уровне привходовых площадок пещеры для обзора достопримечательностей окрестностей памятника.

5. Создание вокруг пещеры небольшого закрытого парка для пешеходных экскурсий, посвященных природе и истории Западного Кавказа и Адлерского района.

Таким образом, в заключение необходимо еще раз заострить внимание на том, что современное состояние требует незамедлительных работ по спасению данного, одного из опорных, памятника палеолита России через его музеефикацию, что сейчас вполне возможно и не требует очень больших затрат. Дело остается лишь за малым – найти источник финансирования.

Литература

Векилова, 1961: Векилова Е.А. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1961 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1. Д.241, 242.

Векилова, 1962: Векилова Е.А. Отчет о работе Северо-Кавказского палеолитического отряда в 1962 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1. Д.208.

Векилова, 1965: Векилова Е.А. Отчет о работе Ахштырского палеолитического отряда в 1965 г. // Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп.1. Д.101.

Векилова, 1967: Векилова Е.А. Краткие итоги раскопок Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // Кратк. сообщения ИА АН СССР. Вып.111.

Векилова, 1973: Векилова Е.А. О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры // Кратк. сообщения ИА АН СССР. Вып.137.

Векилова, Грищенко, 1972: Векилова Е.А., Грищенко М.Н. Результаты исследования Ахштырской пещеры в 1961–1965 гг. // Палеолит и Неолит. Т. VII (МИА СССР. № 185).

Векилова, Гричук, Губонина, Ермолова, Зубов, Муратов, Фриденберг, 1978: Векилова Е.А., Гричук В.П., Губонина З.П., Ермолова А.М., Зубов А.А., Муратов В.М., Фриденберг Э.О. Ахштырская пещера // «Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа», путевод. совмест. советско-франц. полевого семинара. М.

Гричук, Губонина, Муратов, Фриденберг, 1970: Гричук В.П., Губонина З.П., Муратов В.М., Фриденберг Э.О. О результатах споровопыльцевого анализа отложений палеолита кавказских пещер // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 4.

Грищенко, 1971: Грищенко М.Н. Некоторые особенности геологии Ахштырской пещеры // Палеолит и Неолит. Т. VI (МИА СССР. № 173).

Замятнин, 1940: Замятнин С.Н. Навалишенская и Ахштырская пещеры на Черноморском побережье Кавказа // Бюлл. Комиссии по изучен. четвертичн. периода. № 6–7. М.; Л.

Замятнин, 1961: Замятнин С.Н. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря // Очерки по палеолиту. М.;Л.: Наука.

Комплексные карстолого-спелеологические исследования и охрана геологической Среды Западного Кавказа (Методические рекомендации). Сочи, 1987.

Любин, 1989: Любин В.П. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии (Палеолит Кавказа и Северной Азии (Палеолит мира). Л.: Наука.

Несмеянов, 1992а: Несмеянов С.А. Неоструктурное районирование Северо-Западного Кавказа. М.

Несмеянов, 1992б: Несмеянов С.А. Геоморфологическое положение пещерных палеолитических стоянок в долинах рек Хосты, Кудепсты и Мзымты (Южный склон Западного Кавказа) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Несмеянов, 1993: Несмеянов С.А. Строение террасового комплекса горных долин и палеогеоморфологические ситуации расположения стоянок каменного века // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М.

Паничкина, Векилова, 1962: Паничкина М.З., Векилова Е.А. Исследование Ахштырской пещеры в 1961 г. // Кратк. сообщения ИА АН СССР. Вып. 92.

Чердынцев и др., 1965а: Чердынцев В.В., Алексеев В.А., Кинд Н.В. и др. Радиоуглеродные даты лаборатории Геологического института (ГИИ) АН СССР // Геохимия. № 12.

Чердынцев и др., 1965б: Чердынцев В.В., Казачевский И.В., Кузьмина Е.А. Возраст плейстоценовых карбонатных формаций по изотопам урана и тория // Геохимия. № 9.

Чистяков, 1996: Чистяков Д.А. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.: Европейский дом.

Г.А.Данукалова, А.Г.Яковлев, В.Г.Котов*

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ГОРНОВА: ПРОБЛЕМА ВОЗРАСТА

Палеолитическое местонахождение Горнова (Южное Предуралье, среднее течение р. Белой) имеет более чем 40-летнюю историю изучения [Шокуров, Балер, 1960; Яхимович, 1965; Щербакова, 1984; Яковлев, 1985; Хабибуллина, 1986; Яхимович и др. 1987; Данукалова, Яковлев, 1994; Данукалова, Яковлев, 1994], но только в последнее время получены данные, позволяющие окончательно датировать слои, содержащие палеолитические находки.

Местонахождение приурочено ко II надпойменной террасе р. Белой. Следы деятельности палеолитического человека в виде отдельных обожженных и раздробленных костей, а также отщеп получены из костеносного горизонта, залегающего в синевато-сером суглинке. Остальные 8 изделий, в том числе обломок орудия с ретушью, резец, мустьерский остроконечник, были найдены на поверхности берегового склона.

По результатам биостратиграфических исследований 80-х годов было принято, что озерные отложения с костными остатками и археологическими находками имеют среднеплейстоценовый возраст. Данное предположение основывалось на заключении Б.С. Кожамкуловой [Яхимович и др., 1987] о принадлежности фауны крупных млекопитающих из костеносного горизонта ранней стадии верхнепалеолитического комплекса, но содержащей хазарские элементы в виде значительного количества остатков длинноногого бизона и верблюда.

* Данукалова Гузель Анваровна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник ИГ УНЦ РАН, Яковлев Анатолий Германович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ИГ УНЦ РАН, Котов Вячеслав Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии ИИЯЛ УНЦ РАН, г.Уфа.

© Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г., 2001.

О.Н. Бадер предполагал, что памятник относится к раннему этапу верхнего палеолита (ориньяку) [Шокуров, Бадер, 1960]. Т.И. Щербакова допускала и позднемустьерский возраст местонахождения, т.к. орудия такого типа характерны для памятников начала позднего палеолита, отложения которого соотносятся с последним климатическим оптимумом средневалдайского времени или молодого-шекснинского (ленинградского) межледниковья (32–24 тыс. лет) [Щербакова, 1984; 1987; Величко, Иванова, 1969; Рогачев, Анникович, 1984]. Т.И. Щербакова обсуждала вопрос о несоответствии геологической и археологической датировок костепосных слоев местонахождения Горнова [1984; 1986 а, б]. Археологический материал представляет с костепосным горизонтом единый комплекс и происходит из более древних отложений, чем горизонт погребенной почвы с остатками древесины, датированной по радиоуглероду от 21 до 29 тыс. лет.

В 1996 г. лабораторией геохронологии НИИ географии СПбГУ по остаткам древесины из слоя серого гумусированного суглинка с пнями и корнями елей и сосен уточнены радиоуглеродные даты для верхней (26950 ± 560 , ЛУ-3711, 1996 г.) и нижней (26990 ± 150 , ЛУ-3712, 1996 г.) частей слоя. Радиоуглеродная дата из отложений, содержащих костные остатки и археологические находки, по зубам бизона (*Bison sp.*) (≥ 33670 , ЛУ-4153, 1998 г.) подтверждает предположения о их позднелепестическом (позднемустьерском) возрасте, что соответствует примерно середине ленинградского времени позднего неоплейстоцена.

Серовато-коричневые глинистые слоистые алевриты, первоначально отнесенные к калининскому горизонту [Яхимович и др., 1987], врезобразно прислоненные к синевато-серым суглинкам, несомненно позднелепестическое, т.к. лежат между двумя слоями ленинградского возраста, и время их образования, соответственно, такое же.

Стратиграфическое строение II надпойменной террасы, в отложениях которой найдены палеолитические орудия, следующее: верхняя часть сложена голоценовой почвой (мощн. 0,8 м), 14,5-метровой толщиной осташковских перигляциальных суглинков, пойменных и озерных ленинградских отложений (мощностью до 2,45 м) верхнего звена неоплейстоцена, которые с размывом залегают на озерно-аллювиальных осадках (мощн. 5,7 м) среднего звена неоплейстоцена, уходящих под уровень воды в реке.

Таким образом, в результате проведенных исследований уточнен возраст озерных отложений нижней части II надпойменной террасы р. Белая (Горнова), содержащих фаунистические остатки и археологические находки. Эти осадки датированы радиоуглеродным методом и сопоставлены с ленинградским временем позднего плейстоцена.

* Мончаловским, согласно «Легенде Средневолжской серии листов Госгеолкарты-200»

Литература

- Величко, Иванова, 1969: Величко А.А., Иванова И.К. Общие выводы о геологическом возрасте палеолита // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука. С.37–41.
- Данукалова, Яковлев, 1994: Данукалова Г.А., Яковлев А.Г. Моллюски и мелкие млекопитающие среднеплейстоценовых отложений террас р.Белой (Башкирское Предуралье) // Ежегодник-1993. Информационные материалы / УНЦ РАН. С.15–17.
- Рогачев, Аникович, 1984: Рогачев А.И., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР: В 20-ти т. Палеолит СССР. Т.1. М.: Наука. С.162–271.
- Хабибуллина, 1986: Хабибуллина Г.А. Плейстоценовые моллюски разреза Горнова (Башкирское Предуралье) // История древних озер: Тезисы докладов на VII симпозиуме по истории озер. Уфа. С.146–147.
- Шокуров, Бадер, 1960: Шокуров А.П., Бадер О.Н. Палеолитическое местонахождение на р.Белой // Вопросы геологии Восточной окраины Русской платформы и Южного Урала. Вып. 5. Уфа. С.139–144.
- Щербакова, 1984: Щербакова Т.И. О современном состоянии изученности палеолита Южного Урала // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа. С.9–10.
- Щербакова, 1986 а: Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала (к вопросу о характерах и связях уральского палеолита): Дис. ... канд. истор. наук. Л. / Архив ИИМК РАН.
- Щербакова, 1986 б: Щербакова Т.И. Палеолит Южного и Среднего Урала (к вопросу о характерах и связях уральского палеолита): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л.
- Щербакова, 1987: Щербакова Т.И. Результаты археологических исследований // Плейстоцен Предуралья. М.: Наука. С.39–44.
- Яковлев, 1985: Яковлев А.Г. Грызуны палеолитического памятника Горнова (Башкирское Предуралье) // Изучение, охрана и рациональное использование природных ресурсов. Уфа. С.183–184.
- Яхимович, 1965: Яхимович В.Л. Антропогенные отложения Южного Предуралья. Плейстоцен // Антропоген Южного Урала. М.: Наука. С.36–53.
- Яхимович и др., 1987: Яхимович В.Л., Немкова В.К., Сиднев А.В. и др. Разрез плейстоцена у археологического памятника Горнова // Плейстоцен Предуралья. М.: Наука. С.22–50.

*Ю.С. Ляхницкий, М.А. Чуйко**

**КОМПЛЕКСНЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ (ШУЛЬГАН-ТАШ) КАК ОСНОВА СПАСЕНИЯ
ЕЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ**

Капова пещера (Шульган-Таш) в Башкортостане в заповеднике Шульган-Таш является уникальным для Восточной Европы памятником культуры и природы. Ее палеолитическая живопись была открыта А.В. Рюминым в 1959 г. С тех пор пещера привлекает внимание археологов, искусствоведов и ученых-естественников. На первом этапе спелеологические работы проводились сотрудниками БГУ – Е.Д. Богдановичем и И.К. Кудряшовым с группой студентов. С 1981 г. комплекс естественно-научных работ выполняла группа Русского Географического Общества и ВСЕГЕИ под руководством Ю.С.Ляхницкого. Первые годы она входила в Южно-Уральскую палеолитическую экспедицию ЛОИА, а затем работала самостоятельно. Основной целью работ являлось комплексное изучение Каповой пещеры и ее динамических параметров, необходимое для спасения древних рисунков, но некоторые исследования носят фундаментальный характер. Данная статья содержит основные выводы, полученные в ходе этих исследований, и наши рекомендации по обустройству пещеры и спасению палеолитической живописи.

На первом этапе был выполнен большой объем топографических работ с привязкой всех основных элементов рельефа и карстовых полостей. В пещере и на поверхности были выполнены теодолитные хода и полуинструментальная съемка. Собирался материал по строению террас р. Белой. Ранее они исследовались В.Л. Яхимович (1965 г.) и Н.А. Гвоздецким (1986 г.). Поверхностные террасы изучались нами не только по маршрутным исследо-

* *Ляхницкий Юрий Сергеевич* – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник ВСЕГЕИ, г. Санкт-Петербург; *Чуйко Маргарита А.* – научный сотрудник ВСЕГЕИ.
© Ляхницкий Ю.С., Чуйко М.А., 2001.

ваниям, но и по детальным планам Башкиргражданпроекта (м-ба 1:2000), планировавшего обустройство района пещеры для туристского использования (1977 г.). Таким образом, мы имеем возможность наиболее объективно судить об особенностях рельефа долины р. Белой от кордона заповедника до правобережья р. Шульган в его устье. Сечение рельефа горизонталями через 0,5 м на указанном выше плане дает возможность выявить все особенности террас и точно определить их высоты.

В долине р. Белой выделяется уверенно терраса с отметками 5,3–6,7 м (вторая надпойменная) и с некоторой натяжкой 3,7–6,7 м (первая надпойменная), далее отчетливо просматривается третья терраса 13,2–18,2 м и, не совсем уверенно, четвертая – 19,0–20,2 м.

Изучение связи карстовых полостей с поверхностными формами рельефа позволяет в ряде случаев датировать их. Проведение теодолитного хода по каньону позволило получить высотные отметки эрозионных уступов, реликтов древних террас и высоту вертикалей. Их сопоставление с уровнями развития полостей пещеры может быть осуществлено ипвариантно. Наиболее естественным является вариант, когда подземные полости несколько «отставали» в своем врезе и находятся выше, чем соответствующие террасы и эрозионные уровни на поверхности. Например, отложения во входном гроте – Портал имеют высоту около 280 м (6,9), а сопоставимая терраса р. Белой – 278,1–279,5 м (5,3–5,7 м). Далее, Большая Вертикаль каньона коррелируется с Ближним Большим колодцем 312 м (39,2 м) и 315 м (41,9 м) соответственно. Первая галерея – 316–317 м (42,9–43,9 м) соответствует участку каньона от грота Поглощающего долога Клин – 313–319 м (40,2–46,2 м), а Вторая галерея – терраса, грота Ежика – 331 м (57,9 м) и 329 м (56,2 м). При этом варианте корреляции полостей и поверхностных террас возникает вопрос о существовании полостей, соответствующих уступам, расположенных выше по каньону, например водопаду Филина – 347 м (74,2 м). По крайней мере некоторым из этих элементов рельефа соответствуют полости, находящиеся по вертикали между пещерой Ташкелят и залом Верхним 360,5–335,5 м (87,4–62,4 м). Возраст этих эрозионных и эрозионно-аккумулятивных террас на поверхности, к сожалению, пока не ясен. Существуют несколько вариантов их датировки. Современные работы геологов Тематической экспедиции объединения Башкиргеология говорят о верхнеплейстоценовом возрасте, т.н. надпойменной террасы (277–279,5 м или 4,2–6,7 м). Отложения зала Знаков с культурным слоем (14,8 м) коррелируются со второй надпойменной террасой (пасаки), имеющей верхне-среднеплейстоценовый возраст. Особый интерес представляют отметки эрозионных уступов в каньоне р. Шульган. Используя эти данные, мы смогли предсказать наличие полостей в интервале от 335 до 360,5 м – позднее там был обнаружен ход Ткачева (343 м или 70,2 м). По-видимому, он соответствует водопаду Филина – 347 м (74,2 м). Исследования должны быть продолжены, особенно в направлении изучения состава и особенностей строения террас и определения их возраста.

Район работ находится на западном склоне Южного Урала в пределах палеозойского обрамления Башкирского антиклинория. В нем распространены карбонатные породы девона и карбона, на восточном фланге залегают си-

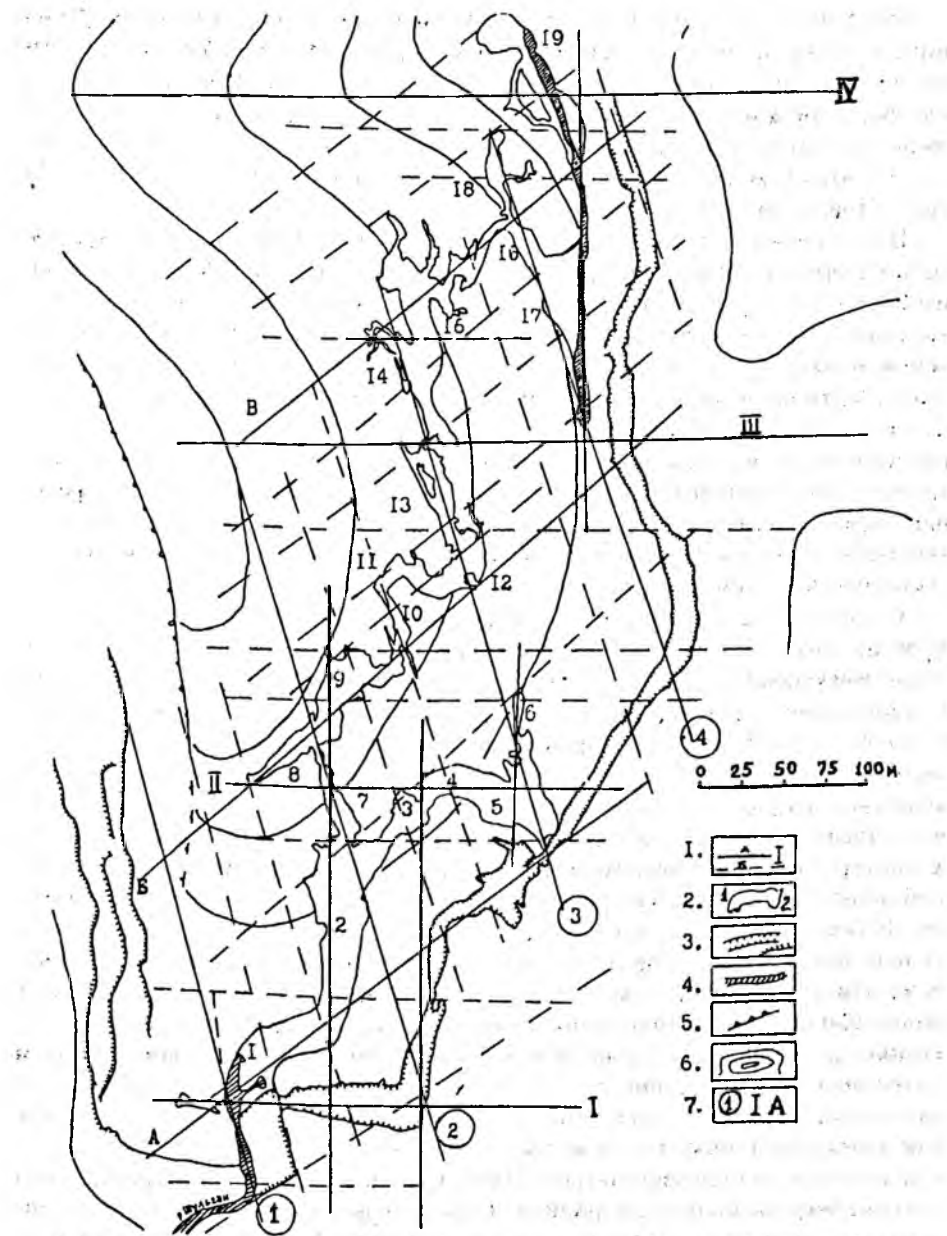
лурийские терригенно-карбонатные отложения. Пещера развита в пизженкаменноугольных визейско-наюрских хемогенных известняках. Район интенсивно дислоцирован системами трещин и разломами разных направлений, что потребовало статистических исследований трещиноватости. Были выявлены четыре основные системы трещин, в том числе система с азимутом падения от 94° до 125° и углами до 40° , фиксирующая, по-видимому, трещины напластования. Ранее некоторые исследователи принимали кулисные трещины с азимутом падения 255° – 270° и углом 70° – 80° за напластование.

Подтвердилось существование крупной асимметричной синклиальной складки с крутым западным и пологим восточным крыльями. Интенсивная дизъюнктивная дислокация участка пещеры затрудняет понимание истинной структуры. Работы показали, что на участке развиты сравнительно пологие среднеамплитудные складки, разбитые на блоки нескольких порядков. Блоковая структура участка, выявленная при маршрутных наблюдениях, в том числе в пещере, уточнена при дешифрировании аэрофотоснимков. Общий план структуры уточнен по космическому снимку района.

Блоковая структура, отчетливо проявленная в районе Каповой пещеры, осуществляет контроль карстовых полостей тектоническими нарушениями. При этом различные дизъюнктивы по-разному влияют на процесс формирования карстовых полостей. Наиболее интенсивно полости образуются на пересечении приоткрытых зияющих трещин отрыва, формирующихся при напряжениях растяжения. Менее интенсивно закарстовываются трещины скола и сжатия. Как правило, полости «не проходят» притертые поверхности зеркал скольжения разломов, а как бы «отражаются» от них, отходя по оперяющим трещинам и развиваясь внутри блока. В тех случаях, когда полость все же «преодолевает» разлом, она на этом участке приобретает характер обвального лаза в глыбовом завале, узкого «шкуродера», сифонного колена или просто резко сужается, образуя пережим. Из-за проникновения по трещинам воды с поверхности в потолке полостей часто образуются поперечные галереобразные щелевые мезополости, переходящие иногда в «органичные трубы». Таким образом, карстовые полости или развиваются вдоль нарушений, или ограничиваются ими.

Системы тектонических нарушений, проявленные в районе работ, типичны для Южного Урала. Это субмеридиональные, широтные и диагональные крутопадающие дизъюнктивы. К особенностям участка относится наличие нарушения северо-восточного простирания. Сочетание этих нарушений создает сложную мозаичную структуру, обусловленную совместно с гидродинамическим фактором, формирование зигзагообразно-ступенчатой, в плане, системы полостей. При этом нарушения этих систем контролируют полости или в сочетании между собой, или по отдельности. Наиболее часто полости образуются на пересечении крутопадающих и пологих нарушений.

В строении структурной «решетки нарушений» нам удалось выявить закономерности, заключающиеся в том, что между ними существует определенный постоянный «шаг». При этом между зонами нарушений первого порядка находятся более мелкие нарушения второго и третьего порядков, образующие зоны интенсивной трещиноватости или более низкой проницаемости.

Р и с. 1. Тектоническая схема участка пещеры Шульган-Таш (Каповая).

Условные обозначения: 1 — главные (А) и второстепенные (Б) зоны разрывных нарушений. 2 — Контуры пещеры с номерами полостей. 3 — Контуры каньона Шульгана и уступов обрывов. 4 — Основные водотоки пещеры, речка Шульган. 5 — Бровка обрыва Пещерного массива. 6 — Схематическое изображение рельефа. 7 — Обозначение основных зон разрывных нарушений: северо-западных, широтных, северо-восточных.

Полости Каповой пещеры: 1 — Грот Портал, 2 — Главная Галерея, 3 — зал Купольный, 4 — зал Знаков, 5 — зал Хаоса, 6 — Северный тупик, 7 — Первая Галерея, 8 — Большой Западный тупик, 9 — зал Рисунков, 10 — Вторая Галерея, 11 — зал Акустический, 12 — зал Верхний, 13 — зал Брильянтовый, 14 — зал Радужный, 15 — зал Сталактитовый, 16 — Большой Дальний колодец, 17 — зал Бездны, 18 — зал Горного Короля,

19 — зал Лальный

Наибольшее значение для формирования пещеры имела система нарушений с простиранием около 160° и крутым падением (80° – 90°) к Ю – З. Эти нарушения сингенетичны с крупным разломом, по которому заложена на этом участке долина р. Белой. Это, как правило, приоткрытые, иногда зияющие трещины, которые интенсивно закарстовываются. На участке пещеры находятся 4 крупных нарушения этой системы, имеющие «шаг» 110–120 м. На схеме (рис. 1) они обозначены цифрами – 1,2,3,4.

Широтная система нарушений (на схеме – I, II, III) сыграла значительную роль в формировании структурной основы спелеосистемы. Основные разломы первого порядка рассекают массив приблизительно через 190 м. Система нарушений северо-восточного простирания (обозначена А, Б, В) с углами падения, близкими к вертикальному, представлена на участке тремя нарушениями первого порядка с шагом между ними около 100 м. Они выражены менее отчетливо, чем описанные ранее, но также влияют на формирование структуры пещеры. Регулярность развития системы крупных нарушений северо-восточного простирания с углами падения 45° менее заметна, так как при ее наклонном залегании в массиве сложной формы проекция на плоскость будет выражена сложной извилистой кривой, что крайне затрудняет восприятие тектонической схемы.

Существует еще одна система наклонных нарушений северо-западного простирания с углами 45° – 60° . Комбинация ее с нарушениями первой системы, имеющей близкое простирание, но северо-восточное падение, создает клиновидные тектонические структуры, хорошо заметные в каньоне. Например, в логе Клин и в некоторых полостях пещеры, особенно в потолке зала Хаоса. Сравнительно редко наблюдаются меридиональные крутопадающие нарушения, но их роль в стратии пещеры значительна. Формирование описанной структуры участка Пещерного массива носит закономерный характер для зон сдвига. В данном случае имеется в виду сдвиг по основной дизъюнктивной структуре района – крупному меридиональному разлому. Работы Ли Сыгуан показывают, что при сдвиге в однородной, относительно пластичной среде возникают ромбические и округлые «вихревые» тела. Эмпирически доказано, что в зонах сдвигов большая часть тел имеет объемную конфигурацию, аппроксимируемую трехосным эллипсоидом, т.е. ромбоэдром или линз. Такие тела обладают минимальным энергетическим потенциалом в анизотропном поле одностороннего сжатия, чем и объясняется их широкое распространение. Конфигурация тел часто характеризуется как идеальные ромбоэдры, а их размеры изменяются в широких пределах от сантиметров до стен километров. Причем крупные тела обычно распадаются на мелкие нескольких порядков. Тела, конфигурация которых аппроксимируются трехосным эллипсоидом, были названы К. Дольстромом в 1970 г. «дубликсами». Эти ромбические дубликсы прекрасно выражены в районе Каповой пещеры и контролируют развитие ее полостей. Наиболее крупные из них ограничены разломами, трассирующимися по долинам рек и основным логам, пересекающимся под углом около 45° , более мелкие определяют развитие карстовых полостей.

Таким образом: 1) образование и локализация полостей пещеры Шульган-Таш обусловлены интенсивной дизъюнктивной дислокацией участка, наличием двух крупных пересекающихся разломов и образованием сложной блоковой структуры; 2) морфология и конфигурация спелеосистемы в целом зависит от особенностей блоковой структуры участка, 3) дизъюнктивная структура, контролирующая полости Каповой пещеры, достаточно сложна, но поддается дешифровке, что позволяет проследить пути проникновения воды в пещеру с поверхности.

Каменноугольные известняки, в которых заложена пещера – желтовато-серые с мелкой фауной, но особенно много ее в темных разностях известняков, встреченных в зале Бездны. Это – обломки раковин, членики криноидей, в них также встречено темное битуминозное вещество. Встречаются слабо катаклазированные перекристаллизованные известняки с зернами рудных минералов – результатом умеренной гидротермальной деятельности.

Исследование состава глин пещеры показало что они в основном хлорит-монтмориллонит-иллотовые.

Гидрогеологические исследования в районе Каповой пещеры на поверхности и под землей с периодическими определениями расходов воды и ее химического состава проводились нами с 1982 г.

На поверхности исследовались вероятные области питания и разгрузки подземных вод, условия формирования подземного стока, наземные источники по стандартной программе; организовывались гидрометрические работы выше и ниже выходов подземных вод. Гидрогеологические наблюдения в карстовых полостях сводились к выявлению всех точек обводненности, определению генезиса (инфильтрационная, инфлюационная, конденсационная), расхода и химического состава воды. В большинстве случаев измерение расходов водотоков, как поверхностных, так и подземных, проводилось на выбранных гидростворах при помощи вертушки ГР-55, объемным и поплавковым методами.

Рассматриваемый район очень сложный в гидрогеологическом отношении, он характеризуется разнообразными физико-географическими условиями, оказывающими влияние на распределение и формирование поверхностных и подземных вод. Имеется ряд карстовых родников с дебитом до 100 л/сек и более. Такие родники, как правило, располагаются выше уреза воды в реках, что объясняется подвешенностью карстовых водотоков на кремнистых и глинистых разностях карбонатов на 5–7 м или отставанием карстового процесса от общего базиса эрозии.

Гидрология района Каповой пещеры полностью соответствует развитому здесь карстовому ландшафту. Внутригодовое распределение стока очень неравномерное. Большая часть его (до 75%) приходится на апрель–июнь и особенно на половодье (апрель–май), когда уровень воды в реках резко поднимается. На июль–ноябрь попадает всего 10–25%, а на декабрь–март, т.е. на зимнюю межень, 5–10% стока. Минимум летнего стока отмечается в конце августа – первой половине сентября.

Основной артерией района является река Шульган (в верховьях – 15–20 л/с) с площадью водосбора 41 км². При достижении девонских карстующих

шихся известняков происходит ее частичное поглощение. В районе д. Шульганово она принимает правый приток – ручей Харала. Через 600 м Шульган поглощается в крупной карстовой воронке пещеры Ожигановской и далее до выхода в зале Дальнем Каповой пещеры проходит по карстовым полостям и зонам дробления под суходолом около 2,5 км. В зале Бездны ее расход составляет около 0,4 м³/с, затем он уходит в сифон и появляется в виде крупного воклюза на дне Голубого озера во входном гроте Портал (0,5 м³/с). Приблизительно в 800 м от северных залов Шульган-Таш в правом дочернем логе суходола Шульгана находится карстовый источник, дающий начало ручью Каран (4л/с), который далее течет по каньону и поглощается обычно в полостях в районе зала Хаоса. Именно эти водопритоки играют негативную роль в формировании избыточной обводненности залов: Хаоса, Знаков и Купольного и разрушении рисунков первого этажа.

В пещере есть еще небольшой ручеек (до 1л/с), берущий начало в понорах Северного лога и питающий Большое Верхнее озеро (60х20м, глубиной до 2,5 м).

Разница в расходах р. Шульган в зале Бездны и на поверхности ниже Голубого озера, составляющая около 0,1 м³/с, видимо, объясняется существованием дочернего подземного притока со стороны Восточного суходола (рис. 2).

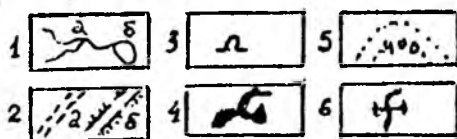
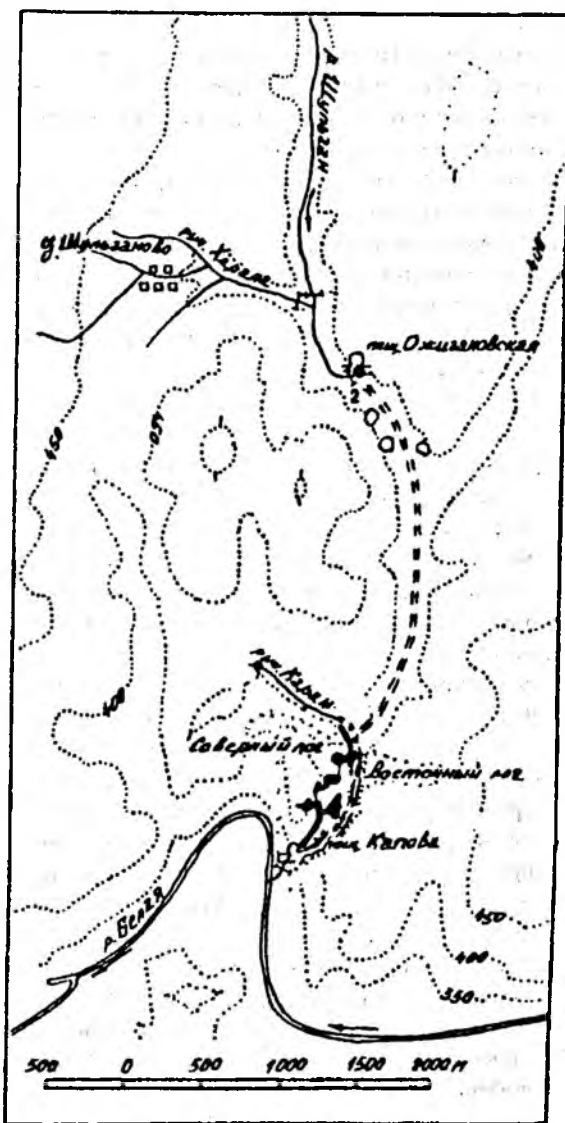
В паводковом режиме расходы всех водотоков многократно увеличиваются, достаточно сказать, что дебит воклюза Голубого озера достигает 3–4 м³/с, а огромный зал Бездны оказывается наполовину затопленным. Объем паводкового затопления составляет более 15 тыс. м³, а подъем уровня – несколько десятков метров. На поверхности р. Шульган уже не поглощается в пещере Ожигановской, частично затопляет суходол и уходит в крупный понор – зону дробления и глыбовых просадок в километре от пещеры. В последние годы наблюдается общее изменение режима в сторону увеличения активности и водообильности гидросистемы, что свидетельствует о существенных, возможно необратимых, последствиях, имеющих негативный характер для сохранения живописи. Прежде всего, это сказалось на масштабах инфлюации и инфльтрации в зале Хаоса из каньона р. Шульган. Летом 1995 г., когда режим водотоков был близок к меженим, активно действовали ручейки у уступа с «лошадками».

Увеличение водонасыщенности массива, в частности, вызвало увеличение количества льда в понорах и инфлюационных каналах и способствовало усиленному промерзанию массива, которое ощущалось даже в июне 1995 г.

Химический состав поверхностных вод района пещеры Шульган-Таш определяется, главным образом, составом дренируемых отложений и количеством выпадающих атмосферных осадков. Это пресные (до 0,5 г/л) гидрокарбонатные кальциевые воды.

По химическому составу подземные карстовые воды гидрокарбонатные, сульфато-гидрокарбонатные кальциевые с минерализацией до 1 г/л, общая жесткость не превышает 7 мг-экв., рН 8,0.

В последние годы как в поверхностных, так и в подземных водах были обнаружены азотистые соединения (NO₂, NO₃, NH₄), свидетельствующие об

Р и с. 2. Гидрологическая схема района:

- 1 – поверхностные водотоки (а) и озера (б), 2 – суходолы (а) и каньоны (б),
 3 – входы пещер, 4 – полости пещер, 5 – изогнпсы, 6 – гидростворы на водотоках

органическом загрязнении. Максимальные содержания нитратов зафиксированы в водах Голубого озера, р. Подземный Шульган и верховий р. Шульган у пещеры Харала, в верховьях которой находится д. Шульганово, где возможен сброс бытовых вод. Кроме того, в карстовых водах Голубого озера обнаружено закисное и окисное железо (до 1 мг/л).

Содержания тяжелых металлов (Pb, Cu, Cd, Zn) в водах ниже предельно допустимых концентраций (ПДК) для питьевых вод. Однако в водах Голубого озера несколько повышены концентрации свинца, а в подземных водах Малого круглого озерца – меди и цинка, что связано, вероятно, с антропогенным загрязнением в результате неконтролируемого посещения пещеры.

С 1987 по 1995 год в районе отобрано более 50 проб воды на химический анализ, в том числе 23 пробы под землей.

Были рассмотрены следующие виды поверхностных и подземных вод.

1. Инфильтрационные воды. Для их характеристики анализировались отдельные пробы капли из трещинных зон в теплый период. Это гидрокарбонатные кальциевые воды с минерализацией 240 мг/л и существенно щелочной реакцией (рН – 7,6–8,2).

2. Ипфлюационные воды. Для анализа данных вод использованы пробы, отобранные в летний период. Средняя величина минерализации их составляет 250 мг/л, рН изменяется в пределах от 7,4 до 7,7, по химическому составу гидрокарбонатные кальциевые.

3. Воды подземных водотоков. Им уделялось особое внимание. Об их химическом составе имеются наиболее полные данные (25 анализов). В теплый период для массива характерны незначительные колебания минерализации подземных водотоков (112–222 мг/л), обусловленные, вероятно, характером их питания. Распределение основных компонентов химического состава (HCO_3 , SO, Cl, Ca, Mg, Na и др.) в водах достаточно однородно. Прослеживается связь между минерализацией и ионами HCO_3 и Ca. По водородному показателю воды слабощелочные (рН 7,5), по химическому составу – гидрокарбонатные кальциевые.

4. Воды карстовых источников. Подземные воды пещерного массива разгружаются в основном в двух источниках – в дочернем правом суходоле р. Шульган (источник Каран) и в вклюдзе у входа пещеры Шульган-Таш («Голубое озеро»). В обоих случаях во время паводков происходит смешивание подземных и поверхностных потоков, что затрудняет оценку изменений химического состава воды источников. По данным более 10 анализов воды из вклюдза «Голубое озеро» и нескольких анализов из источника Каран, средняя минерализация этих вод составляет 288 мг/л, рН 7,7, состав исключительно гидрокарбонатный кальциевый.

Воды, рассмотренные выше, в исследуемом районе могут обладать агрессивными свойствами только по содержанию свободной углекислоты. Для этого необходимо определить отклонения от состояния равновесия в системе $\text{CaCO}_3 - \text{H}_2\text{O} - \text{CO}_2$, которое зависит от температуры воды, гидростатического давления, парциального давления CO_2 , химического состава растворителя, продолжительности растворения и ряда других факторов. Анализ карбонат-

ных равновесий возможен только при определении большей части этих параметров на месте, непосредственно под землей.

В теплый межлетний период подземные воды пещерного массива формируются за счет смешивания в разных пропорциях инфильтрационной, инфлюационной и конденсационной вод, содержащих CaCO_3 в количествах от 220 до 250 мг/л и со щелочной реакцией (рН 7,7 – 8,4). При слиянии потоков происходит охлаждение вод и незначительные изменения минерализации, связанные с выпадением карбонатов кальция в виде натеков на стенках карстовых полостей, т.е. возможно зарастание рисунков. Содержания CaCO_3 в подземных водотоках снижаются до 98–212 мг/л при рН 8,1. Воды карстовых источников по содержанию CaCO_3 занимают среднее положение между выше описанными водами – 240 мг/л, с неизменившейся щелочной реакцией – рН 8,0.

В паводковый летний и особенно весенний периоды, при поступлении значительных объемов агрессивных в основном инфлюационных вод, процесс зарастания сменяется выщелачиванием, что также приводит к разрушению рисунков.

В холодный период на пещерном массиве лежит нетающий снежный покров, идет промерзание массива (до 1,8 м) и сток в карстовых полостях поддерживают исключительно инфильтрационные и в меньшей степени конденсационные холодные воды, агрессивные к карбонатам. Но из-за сравнительно малых объемов поступающих в карстовые полости зимой вод их разрушающее воздействие незначительно.

Для более точной оценки величины карбонатной коррозии, вызывающей разрушение рисунков, необходимо накопление материалов по отдельным сезонам и месяцам, в т.ч. определению объемов потоков инфильтрационных и инфлюационных вод в карстовые полости. Как уже отмечалось ранее, усиление процессов инфильтрации и инфлюации воды из каньона в зале Хаоса представляет самую серьезную опасность для палеолитической живописи. В подобных условиях проведение закрепления и реставрации рисунков может быть малоэффективным. Поэтому локализация стока ручья по каньону и предотвращение его поглощения на участке лога Клип становится важной первоочередной задачей обустройства и музеефикации пещеры.

В целом решение гидрологической проблемы обводненности первого этажа пещеры является решающим для спасения палеолитической живописи.

Радиометрические наблюдения впервые проводились в пещере Шульган-Таш в феврале 1991 г. радиометром СРП-68. Было описано 102 точки наблюдений во всех районах пещеры, кроме Заозерного и Засифонного районов.

В целом гамма-активность составила 4 – 17 мкР/ч, что соответствует нормальному природному фону. Аномалия была обнаружена только в одном месте в зале Бездны. Это русло временного водотока, расположенного вдоль северной стенки зала – рыхлые песчано-глинистые отложения до 80 см с текстурами косой слоистости временных водотоков – в верхней части разреза – 25 мкР/ч, в 50 см ниже – 35 мкР/ч, максимальные значения в нижних слоях – 70 мкР/ч.

Результаты выборочного опробования отложений зала Бездны, рекогнос-

щировочных радиометрических исследований, указывают на наличие аномальных содержания урана и тория в современных отложениях пещеры. В одной из проб супеси (70 мкР/ч) аномальные содержания свинца до 0,8% коррелируются с повышением урана и тория. Следует подчеркнуть, что содержание свинца в 80–400 раз превышает ПДК свинца для почвы, а урана в 10 раз выше фоновых значений. При этом значительная доля урана находится в легкорастворимой форме. Можно утверждать, что при таких содержаниях урана обязательно должны быть повышенные концентрации радона в воздухе пещеры, что наиболее опасно для людей.

В 1995 г. радиометром СРП-68 проводилась детальная съемка в районе аномалии зала Бездны. Здесь было пройдено 8 профилей с шагом около 0,5 м и несколько площадок с более детальными замерами. Эта методика была применена в связи с резким изменением радиационных характеристик отложений на протяжении иногда 20–30 см. Центр аномалии находится приблизительно в 15 м от устья ручья и приурочен к рыхлым пескам и супесям паводкового потока, т. е. подтвердилось наблюдение 1991 г., по интенсивность аномалий оказалось ниже на 17 мкР/ч. Заметное снижение фона в верхней части профиля связано со сменой песков на глинистые пески и песчанистые глины.

Наиболее детальные работы проведены на первом этаже, особенно в приходовом районе – в Портале и Главной галерее, где предполагается организация стационарного экскурсионного маршрута. Здесь замеры производились от входа до вторых ворот по сетке через каждые 0,5 м (около 1200 замеров). Значения фона радиоактивности на этом участке не превышает 9 мкР/ч.

Зона за Вторыми воротами обследована по более разряженной сети (через 2 м). Аномалий не было, наибольшие показания – до 15–20 мкР/ч встречены на глинистых отложениях в залах Знаков и Купольном.

Интенсивная тектоническая нарушенность района, наличие значительных радиационных аномалий, большой объем пещеры с рядом районов, в которых воздухообмен затруднен, создают предпосылки для необходимости исследований радионовой опасности.

Появление радона внутри пещер обусловлено его эманированием из горных пород, слагающих массив, и поступлением по разломам и трещинам из недр. При этом высока и роль воды, которая является хорошим, а часто и основным поставщиком радона.

Количество радона, поступающего в воздух, определяется не только содержанием его в породах, но и величиной коэффициента эманирования, определяющего ту дозу радона, которая поступает в поры материала (а потом в атмосферу) от общего количества радона, образующегося в породе. Даже при невысоком радиоактивном фоне горных пород, но при высоком уровне эманирования количество поступающего в атмосферу радона может быть достаточно высоким. В этом случае мощность гамма-излучения не характеризует радиационную опасность.

Полученные данные по содержанию в воздухе пещеры радона диктуют необходимость проведения исследований содержания радиоактивных элементов в воде подземных озер и ручьев пещеры.

Для определения эквивалентной равновесной объемной активности (ЭРОА) радона (содержание дочерних продуктов) в воздухе пещеры было выполнено 30 измерений с помощью интегральных трековых радиометров радона ИТРР. Для определения интегральной (средней за время экспозиции) объемной активности радона в воздухе использовалась методика, разработанная в НИИ-ИРГ и ЕПО «ВНИИ им. Д.И. Менделеева» по методике выполнения измерений объемной активности ^{222}Rn в воздухе [Методика выполнения измерений интегральными трековыми радиометрами радона. СПб., 1992. С. 11].

При проведении обследования радиационной обстановки в пещере более надежные результаты могут быть получены при использовании различных методик. В частности, определение мгновенных значений объемной активности радона, дочерних продуктов его распада проводится на приборах РВ-4 и ОГА-01 т по методу Маркова.

Таким образом, данные, полученные методом ИТРР, должны быть подтверждены и дополнены измерениями мгновенных значений объемной активности радона, в частности это позволит выявить возможные суточные колебания его концентрации.

В связи с повышением концентраций радона в полостях с озёрами и водотоками необходимо определение содержания радия-226 в воде подземных водосмонов.

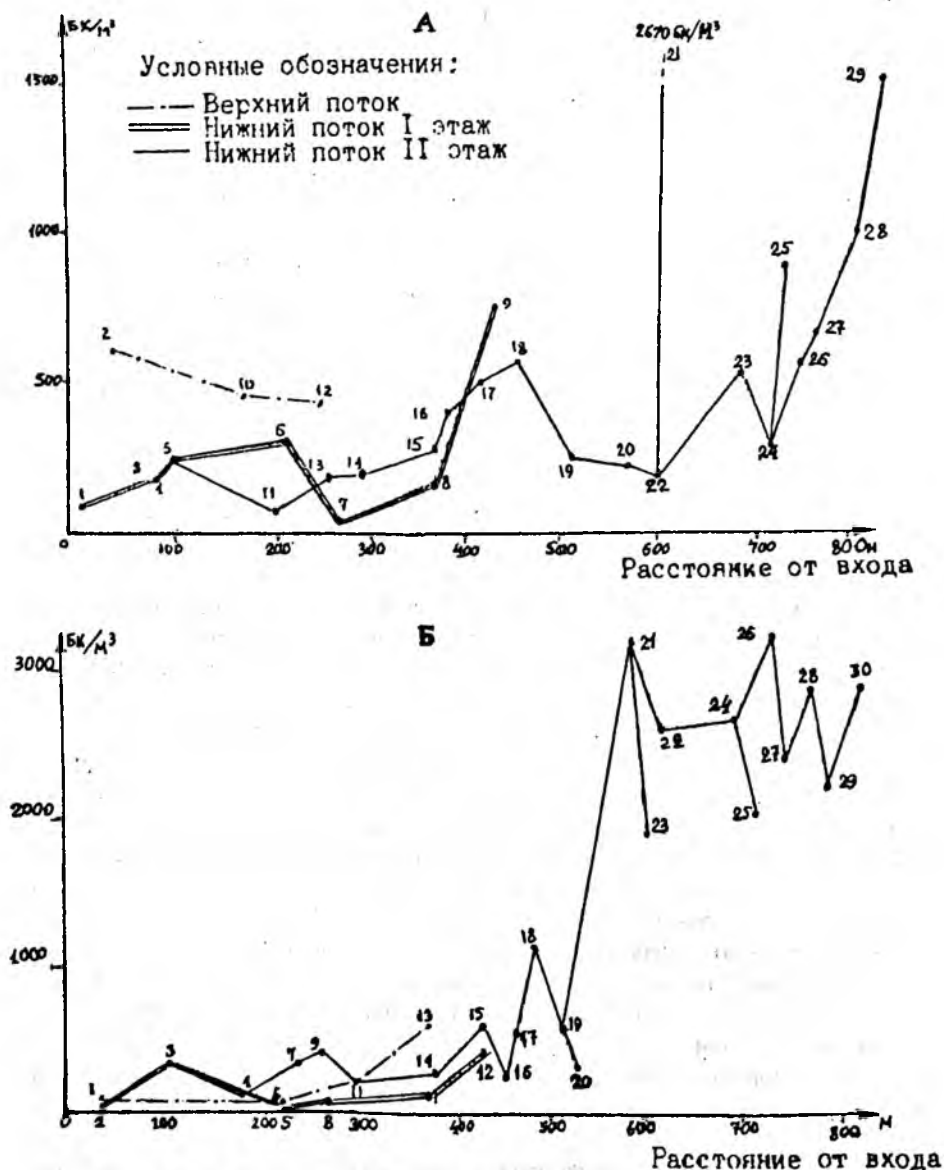
Содержание радиоактивного газа радона в воздухе пещеры играет огромную роль в формировании ее экологического облика, в значительной степени определяет возможность использования в качестве экскурсионного объекта и влияет на развитие пещерной флоры и фауны.

Кроме чисто прикладного, эти работы имеют большое теоретическое значение, так как концентрация и закономерности миграции радона в карстовых спелеосистемах не изучались в России, а за рубежом только начинается и отражено всего в нескольких публикациях. Содержание радона в пещере весьма различно – от 40 до 2670 Бк/м³. Максимальные содержания в марте 1995 г. встречены в зале Бездны на берегу подземной р. Шульган и у Верхнего озера в Озерном ходе. В обоих случаях – это полости с затрудненным воздухообменом и крупными водотоками. При этом в Озерном ходе преобладает фактор застойности, а в зале Бездны определяющее значение имеет наличие радиационной аномалии на берегу временного водотока в северной части зала и мощных тектонических нарушений.

Значительно повышено содержание радона зимой в верхней части полостей по сравнению с полом, особенно в сужениях, где через небольшое сечение проходят значительные объемы «теплого» пещерного воздуха. Это – привходовая часть Главной галереи, в которой удалось сделать замер в метре под потолком на Первых воротах, верх Первой лестницы, где проходит верхний поток с Первого этажа, Жемчужный тупик, через который теплый воздух уходит, видимо, в пещеру Ташкелят.

Уровень радона повышен в полостях с застойным режимом: наклонный нисходящий тупик Сталактитового зала, Северный тупик зала Хаоса, тупик «Клада» Акустического зала и, в меньшей мере, щель у Маленького верхнего озера.

Без сомнения, содержание радона увеличивается в полостях, в которых вскрываются мощные тектонические нарушения. К таковым относятся: залы Акустический, Радужный, Бездны, Вторая галерея. Несколько повышено содержание радона в зале Серп и над Большим Дальним колодезем, что, видимо, объясняется удаленностью от входа и влиянием аномалии в зале Бездны (рис. 3).

Р и с. 3. Содержание радона в воздухе пещеры Шульган-Таш (в беккерелях / м³) в марте (А) и июле (Б) 1995 г.

В июне – июле 1995 г. для выявления летней ситуации было проведено повторное опробование содержания радона в Каповой пещере. Замеры проводились экспозиционным трековым методом. По данным опробования выявлена достаточно простая картина. В ближних ко входу районах, в том числе на Первом этаже, его концентрация (эквивалентная доза), как правило, не превышала 100 Бк/м³. Несколько повышена концентрация радона в Северном тупике зала Хаоса, с застойным режимом воздухообмена и в «Горле», через которое проходит значительный объем пещерного воздуха, обогащенного радоном. Мы ожидали в этих точках более высокого содержания, но ни на Вторых, ни на Первых воротах в нижнем потоке, выходящем из пещеры, не выявилось содержаний радона выше 170 Бк/м³. По-видимому, воздухообмен при летнем микроклиматическом режиме достаточно высок для выноса радона из большинства полостей Первого этажа, и он не успевает накапливаться в заметных количествах. Повышение концентрации наблюдается в Жемчужном тупике (260 Бк/м³) и в арке зала Рисунков (310 Бк/м³). Далее, начиная со Второй галереи до зала Верхнего преобладают содержания от 250 до 380 Бк/м³, достигающие в зале Храм 580 Бк/м³. Пониженные значения в этой зоне наблюдаются в крупных ответвлениях, которые, вполне вероятно, имеют пусть и затрудненную – через щели, связь с поверхностью. За Верхним залом, после спуска в нижнюю часть Брильянтового зала, концентрация радона резко возрастает (более 1000 Бк/м³), достигая в Сталактитовом зале 1770 Бк/м³ (рис.3).

Таким образом, концентрация радона в летний период напрямую связана с удаленностью от входа, т.е. с интенсивностью воздухообмена, и отвечает трем микроклиматическим зонам: ближней, в основном первый этаж, с хорошей вентиляцией, средней – второй этаж до зала Верхнего, со средней величиной воздухообмена, и дальней – Новый район, Дальнее Верхнее озеро, со слабым воздухообменом, где идет значительное накопление радона. Повышенные содержания происходят, как правило, у пола полостей, где летом идет нижний «пещерный» воздух, понижение наблюдается в полостях, где возможен приток по трещинам поверхностного чистого воздуха.

Проекты организации экскурсионного маршрута в ближней части пещеры требуют оценки суммарной дозы, которую получают экскурсоводы при работе в пещере в разные сезоны.

Измерения объемной активности радона были проведены в восьми точках предполагаемого экскурсионного маршрута. Она составила на маршруте в среднем 105 Бк/м, изменяясь в диапазоне 31–345 Бк/м. Результаты измерений позволили определить среднее значение экспозиции Бк/ч/м³ на время проведения одной экскурсии (4 часа). Согласно рекомендациям НК ДАР ООН для пещер рекомендовано значение коэффициента равновесия между радоном и его дочерними продуктами, равное 0,5, что даст значение экспозиции персонала по ДПР равное 210 Бк/м³ за время проведения одной экскурсии или 75 Бк/ч/м³ за год, при условии проведения одной экскурсии каждый день. Для определения эффективных доз облучения лиц, проводящих экскурсии в пещере, использован дозовый коэффициент, рекомендован-

ный МКРЗ и составляющий $1,7 \times 10^{-8}$ Зв \times м³/(Бк/ч). Рассчитанные таким образом значения эффективных доз составили 3,6 мкЗв за одну экскурсию и 1,3 мЗв/год при проведении одной экскурсии каждый день в году. Таким образом, по результатам исследований можно сделать предварительный вывод о радиационной безопасности маршрута, поскольку эффективные дозы посетителей пещеры не превысят 5 мкЗв за посещение, а годовая доза персонала, обслуживающего экскурсии, при наихудших условиях составит 1,3 мЗв/год. Окончательное заключение о степени радиационной безопасности предполагаемых экскурсий можно будет сделать только после проведения совместных измерений мгновенных значений объемной активности радона и аэрозолей ДПР в воздухе пещеры для уточнения значения коэффициента равновесия и соответственно эффективных доз облучения персонала и экскурсантов.

Летом 1995 г. замерялся также уровень концентрации радона в пещерах района – Ташкелят, Кульюртамак и Гаснущих. Наибольшая концентрация радона (2740 Бк/м³) обнаружена в пещере Гаснущих в камере у лаза к колодцу, в 26 м от входа. В Ташкеляте (1760 Бк/м³) ловушка находилась в южной части Левого Ташкелята, в 50 м от входа. Таким образом, концентрация радона зависит не от удаленности полостей от входа, а от суммы факторов, влияющих на воздухообмен. В пещере Гаснущих воздухообмен затруднен из-за узкого входного меандра – содержания огромны; в пещере Кульюртамак напротив – просторный входной грот и сравнительно крупные полости, ведущие к ловушке, исключая последний тупиковый лаз, – содержание значительно ниже. В Ташкелят ловушка находилась в нижней части системы, сравнительно далеко от входа, за полостями среднего и малого сечения, имеется возможность воздухообмена с Каповой пещерой, через непроходимые щели.

Таким образом, содержание радона в карстовой системе контролируется следующими факторами: 1 – радиоактивными аномалиями в полостях, 2 – интенсивностью дизъюнктивной тектоники, 3 – затрудненным воздухообменом застойного микроклиматического режима полостей, 4 – наличием водотоков (ручьев и озер), 5 – воздушным потоком, выходящим из пещеры: зимой – «теплым» верхним, летом, видимо, нижним – «холодным».

Необходимо провести исследования содержания радона во все сезоны года, в т.ч. осенью, весной, когда оно должно быть максимальным, а также проконтролировать результаты замеров мгновенных значений объемной активности радона при помощи мембранного метода прибором РГА-0,1 т, что позволит получить данные сезонных колебаний.

После открытия А.В. Рюминым палеолитической живописи московские реставраторы из мастерской Грабаря под руководством О.Н. Бадера провели очистку рисунков от грязи, копоти и надписей туристов. В зале Хаоса на южной стене они расчистили из-под слоя альцита прекрасную композицию «лошадки». При этом был снят слой кальцитовых натеков мощностью до 4–5 см. Внешний слой натеков имел пористую структуру и был близок по своим свойствам к известковому туфу с мелкими полостями, кораллитами и крис-

таллитами, на глубине 2–3 см его сменил плотный сахаровидный слой сталагмитовой коры. Внутренний прилегающий к рисункам слой был перекристаллизован, но имел реликты слоистости и шестоватого строения. При расчистке композиции он частично был сохранен для защиты красочного слоя. Композиция прекрасно сохранилась – была очень четкая, яркая, кроме привычной красной охры в обводке внешних линий присутствовали бурые и красно-коричневые тона красителя. Эти стилизованные лошадки, без сомнения, были самыми хорошо сохранившимися, интересными и ценными рисунками. К сожалению, после расчистки рисунков началось их интенсивное разрушение стекающей по стене водой. При расчистке натечная кора была расчленена углублениями, сделанными прямо по площади самих линий рисунков, что способствовало концентрации стока влаги на участках с красочным слоем. Сейчас в паводке тонкий защитный слой кальцита разрушается при коррозии и эрозии, а выступающие края смежных участков кальцитовых кор подмываются и отслаиваются от стены. На некоторых участках защитный слой разрушен и кородируется краситель, отслаивается красочный слой, размывается субстрат. В межень гидрохимические характеристики водотоков и пленочных вод меняются и происходит быстрое зарастание рисунков пленками белых кальцитовых натеков. Сейчас более половины площади композиции закрыто натечками, а остальная часть рисунка с трудом просматривается через тонкую пленку кальцита. Эти процессы могут привести к утрате рисунков в ближайшие 10–15 лет. Вопреки распространенному мнению, кальцитовые натечки нельзя снимать с красочного слоя многократно. При каждой расчистке слой существенно страдает, часть красителя диффундирует в новообразованные натечки, рассеивается фильтрующейся через коры влагой.

Первостепенным мероприятием по спасению живописи должен стать отвод воды, поступающей в зал Хаоса из каньона р. Шульган. Только после отвода воды от рисунков можно начинать работы по их закреплению и реставрации.

Рисунки и, в меньшей степени, знаки залов Купальный и Знаков также сильно пострадали. Часть из них безвозвратно утратила свой первоначальный облик – от них остались только неясные размытые пятна с частично осыпавшимся слоем красителя. Таково, например пятно в зале Купольный на северо-восточной стене с пропавшей надписью «Кумертау». Кроме влаги, мощным разрушительным фактором в этом зале является термальное, морозное выветривание, т.к. в большие морозы наблюдаются отрицательные температуры. В зале Знаков состояние рисунков западной стены немногим лучше, но здесь основным фактором является коррозия рисунков пленочной и конденсационной влагой. В настоящее время они находятся в таком состоянии, что уже невозможно определить, какие животные были изображены, красочный слой шелушится и отслаивается. Примечательно, что практически все «знаки» сохранились значительно лучше. Можно предположить, что они моложе рисунков.

Состояние рисунков второго этажа намного лучше, но и оно внушает опасения. Вот какие процессы наблюдались нами летом 1995 г.

Погода в это время была жаркая и сухая, тем не менее, рисунки композиции «Лошадки» в зале Хаоса все время подвергались увлажнению. Главным образом это была инфлюационная и инфильтрационная влага из каньона р. Шульган. Ее количество несколько снизилось в середине лета, но все же было достаточно, чтобы считать состояние рисунка угрожающим. Аналогичная ситуация наблюдалась на восточной стене зала Хаоса, где расположено «Антропоморфное» изображение. Немногим лучше было состояние рисунков в зале Знаков, стены которого почти высохли к середине лета. Композиции в зале Рисунков на втором этаже пещеры выглядели значительно лучше. Стены были совершенно сухими, зоны конденсации локализовывались над входной аркой и не затрагивали рисунки. Но уже 20 июня на западной стене появились струйки подтсков. Одна из первых струек пересекла переднюю часть рисунка «Быка». Движение капель, стекающих вниз по стене, было достаточно быстрым, его можно было заметить, наблюдая в течение нескольких минут. Зона увлажнения в верхней части стены расширялась. Композиция «Мамонтиха с мамонтенком», расположенная севернее в нескольких метрах на этой же стене, какое-то время оставалась сухой, но уже 21 июня зона увлажнения поглотила сначала «Красного мамонта», расположенного чуть севернее, а затем и всего «Мамонтенка». Рисунок «Мамонтихи» оставался сухим благодаря куполообразной форме стены над ним. 22 июня зона увлажнения захватила всю переднюю часть «Мамонтихи». 23 июня началось увлажнение восточной стены. Первая струйка была замечена на рисунке «Норога». Здесь также зона увлажнения расширялась вверх по стене. Увлажнение второго этажа было заметно по возникновению капли и луж в Первой галерее и в центре зала Рисунков. 28 июня вода распространилась на заднюю часть рисунка «Мамонтихи», на рисунок «Лошади» на восточной стене и подошла к «Трапедии» и «Верхнему левому Мамонту». 10 июля вся западная стена была увлажнена, а на восточной оставались сухими только рисунок «Мамонта» левее и ниже «Лошади». Таким образом, в условиях жаркого и сухого лета в пещере усилился тепло-массообмен, активизировалось конденсатообразование и началось сильное увлажнение стен зала Рисунков, весьма неблагоприятное для их сохранности. Эти наблюдения свидетельствуют, что и условия в зале Рисунков нельзя назвать идеальными.

В целом на рисунки действуют следующие негативные факторы.

1. Влага, стекающая по стенам инфильтрационной и инфлюационной природы, осуществляющая коррозионное и эрозионное воздействие.
2. Конденсационная, химически активная капель, интенсивно корродирующая кальцит.
3. Аэрозольная химически активная влага, образующаяся главным образом при падении капли.
4. Морозное, термальное выветривание.
5. Образование молочнокислых пленочных натесков кальцита.
6. Диффузионное рассивание красителя в известняке субстрата и новообразованных натесков.
7. Микробиологический фактор – коррозия и зарастание рисунков мик-

роорганизмами.

8. Антропогенный фактор – механическое повреждение рисунков, загрязнение и т.д.

Наибольшую опасность для рисунков имеют водотоки, поставляющие влагу в зал Хаоса на первом этаже. Предлагается локализовать сток ручья Харала в каньоне р. Шульган с помощью тампонажа поноров или строительства лотка.

Летом 1995 г. в работе нашей группы принимал участие опытный реставратор С.Б. Шигорец, работавший под руководством руководителя лаборатории Гос. Эрмитажа Е.П. Мельниковой. По решению ученого совета заповедника для проведения эксперимента по закреплению рисунков им был выбран участок стены вблизи композиции «Лошадки». Участок был обработан с помощью гидрофобных покрытий кремнийорганических соединений и полиэтиленовым воском. Второй экспериментальный участок находится в наклонной щели под «Антропоморфным» изображением. На протяжении трех недель, пока велось наблюдение, обработанные поверхности сохраняли гидрофобные свойства. Вода стекала по ним отдельными редкими струйками, все время менявшими положение, смачивание поверхности отсутствовало. Кроме того, было оставлено несколько обработанных гидрофобным составом образцов на полу зала под композицией «Лошадки». Таким образом, первые эксперименты можно считать обнадеживающими. Очень важно было исследовать состояние обработанных поверхностей через год, после весеннего паводка, представляющего наибольшую опасность для рисунков, но в связи с приостановкой работ, этого, к сожалению, не было сделано. Для успешного проведения закрепления рисунков и их реставрации предстоит опробовать различные модификации смесей и добиться их максимальной устойчивости в условиях повышенной влажности и низких температур карстовых полостей.

В лаборатории Русского музея были сделаны качественные определения красителя по чешуйкам, найденным у рисунков. Краска определена как сложная, специально приготовленная с применением обжига. Красная краска соответствует качественной реакции на «сиену», а черная, которая, возможно, является продуктом разложения первичной краски, определяется как «марс». Определители считают, что эти краски древние и типичны для палеолитической живописи.

В лаборатории ВСЕГЕИ В.А. Шиловым был проведен лазерно-спектральный анализ образцов краски, подтверждающий ее приготовление из бурых железняков.

Таким образом, впервые после открытия рисунков проведены эксперименты, доказывающие принципиальную возможность закрепления живописи и сохранения ее в течение длительного времени.

Как показывает мировой опыт, массовое посещение пещер с палеолитической живописью приносит им существенный вред и, рано или поздно, создает опасность уничтожения. На западе, как правило, сейчас такие пещеры посещаются крайне редко, в основном специалистами-реставраторами, археологами, искусствоведами. Рисунки демонстрируются широкой публике в виде ко-

пий в специальных музеях. Иногда даже создаются искусственные дубликаты пещер для проведения массовых экскурсий, например копия пещеры Ляско, установленная в пригороде Парижа.

Наилучшим решением вопроса о пещере Шульган-Таш было бы ее закрытие для массового посещения. К сожалению, опыт говорит о том, что полного закрытия в данной ситуации не добиться. Слишком велик интерес к пещере, особенно местных жителей и туристов из других районов Башкирии, считающих ее своей национальной гордостью. По р. Белой проходит всероссийский водный маршрут, и многие туристы специально едут посмотреть пещеру. Нельзя забывать, что палеолитическая живопись пещеры Шульган-Таш имеет мировое значение для истории культуры и искусства. Ее необходимо сохранить. Поэтому мы предлагаем компромиссное решение проблемы. Морфология пещеры и ее микроклиматические особенности позволяют осуществить жестко регламентированное экскурсионно-туристическое использование ближней части пещеры при условии ее обустройства и проведения комплексного мониторинга за состоянием динамических параметров спелеосистемы.

Скорейшее обустройство ближней части пещеры совершенно необходимо, так как проведение экскурсий в настоящий момент ведет к уничтожению глинистых отложений, в которых, вполне возможно, находятся отложения «культурного слоя». Кроме того, происходит загрязнение полостей по всему маршруту и создается опасность для самих экскурсантов. Мелкие происшествия (травмы экскурсантов) уже имели место. Обустройство надо проводить вне зависимости от дальнейших планов проведения туристской деятельности в пещере. Даже если будет принято решение о ее закрытии, оно все равно необходимо.

Проект предусматривает следующие мероприятия:

1. Установка на экскурсионном маршруте промтрапа от грота Портал до композиции с «Лошадками» в зале Хаоса.
2. Создание в нижней части пещеры в Главной галерее и, возможно, на Каскадной галерее факсимильных копий рисунков залов Хаоса и Рисунков.
3. Установка лестниц, мостков и промтрапов на Западной наклонной стене Главной и Каскадной галерей для обзора сверху ближнего ко входу участка пещеры.
4. Установка двух ворот в «Горле» и у нижней части Большого Ближнего колодца. Разборка двух ворот, стоящих в настоящее время.

Проект двух сборных ворот выполнен и представлен руководству заповедника в июне 1995 г. Ворота должны предотвратить несанкционированные проникновения в глубь пещеры к рисункам. Они расположены так, что их невозможно обойти по скале, как Вторые ворота или перелезть, как это происходит с Первыми. Они практически не заметны с маршрута, не портят впечатления от посещения пещеры, кроме того, они удалены от зоны промерзания глинистого заполнителя и не будут разрушаться во время пучения глин зимой.

На маршруте на всем его протяжении предстоит установить т.н. промтрапы – металлические рифленые мостки и лестницы, рассчитанные на прохождение большого количества людей и устойчивые к повышенной влажно-

сти пещеры. Мостки должны быть установлены на высоте 40 см над полом чтобы не провоцировать экскурсантов спускаться с них. Опорами мостков могут служить металлические трубы или уголки длиной до 1 м с площадкой – опорой в средней части. У воссозданных рисунков должны быть установлены смотровые площадки, позволяющие обматривать живопись одновременно всей туристской группе (15 – 20 человек). В зале Хаоса опоры трапа будут лежать на глыбах, в ближней части забиты на глубину до полуметра в глинистый заполнитель. Установка трапа будет проводиться с применением сварочных работ.

Длина трассы маршрута по первому этажу составляет 280 м. Необходимо оборудовать 2 площадки в Главной галерее. На уступах Каскадной галереи предстоит установить 2 лестницы 10 м и 6 м и 50 м трапа с опорами, забетонированными в небольшие скважины скального основания пола Каскадной галереи, и одну площадку обзора.

Трасса маршрута начинается на склоне привходового вала и проходит между Голубым и Круглым озерами, далее – по центральной части Портала, повернет к центру Первых ворот, а затем пойдет вдоль Восточной стены Главной галереи. В средней части галереи в 3,5 м от стены надо оборудовать 2 смотровые площадки для осмотра копий рисунков. Далее трасса будет проложена к центру галереи, где на большой плоской глыбе перед колонной на Восточной стене оборудуется развилка. К северу вдоль Западной стены проложено продолжение маршрута по Первому этажу, а к западу вверх на восточную стену Каскадной галереи устанавливается под углом 45° лестница длиной 10 м, достигающая первой промежуточной площадки. Далее по Первому этажу трасса маршрута будет проложена ко вторым воротам, пересечет Сталагмитовый зал по направлению к «Горлу», где его свод поднимается над руслом ручейка. Высота прохода здесь невелика, но пробивать в нем более высокий проход нельзя, чтобы не нарушить микроклимат системы. По-видимому, придется отвести от «Горла» воду, уничтожив застаивающуюся здесь большую часть года огромную лужу. Для этого надо оборудовать систему дренажа для сброса воды в Главную галерею вдоль Восточной стены Сталагмитового зала. После «Горла» маршрут проходит через центр зала Купольного к Арке зала Знаков. Здесь лучше всего провести трассу в центре арки, установив два наклонных трапа – один перед глыбами в центре арки, другой за ними в зале Знаков. Далее маршрут проложен вдоль южной стены зала. У глыбового навала зала Хаоса трапа поднимается вверх, устои трапа опираются на наиболее крупные глыбы. Маршрут проложен по направлению к композиции, в 4 метрах от нее устраивается смотровая площадка. В этом месте маршрут заканчивается. Участок маршрута от памятника В.Насонову до композиции с лошадами не должен использоваться для массового туризма, но он необходим для наблюдений за состоянием рисунков, реставрационных и других работ, специальных экскурсий архсологов, искусствоведов и других специалистов.

«Верхняя» часть маршрута с уступа первой террасы Каскадной галереи должна быть оборудована наклонными трапами, ведущими на Ю-З, на вто-

рую террасу под потолком галереи, где устраивается обзорная площадка, далее следует пологий спуск к Ю-В в сторону Портала, затем спуск под углом около 35 градусов по лестнице на пол Главной галереи и в районе Первых ворот – соединение с входной ветвью трассы. Маршрут не должен затрагивать участок «узла» на соединении полостей первого этажа с Ближним колодцем и Каскадной галереей, т.к. это может существенно повлиять на стабильность пещерного микроклимата и нанести вред рисункам не только первого, но и второго этажа.

Таким образом, экскурсанты осмотрят Портал, всю Главную галерею до памятника В.Насонову и большую часть Каскадной галереи, откуда входная часть пещеры выглядит очень живописно. В Главной галерее они увидят копии рисунков лошадок зала Хаоса, «антропоморфное» изображение и самую крупную композицию восточной стены зала Рисунков, а наверху – у площадки обзора в Каскадной галерее – композицию с «семьей мамонтов» западной стены зала Рисунков.

Осмотр маршрута с объяснениями экскурсоводов, подъемом и спуском будет продолжаться около 40–45 мин. Увеличивая время экскурсии, мы, возможно, будем наносить вред микроклимату пещеры и создавать опасность для сохранности рисунков.

Как показывает практика, подавляющее большинство экскурсантов осмотр привходового района вполне удовлетворяет, а рассказ о необходимости сохранить оригиналы рисунков, ссылка на мировой опыт и опасность их массового посещения встречается ими с пониманием.

Проведение этих работ позволит сохранить палеолитическую живопись, упростит проведение работ по ее реставрации и закреплению, и поможет массовому туристу ознакомиться с замечательным памятником природы, истории и искусства.

В ходе работ в пещере было открыто несколько полостей: ход Ткачева, Восходящий, район Киселева и другие, засняты известные ранее, но не откартированные районы: Горного Короля, Штурмовой, «Лепехинский» ход, ход Треугольник и т.д., что вызвало необходимость ревизии морфологических характеристик пещеры. Анализ новых данных с учетом материалов БГУ Е.Д. Богдановича, позволил получить показатели, приведенные в таблице.

Данная статья составлена по результатам исследований пещеры Шульган-Таш в течение 15 лет. Уточнена длина известной части пещеры. Описана геология и морфология пещеры и других карстовых полостей района. Всего в данном районе известно 20 пещер и более 50 мелких гротов. В ходе работ были уточнены геологическое строение участка пещеры и ее структурный план, доказано отсутствие близкого к вертикальному залеганию известняков на участке, преобладание секущих разломов и крупных трещин. Установлена связь развития полостей пещеры с поверхностными формами рельефа и сделано предположение об их возрасте. Уточнена гидрогеологическая позиция пещеры, ее гидрология и гидрогеохимия, сделан вывод о необходимости проведения локализации стока в каньоне р. Шульган для уменьшения обводненности зала Хаоса.

Т а б л и ц а

	Данные БГУ	Наши данные
Проекционная длина	1880 м	2849,7 м
Физическая длина по съемке	2000 м	2857,5 м
Коэффициент Корбеля	1,06	1,84
Коэффициент площадной закарстованности	0,083	0,084
Средняя высота	6,8 м	7,1 м
Средняя ширина	8,9 м	7,67 м
Объем	86100 м ³	155610,7 м ³
Площадь проекционная	16000 м ²	21851,8 м ²
Площадь пола	-	21917 м ²
Длина сифонных участков	-	517,5 м

Выявлены геохимические особенности известняков, натечного кальцита, глины пещеры и охристых красок рисунков, сделан вывод о возможном использовании древними художниками бурых железняков из района Шульгана для приготовления красок. Определен состав черных пленок, покрывающих значительные площади в пещере, оказавшихся сажистыми углеродистыми частицами от костров и факелов, переотложенными текущей водой.

В пещере выявлен ряд радиационных аномалий до 55–70 мкР/ч в зале Бездны, доказано отсутствие аномалий на 1 этаже на экскурсионном маршруте. Впервые в России изучено содержание и закономерности распространения радиоактивного газа радона в природных условиях карстовых полостей, сделан предварительный вывод о возможности проведения экскурсий на первом этаже. Необходимо уточнить эти результаты с применением методик мгновенного определения содержания радона для окончательного заключения о безопасности использования экскурсионного маршрута.

Выявлены закономерности развития ледяных натечных образований, позволяющие, в частности, судить о связи мелких щелевых гротов с крупными полостями в педрах массива и зависимости различных морфологических особенностей натеков от микроклиматических изменений. Изучено распространение в пещере различных видов вторичных натечных кальцитовых образований, выявлены гипсовые кристаллы в зале Радужном.

Длительные режимные наблюдения за микроклиматом на стационарных точках позволили сделать выводы о схеме циркуляции, температурном режиме, изменениях влажности и давления в пещере в различных условиях в разные сезоны, а также показали влияние групп экскурсантов на стабильность микроклимата.

Микробиологические исследования выявили комплекс специфических культур микроорганизмов, характерных для пещеры. Установлено несколько повышенное их содержание на тропах по сравнению с редко посещаемыми участками. В целом воздействие алахтонной микрофауны пока не велико, т.к.

поверхностные микроорганизмы, по-видимому, не приспособлены к условиям пещеры. Беспокойство вызывает бурное размножение плесневых грибов. Сделаны предварительные рекомендации для борьбы с ними. Необходимо провести натурные эксперименты с использованием гидрофобных препаратов при закреплении рисунков.

В подземной р. Шульган в дальнем зале Бездны были обнаружены рыба и лягушка, попавшие в гидросистему пещеры, по-видимому, во время паводка. Это интересная и редкая в экологическом плане находка.

По отобраным нами пробам в лаборатории ВСЕГЕИ В.В.Кочегурой проведено изучение структуры палеомагнитного поля, что позволило выявить детали изменения геомагнитного поля во время экскурсов Моно, Каргополово и Готенбург, а также определить циклы палеовесковых вариаций.

Огромное значение имеет проведенная практически впервые за последние 20 лет экспертная оценка состояния палеолитической живописи. Намечены пути ее реставрации и закрепления с участием ведущих реставраторов-теоретиков России.

Предложен эскизный проект обустройства ближней части пещеры, предусматривающий создание экскурсионного маршрута в гроте Портал и Главной галерее так, чтобы не нанести вреда палеолитической живописи и удовлетворить интерес экскурсантов к пещере и рисункам. Предлагается воссоздать в ближней части точные копии рисунков, чтобы сделать их доступными для массового осмотра.

Таким образом, данная статья отражает состояние изученности пещеры и сохранности рисунков, указывает направление дальнейших исследований и ведения практических работ, необходимых для спасения уникального памятника природы, истории и первобытного искусства – пещеры Шульган-Таш (Каповой). Необходимо провести отвод воды, обустройство входной части, начать консервацию рисунков, вести мониторинг динамических параметров спелеосистемы и продолжить ее комплексное исследование.

SUMMARY

The collection of articles titled “**Problems of Primitive Culture**” has been composed of the contributions of scholars participating in an international conference “**The Cave Paleolithic of the Urals**” held in Oufa in September 1997. The range of the problems discussed has been prompted by the participants’ scholarly venues, the participants themselves coming from as diverse regions as the Urals, St. Petersburg, France and Finland. The topics presented can be divided into 3 major sections: I issues of the primitive art and ancient beliefs; II – problems of the Stone Age archaeology concerning chiefly the Urals region and III issues pertaining to comprehensive research in Natural history and the museum-related matters concerning various Stone Age sites, above all the **Shulgan Tash (Kapova) Cave**.

The first article that begins the collection is by a St. Petersburg researcher **A. Filippov** devoted to problems of the ancient art formation. The item is related to the work by noted French scholar **J. Clotte** who is an expert in the Paleolithic art. The French professor analyses the unique pictorial complex at the Chauvet Cave discovered recently. The St. Petersburg scholar **V. Schelinsky** focuses his attention on the study of drawings in Shulghan Tash, treating of a horse composition in the Chaos hall, among other things. Much discussion might be stirred by the paper of the Oufa archaeologist **V. Kotov** in which he reconstructs the mythological context of two Paleolithic sanctuaries: in the Shulgan Tash cave and in the Zapovednaya Cave. A preliminary report by **Yu. Serikov** on the discovery of a new cave sanctuary on the Chusovaya River contains original materials on the Urals inhabitants’ cult practices in the Stone Age. Finnish professor **E. Autio** comes with a discussion of the seven number related rhythm as an ethnical and cultural induice of the Fenno-Ugric peoples based on data on the Finnish, Karelian and Uralic rock paintings art. A description of a novel find of a piece of monumental art in the Southern Urals is presented in a preliminary report by **S. Bogdanov** and **V. Kotov**.

The articles by **G. Grigoryev**, **T. Scherbakova**, **Yu. Serikov**, **S. Kulakov** consider some particulars of certain Paleolithic relic monuments against a vast comparative background that allows the authors to reach the level of important cultural and historical interpretations. The paper by **G. Danukalova** et al. gives a more precise view on the geological data of the Gornovo site in the South Urals based on results of comprehensive scientific research. The concluding article by **Yu. Lyakhnitsky** and **M. Chuyko** marks a new level of the scientific study and the related problems of the unique cave sanctuary in Shulgan Tash.

So reflected in the present collection of articles are not only the scholarly issues pertaining to the study of Paleolithic spiritual and material culture but also questions of preserving the cultural and historical monuments of much scholarly and practical value.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

Известия ВГО – Известия Всесоюзного географического общества

СА – Советская археология

ЗАЭС – Западно-Сибирское археолого-этнографическое совещание

ММК – Материалы международной конференции

МК – Международная конференция

РА – Российская археология

ЭО – Этнографическое обозрение

СЭ – Советская этнография

АО – Археологические открытия

МИА – Материалы Института археологии

ПГУ – Пермский государственный университет

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода

УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета

БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода

ТКИЧП – Труды Комиссии по изучению четвертичного периода

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Филиппов А.К. Проблема эволюции стилей в искусстве палеолита	5
Клотт Ж. Последние данные о пещере Шове	18
Щелинский В.Е. Настенное искусство верхнепалеолитического святилища в пещере Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале: композиция «Лошади и Знаки» в зале Хаоса	33
Котов В.Г. Палеолитическое святилище в пещере Шульган-таш (Каповой) и мифология Южного Урала	54
Аутио Э. Число «семь» в финских, карельских и уральских петроглифах	80
Котов В.Г. Култ медведя на Урале по данным пещеры Заповедная	86
Сериков Ю.Б. Палеолитическое святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований)	106
Богданов С.В., Котов В.Г. Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале	113
Сериков Ю.Б. Палеолитические пещеры реки Чусовой и проблема первоначального заселения Среднего Зауралья	117
Григорьев Г.П. Относится ли стоянка Талицкого к сибирскому палеолиту?	136
Щербакова Т.И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близнецова на фоне палеолитических индустрий Урала	156
Кулаков С.А. Исследование Ахштырской пещерной стоянки в 1996 г.	170
Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г. Палеолитическое местонахождение Горпова: проблема возраста	187
Ляхницкий Ю.С., Чуйко М.А. Комплексные естественно-научные исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) как основа спасения ее палеолитической живописи	190
Summary	213
Список сокращений	214

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ

Печатается по решению Ученого совета Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Редактор *Н.В. Хрулева*

Корректор *Н.В. Милицкая*

Компьютерная верстка *Ю.В. Федоровой*

Компьютерный набор *Н.Н. Красноперовой*

Лицензия ИД № 05001 от 07 июня 2001 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 25.04.02.

Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Физ.печ.л. 13,37. Усл.печ.л. 17,25. Уч.-изд.л. 16,87.

Тираж 300 экз. Заказ №

Цена договорная

Издательство «Гилем».

450054, г.Уфа, пр.Октября, 71

Отпечатано в типографии «Информреклама».

450077, г. Уфа, ул. Ветошникова, 97. Тел. 52-29-66, 52-01-94